

ВИКТОР КИСЕЛЕВ

ЗОЛОТОЙ ВОДОПАД

Виктор КИСЕЛЕВ

ЗОЛОТОЙ ВОДОПАД

Приключенческая повесть

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1979

— Тайга...

Трубный клич, гимн смелости и отваги, гортанный крик перелетных птиц, зовущий в неведомое, неоткрытое, необжитое сильных и мужественных.

Слабому тайга — мачеха.

Для сильного тайга — кормилица, щедро рассыпавшая свои дары на просторных полянах, дающая приют запоздалому путнику под хвойным шатром.

И в земных недрах не счесть сокровищ. В глубоких кладовых скрыты золото и уголь, недоступные глазу человеческому. На речных отмелях россыпи алмазов и самородков, вымытые и вынесенные наружу из горных расселин. Все эти сокровища ждут своего хозяина.

Мужественные люди живут в тайге. Неутомимые следопыты и зверобои, разгадывающие по едва различимым приметам след крупного зверя: хозяина тайги — медведя или сохатого — гиганта с причудливо изогнутыми рогами...

С давних пор в тайге утвердились свои неписанные законы взаимовыручки, братства, правдивости и гостеприимства. А где-то на обочинах, за спиной тружеников тайги, с непроглядной поры притаился закон хищников и стяжателей, закон борьбы за существование, в которой выживает сильнейший.

Часть первая

ШЕСТЕРО
БЕГЛЫХ

ОДИНОЧЕСТВО

Низкий потолок зимовья, нависший над лежанкой, узкое щелеватое оконце, стены, прокопченные дымом, печурка, сложенная из камней, и хозяин зимовья Степан Дремов — человек молчаливый, замкнутый. И не от роду стал он таким, а судьба-злодейка переломила характер Степана, в молодости парня добродушного, незлобивого. Чужаком, вероотступником посчитали его в кержацком селе, куда забрел ненароком, оставшись круглым сиротой после гибели родителей, которые всю жизнь бездумно скитались по Сибири и погибли на переправе через сумасшедшую таежную реку. Чудом спасся парень, выброшенный набежавшей волной на песчаную косу. Отлежался, оклемался. Еле волоча ноги, добрался до безвестной деревни, манившей дымками над избами и домовитыми запахами. Никто не открыл ему дверь, ни в одном окне не дрогнула занавеска. Только цепные псы из дворов глухо откликались злобным лаем на его робкий стук в калитки.

На выходе из деревни окликнула его немолодая женщина, потом назвавшаяся теткой Агафьей. Увела его, бессловесного, покорного, в свою неказистую избенку, одиноко дремавшую на выселке, да там и приветила его, определила на постой, в тайной надежде скрасить свое старческое убожество. А погода в избенке появилась и молодая жилища. Привела тетка Агафья за руку нищенку-побирушку без роду без племени, от-

ставшую от обоза российских переселенцев. И для нее нашлось местечко в тесном закутке сердобольной старушки.

Недолго прохлаждался Степан в безделье. Выгнал хворь из тела, расправил плечи, выпятил дугой широкую грудь. Ни сном ни духом не ведала тетка Агафья, какого доброго помощника послал ей господь бог. А там и жилища поднялась на ноги. И вовсе не убогой нищенкой, какой попервости показалась она тетке Агафье, повела себя девушка. А когда примерила ей хозяйка свой сарафан, не надеванный ни разу с самой ранней молодости, и вовсе красавица перед ней и Степаном предстала. Прошлась она по прогибающимся скрипучим половичкам, стало в избенке и светлее и наряднее, словно долгожданный праздник заявился к людям, прежде не знавшим счастья.

В деревне Степана и Наталью (так звали жилицу) встречали угрюмыми взглядами. Никто не заводил с ними разговоров, не отвечал на приветствия. Отчужденность от людей сблизила молодых. Без венца и церкви поженила их тетка Агафья, осенив троеперстным крестом. А когда в избенке появился неугомонный крикун, нареченный Митенькой, переполнилась чаша ненависти деревенских кержаков. Зверскую расправу учинили они над теми, кто надругался над святой верой. Степан еле ноги унес, не выдюжив против грубой физической силы озверелых мужиков, один, почитай, против десятка. Укрылся он в тайге, отрешившись от мирской жизни. Невыносимо было пережить гибель жены. Одолели его кержаки. «Плетью обуха не перешибешь», — повторял он не ради утешения, а сдерживая себя от неосмотрительных действий. Годы провел Степан в таежной зимовейке, не оставляя мысли об отместке тем, кто загубил его жизнь, которая перед этим только-только начала налаживаться.

Горестную весть принес ему случайный охотник, забредший в зимовье: тетка Агафья при смерти...

Не думая об опасности, пришел он на выселки проститься с доброй старушкой. Принял ее последнее дыхание, перекрестил троекратно, поцеловал в холодные губы. Взял на руки присмирившего Митеньку, одичало зыркавшего по сторонам, глянул в последний раз на тетку-покоенку, на покосившуюся избенку, служившую ему и его семье долголетним приютом, и, распрямив-

шись во весь рост, прошел по деревне, не оглядываясь по сторонам, прокалываемый изо всех окон жгучими взглядами затаившихся кержаков.

С тех пор и зажил Степан в тайге вместе с сыном.

Промышлял только крупного зверя. Медведи, дикие кабаны, рыси, волки за много верст обходили зимовье охотника. Звериный инстинкт подсказывал им, что единоборство с этим человеком кончится гибелью для них. К мелкому зверью Степан относился снисходительно-добродушно. У его жилья постоянно сновали веселые белки, проворные бурундуки, домовитые кроты. Даже трусливые зайчишки часто выбегали на полянку перед зимовьем. Полюбил Митька маленьких друзей, неизменных его спутников в прогулках по тайге. Вместе с белками он гонял крикливых кедровок, не давая им спускать с кедров шишки раньше времени и обворовывать пушистых зверушек. Выручал, бывало, из пасти лисицы зазевавшегося косога. Научился мастерски свистать по-бурундучьи, созывая свистом стаисо всей округи.

Все дни отец Митьки проводил на охоте или уходил в ближайшие селения сбыть добычу да пополнить запасы муки, соли, табаку, пороху и свинца. А Митьке приносил гостинец — несколько кусков замусоленного сахара, а иногда и банку леденцов.

Мясо в зимовье не переводилось круглый год. Летом это была солонина, заготовленная впрок из зимней добычи, или свеженина, когда отец только приходил из тайги.

Митька наловчился на старом шомполе жаривать куски мяса. Жир вытапливался, капал на горящие поленья в костер, распространяя по лесу аппетитный запах. Зимой любимым блюдом Митьки была строганина из мороженой сохатины. Большого искусства в ее приготовлении не требовалось. Острым ножом Митька настругивал с лытки тонкие ломтики побелевшего от мороза мяса и отправлял их в рот, прикусывая краюхой хлеба. А согревался кипятком, настоящим на сушеных листьях черной смородины или кипрея.

Наступила пятнадцатая весна в жизни Митьки Дремова.

— Однако, паря, ты подрос, — сказал отец. — Этим летом пойдешь со мной на зверя.

Решение отца обрадовало Митьку, хотелось броситься на грудь к нему, неласковому, бородатому, обнять

черную морщинистую шею, прижаться крепко-крепко к груди, скупое, по-мужски выразить свое первое юношеское счастье. Не приучен Митька к нежностям, да и знал, что отец не одобрит его порыва, а, чего доброго, еще осерчает, не возьмет на охоту. Только веселые огоньки забегали в озорных черных глазах мальчишки, когда взглянул он в такие же черные под густыми нахмуренными бровями глаза отца.

Но не суждено было в ту весну сбыться первой охоте Митьки. Незадолго до того, как горные ключи вскрыли ледяные замки на таежных реках, Степан Дремов ушел проведать примеченную зимой берлогу, где на зимнюю спячку залегла медведица.

Через два дня разыскал Митька отца и разоренную им берлогу. И понял Митька, что тут произошло. Медведица в берлоге проснулась раньше времени. Разбудила ее сухостойная лиственница, упавшая наземь. Видно, корни подгнили от старости. Вершиной она угодила прямо на берлогу. Крепким суком пробило снег, землю и задело зверя. Медведица заворочалась в берлоге, почуяла человека. С людьми у нее были старые счеты. Много лет она носила заряд дробы в левом паху и пулю в ягоdice.

Появление разъяренной медведицы для Степана оказалось неожиданным. Ружье, выбитое из рук охотника, выстрелило в воздух, рогатина стала бесполезной. Степан выхватил нож из-за пояса и бросился на медведицу. Через мгновение он полетел кувырком, сшибленный ударом лапы. Охотник вскочил, но медведица одним прыжком настигла его, снова сшибла на землю и навалилась всей тушей. С трудом Степан высвободил руку с ножом и всадил лезвие в горло зверю. В предсмертной агонии медведица рванула когтями кожу с затылка охотника, натянув ее вместе со слипшимися от крови волосами на лоб.

Поединок оказался смертельным для человека и зверя...

Митька свернул тушу медведицы с тела отца и склонился над ним в горестном молчании.

Потерян единственный близкий человек. Одиночество, полное одиночество в безлюдной тайге. Только немые свидетели — высокие лиственницы с побуревшими от времени стволами — печально покачивали кронами.

Могилу в мерзлой земле копать тяжело, и Митька похоронил отца в берлоге, обвалив ее свод и выровняв могильный холмик. Сверху землю он придавил камнем-валуном. К нему прислонил, поставив крест-наскрест, разбитое ружье и ненужную теперь рогатину. Нож Митька забрал себе. Это все, что ему осталось на память об отце.

«Просчитался, видать, батя, — размышлял Митька, — пошел за сороковым, а он оказался-то сорок первый. От сорок первого, старики говорят, не уйдешь».

В зимовье Митька оставался недолго. Припасы кончались, пополнить он их не мог: не было ружья. Решил Митька идти в поселенье, заработать за лето на ружье и вернуться в родное зимовье. Он припрятал от зверя остатки пищи, заготовил сухую растопку и дровишек на случай, если забредет усталый путник, положил на видное место кресало и трут. Плотно прикрыл дверь зимовья, перекрестился и отправился в путь. Рассчитывал он сюда вернуться глубокой осенью, но не вернулся никогда.

ЕСТЬ СИЛЕНКА

Поселковый староста Кирьян Савелович Каинов, сидя за столом, исподлобья смотрел на паренька, неуклюже переминавшегося перед ним с ноги на ногу.

— Митрием, говоришь, кличут, — равнодушно переспросил он, отворачиваясь к окну. — А на что способен?

— На что угодно, дяденька Кирьян, — торопливо отвечал тот, чуя к себе недоверие.

В пятнадцать лет Митька был рослым, крепким парнем. Настоящий таежник.

— Може, силенкой померяемся? — предложил староста и тут же добавил: — А ну садись к столу да ставь руку на локоть.

Не понимая, чего от него хочет староста, Митька сел на кончик скамейки и неловко выставил руку.

— Да не так. Экой неповоротливый.

Кирьян Савелович передвинул Митьку глубже на скамейку, облокотился на стол и, сев напротив, протянул согнутую в локте руку. Сцепившись ладонями, противники уперлись локтями в столешницу.

— Теперь гнети мою руку, Митрий, — приказал староста.

Мериться силой Митьке ни с кем никогда не приходилось. Он понял только одно: от результатов схватки зависит его дальнейшая судьба — заработок, ружье.

— Ну, начинай, паря, — скомандовал староста.

В неожиданный рывок Митька вложил все мальчишеские силы. Трудно было тягаться подростку со здоровым сорокалетним мужчиной — железная рука Кирьяна Савеловича даже не шелохнулась. Зато Митька почувствовал, что его рука перестала сопротивляться и медленно гнется к столу. Последних три-четыре вершка она прошла в мгновение. Сухо щелкнули казанки. Митька испуганно схватился за пальцы, выпущенные из широкой ладони старосты.

— Есть силенка, молодец, паря, — равнодушно вымолвил Кирьян Савелович. — Подрастешь — еще потягаемся.

В первое лето Митька на ружье не заработал, еще остался должен Кирьяну Савеловичу. Нужно было справиться одержонку, отработать долг, взятый на полушубок и пимы.

Молодой работник прижился у старосты. Может быть, и ушел бы Митька, убедившись в тщетности заработать деньги, да завелась у него зазноба, и не где-нибудь, а прямо в доме Кирьяна Савеловича — племянница его Галя.

Семья у хозяина невелика: сам да хозяйка Степанида Васильевна, неповоротливая из-за дородности своих телес. Первую жену Кирьян Савелович, как рассказывали, забил до смерти через год после замужества за строптивый нрав и непослушание мужней воле. Бобылем жил недолго. Присмотрел вдовую солдатку Степаниду, муж которой сложил голову в русско-турецкую под Плевной за веру, царя и отечество. Смазливая круглотелая бабенка вошла в дом старосты как повелительная хозяйка и осталась там навсегда без венца и церкви. Раздобрела она на дармовых харчах после жизни в нужде да впроголодь! До того раздобрела, что даже наследника не смогла принести в дом хозяину. Пользы от нее для дома на грош, все больше лежит, охает да командует всеми. Тогда-то и привез Кирьян Савелович племянницу, чтобы присматривала за хозяйством,

щи варила и Степаниду ублажала. Тихая, безответная Галя превратилась в батрачку.

А для тяжелой работы нанял староста Митьку. Не сразу заметил Митька Галю в доме, неслышную, замкнутую. А как увидел, глаз не мог отвести, хоть и не была девушка красавицей. Молодость и чистая открытая душа — нет лучше красоты для человека. Робко тянулись молодые люди друг к другу. Прирожденная скромность обоих не давала им сблизиться, сказать хоть одно из тех слов, которым века нет износу.

Лишних встреч они избегали. А когда приходилось вместе работать, казалось, что встречались посторонние люди. Любовь их была запрятана и от чужих глаз, и друг от друга. Но она-то и задержала Митьку у старосты и на второй и на третий год.

Годы прошли незаметно. Хозяйство Кирьяна Савеловича расширялось, и Митьке прибавлялось работы. Весной на пахоте, летом на сенокосе, осенью на уборке, на заготовке дров. Зимой таежные дела, промысел зверя. Ко всему этому работа по дому: уход за скотом, подвозка воды, ремонт усадьбы и построек. Со всем Митька справлялся играючи, без напряжения, как заправский крестьянин, опытный охотник. Случались на охоте и курьезы.

По осени, когда хлеба были скошены и обмолочены, приметил Митька, что на пашни повадилось большое стадо диких коз. Перед зимней голодухой косули наедали тело, подбирая на опустевшем ячменном поле оставленные колоски и зерна. На открытом месте подойти к ним незаметно было невозможно, нужно было устраивать загон. Митька подзадорил Кирьяна Савеловича, что козы сами на мушку просятся и неплохо было бы полакомиться свежениной.

— Не приучен я к охоте, — вяло запротестовал староста. — Редко когда ружье в руках держать приходилось.

— Да што ты, дядя Кирьян, — не успокаивался Митька, — я сам пойду в загон и так те косую выгоно, што хошь имай ее голыми руками.

Природная жадность взяла верх, кому во вред разве когда было поживиться дармовым мясом. Кирьян Савелович скликал своих подручных Алеху да Петруху, да еще двух соседних мужиков.

Митька расставил по номерам грузных, неповорот-

ливых чалдонов, приказал им затаиться от ячменного поля, там, где лесная опушка обращалась в редкий часток деревьев, у корня прощитых мелким кустарником. Сам же с каиновскими подручными пошел налегке в загон.

Недолго ждал Кирьян Савелович выгона животных. И одной сигарки искурить не успел, как услышал улюлюканье и гортанные выкрики загонщиков. Кирьян Савелович прижал к плечу приклад двустволки, взвел курки, высматривая цель. В тот же миг поблизости кусты затрещали, да так хлестко, словно сквозь них продирался целый табун сохатых. Косуля с выводком молодых козлят вылетела из кустов, как в сказке, прямо на Кирьяна Савеловича. И хотя он ждал животных, но невольно опешил. Короткого замешательства охотника хватило козам, чтобы, вильнув в сторону, уйти от опасности. В порыве досады Кирьян Савелович пальнул дуплетом вдогонку наобум.

Митька вырос перед хозяином как из-под земли.

— Кто стрелял? — задал он нелепый вопрос. И без того по дымящимся стволам было видно, кто стрелял.

— Я малость стрелил, — подтвердил староста.

— Где коза? — наступал Митька.

— Ушла коза, поминай как звали, — раздраженно ответил Кирьян Савелович.

— Иди в загон, — не сдержался Митька.

— Гоняй сам, ежели тебе приспичило. А у меня что-то к охоте всякая охота пропала.

Кирьян Савелович подозвал подручных, передал им свое охотничье снаряжение и, заложив руки за спину, твердо зашагал к дому. Алеха и Петруха поплелись за ним.

«Это тебе даром не пройдет. Не прощу изгальства», — затаил на батрака страшную злобу оскорбленный хозяин.

РАСЧЕТ ВЧИСТУЮ

Весной, когда Митьке стукнуло восемнадцать, он заявил хозяину:

— Последнее лето работаю, Кирьян Савелович. Осенью полный расчет.

Неучен был грамоте Митька, а сумел сосчитать, сколько причитается ему осенью с хозяина. На эти день-

ги можно было и ружье купить, и порох, и харч на первое время. Хотел обосноваться парень в тайге прочно, а потом и Галю высватать.

Долго тянул с расчетом Кирьян Савелович — в его руках вся власть, и жаловаться некому. Легко ли расставаться с дюжим парнем, у которого спорится любое дело. Только понял староста, что не удержать ему более Митьку: «Сколько волка нй корми, все в лес смотрит».

— Собирайся-ка, Митрий, в лес. Привезешь дровишки на зиму, тогда и расчет полный, — распорядился Кирьян Савелович, как только установился санный путь.

Дрова были заготовлены в ближнем березняке, за лето хорошо просохли. Митька за три дня на двух лошадях перевез почти всю поленницу. Оставались последние два воза. Нагрузив одни дровни, он, расстегнув полушубок, достал кисет. Легкий морозец пощипывал пальцы, свертывающие сигарку. Митька сел на колоду, задымил. Усталости не было. Он без труда нагрузил бы и вторые дровни, да так уж заведено, что в каждой работе бывает перекур.

«Хороший хозяин Кирьян Савелович, — думает он, — можно бы дальше жить, да тайга тянет. В люди надо выходить, семьей обзаводиться. Как-то там мое зимовье?»

За эти годы Митьке ни разу не удалось сбегать в тайгу, к могиле отца и брошенному зимовью: хозяин не отпускал далеко. И все-таки у Митьки не было злобы на хозяина. Вспомнил он, как каждую осень после уборки Кирьян Савелович наделял подарками и поил вусмерть самогонкой. Не пристрастился к этому зелью Митька, но раз в год считал выпивку законной.

Изрядно выпив, староста мерился с Митькой силой. Каждый раз Митька терпел поражение, но чувствовал, что победа его противнику дается все трудней и трудней. Мускулы парня наливались силой, ноги крепчали, грудь рвала пуговицы на рубаше. В последний раз хозяин не осилил своего работника. Не дав опомниться Кирьяну Савеловичу, Митька звериной хваткой сжал его еще крепкую руку и трижды прижал к столу.

— Будя, хозяин, — угрюмо промолвил Митька, когда Кирьян Савелович в пьяном задоре потребовал переиграть схватку.

«Ишь какого варнака выкормил себе на шею», —

359900

подумал Кирьян Савелович и тогда же решил рассчитаться с работником вчистую...

Митька затянулся дымом в последний раз, бросил сигарку, обжигавшую ему пальцы, и поднялся с колоды. Шага сделать не успел. Сильный удар по голове сзади подкосил ноги. Падая, он повернулся и увидел старосту.

— Хозяин... за што?.. — прохрипел он, не чувствуя новых ударов и не слыша, как староста, озверевший от вида крови, отбросив полено в сторону, зло выдавил:

— Вот и в расчете, варнак.

Никто не видел, как Кирьян Савелович затолкал неподвижное тело Митьки под колоду и присыпал его снегом. В сумерках он пригнал лошадей, разгрузил дрова, при свете фонаря уложил в поленницу. На огонек во двор к Кирьяну Савеловичу заглянул сосед.

— Пошто сам работаешь, а работничек-то где? Али рассчитал?

— Рассчитал вчистую, — ответил Кирьян Савелович, поднимаясь с фонарем на крыльцо. — Уехал он от меня...

колдунья

Дядя Кирьян захрапел. Спал он крепко, как человек со спокойной душой и чистой совестью, особенно сегодня, хватив перед сном с устатку ковш самогонки. Галя сунула босые ноги в валенки, набросила шубейку, завернула голову платком, неслышно выскользнула из дому и, скрываясь от лунного света в тени заплотов, побежала на край села. Может быть, единственная во всем селе Галя при встречах с Шестопалихой не отворачивалась от нее, не обходила стороной и не плевала ей вслед, а смущенно и почтительно желала старухе здоровья. Услышав тихий стук в окно, колдунья открыла ей сразу, как будто стояла у дверей, ожидая прихода поздней гостьи.

К ней, Шестопалихе, отвергнутой и презираемой всеми, прибежала на край села, в полуразвалившуюся избышку, Галя, когда почувствовала: что-то неладное сделал дядя Кирьян с Митькой. Ей-то не нужно было объяснять, как дядя рассчитался с работником: Митька был не первой жертвой старосты. Другие богатеи в селе твердо усвоили доходную для них систему расчета. Поди разберись потом, чьи кости и череп, обглоданные

зверьем, омытые дождем и ветрами, случайно найдут в лесу под колодами охотники.

— А куда он его послал? — стараясь придать скрипучему голосу нежный оттенок, заговорила старуха. — Не казись, милая, я знаю, где у Кирьяна поленницы дров, пойдем туда, посмотрим.

Шестопалиха шла впереди, освещая дорогу фонарем. Ее всегда согнутая спина выпрямилась, опущенная голова поднялась над маленьким телом. Шла она легко и быстро, как, видно, ходила в далекой забытой молодости. Галя едва поспевала за ней, волоча за веревку санки, прихваченные у Шестопалихи. Вот и березняк, где осенью Галя с Митей заготавливали дрова. Десятки пней — следы поваленных берез. Пни зима уже нарядила в низкие снежные шапки. В лунном свете шапки казались отделанными мехом голубого песка. Здесь хотел впервые ее поцеловать Митя, когда сидели они под березой на желтых осенних листьях, отдыхали, перебрасываясь безобидными юношескими шутками. Хотел, да так и не поцеловал, увидев в самой глубине ее чистых синих глаз мольбу и готовые набежать слезы. Как жаль было ей сейчас этого невосвратно потерянного поцелуя, первого и, может быть, последнего в ее коротком счастье.

— Где-то тут твой соколик, — заговорила старуха, направляя свет фонаря под колоду. — Это кирьяновский участок...

— Бабушка, да ты и впрямь колдунья, — испугалась Галя, не видя перед собой ничего, кроме сугроба снега.

— Заглянем под колоду, — уверенно сказала Шестопалиха. — Вон желтое пятно и парок.

Галя быстро разгребла неглубокий слой снега, и они с Шестопалихой вытащили неподвижное тело Мити из-под колоды.

— Три ему лицо и руки снегом, голубушка, — приказала Шестопалиха. — А я пока покурю, — добавила она, доставая из-за пазухи длинную трубку.

Зиму пролежал Митька в избушке у колдуньи. Выходила его старая.

Самой большой Митькиной радостью была Галя, племянница его убийцы и врага. Сговорились они с Галей бежать вместе в тайгу, как только Митька встанет. Бог с ними, с деньгами, которые присвоил старо-

ста. А ружье? Ружье Галя обещала принести перед побегом и этим хоть не полностью, да покрыть долги, которые остались за ее дядей.

Но не об этом долге думал Митька. Помнил он, как с ним рассчитался Каинов вчистую и даже с лихвой. Подходило время дать сдачи.

А Каинов словно и сам желал этого. Выследил он Галю на пути к избушке Шестопалихи и нагрянул туда следом за ней.

Велики были изумление и испуг старосты, когда, открыв рассохшиеся двери и войдя в полутемную комнатушку, огляделся и увидел племянницу, склонившуюся над Митькой. Галя даже не обернулась на скрип двери, решила, что это вошла старая хозяйка. Первым Каинова увидел Митька.

— Хозяин! — дико закричал он, вскакивая с лежанки.

Староста, вытянув руки, понятился к выходу. Здесь и настиг его Митька. Ножом, выхваченным из-под подушки, он сплеча ударил Каинова.

Слаб был еще Митька, ноги подкосились, и грохнулся он у порога. А Каинов выскочил из сеней, побежал по деревне.

— Зарезал, варначина, зарезал! Держите его, люди, да вяжите! — кричал он, поминутно спотыкаясь на бегу, падая на пыльную дорогу.

Вязать Митьку не пришлось. Когда деревенские мужики ворвались в избушку Шестопалихи, Митька лежал на полу. Возле него на коленях стояла Галя.

При виде беспомощного парня ярость мужиков угасла. «Лежачего не бьют», — сказал один из них, отбрасывая кол, выломленный из плетня. «Тащите его в сельскую сборню, а там отправим куда следует», — скомандовал другой.

На Галю никто не обратил внимания. Воспользовавшись суматохой, видя, что Мите не грозит опасность расправы, она исчезла. После этого долго никто ее в селе не видел. Для порядка мужики подожгли жилье колдуньи. Ветхая избушка сгорела дотла в несколько минут. Неожиданно налетевший вихрь развеял пепел, оставшийся после пожара, и пепелище превратилось в чистое место, поросшее вскоре диким бурьяном. Шестопалиха тоже бесследно исчезла, и о ней, наверное, позабыли бы, если бы ежегодно в день разорения ее жи-

лица не случались на селе пожары. Первым сгорел пятиястиенник старосты Каинова. В последующие годы от пожаров пострадали и остальные мужики, спалившие ее избушку. Неотвратимый рок преследовал село до тех пор, пока не был наказан последний обидчик колдуньи.

В ЦЕНТРАЛЕ

В тюрьму широка дорога, а из тюрьмы тесна...

Угодил Митька в Александровский централ, пригнали его туда по Александровскому тракту после губернского суда в Иркутске. Хорошо еще, что дело до суда дошло, а то могли бы мужики расправиться с ним сами, порешить самосудом на месте.

Губернский суд определил ему, Дмитрию Дремову, меру наказания: «За покушение на убийство верного слуги царя и отечества старосты села Убугун Саянского уезда Иркутской губернии Кирияна Савеловича Каинова десять лет каторжных работ с последующим запретом выезда из Сибири».

Два месяца провалялся Митька в тюремной больнице, а потом попал в общую камеру...

Митька сидел на корточках, прижавшись спиной к холодной стене камеры. Нары убраны в нишу — днем отдыхать не положено. В камере, кроме него, еще семь человек. Народ подобрался отпетый: головорезы, варнаки, конокрады.

Староста камеры, мокрушник по прозвищу Кулак-Мои́ла, допросил Митьку по всем статьям подробно и с пристрастием.

— Откудова будешь? — оценивающе оглядел он могучую фигуру нового арестанта, забившегося в угол, смущенного необычностью обстановки.

— Здешний я, — нехотя ответил Митька.

— А ну выдь на свет.

Митька оттолкнулся спиной от степы, сделал два шага к центру камеры, вступив в зарешеченный квадрат солнечного света, проникавшего в полутемное помещение с воли.

— Хорош, бродяга, — одобрительно присвистнул Кулак-Мои́ла, ощупав дотошным взглядом внушительные мышцы и корпус парня. За его спиной мелким го-

рошком прокатился одобрителный смешок арестантов. — На чем погорел?

— Не погорелец я, — не понял вопроса Митька. — Так себе, ножичком немного помахал. — Он рассказал свою незамысловатую историю. — ...Ослабши я был. Не то до ножа никогда дело не дошло бы. Кулаков бы хватило.

— А тайгу хорошо знаешь, не заблудишь в ней? — перевел Кулак-Могила разговор в нужное русло.

— А чё в ней блуждать? Это не город, где улиц много и все одинакие. А в тайге ни троп, ни дорожек одинаких нет. Любая другой кажется.

— Ну, об этом опосля. А скажи, Митрий, — Кулак-Могила вплотную придвинулся к нему, — вот ежели бы тебя с завязанными глазами выпустили бы верстах в ста отселева, нашел бы дорогу обратно?

— А зачем ее в тюрьму-то обратно искать? Еще дале нибудь-куда бы махнул, — отговорился Митька.

— Ты меня не понял. Ну, не в тюрьму, а в село свое родное, к зазнобушке своей, — настойчиво допытывался Кулак-Могила.

— Это запросто. И с завязанными глазами за день верст сто бы отмахал.

— А как бы ты это смог? По нюху, что ли?

— Да уж как-нибудь бы спроворился. Тайга, она к себе уважение любит, выведет на прямую дорожку, только слушай ее подсказки, не перечь ей, не сворачивай в сторону.

Мудреным показалось объяснение Митьки, этого на вид неотесанного парня-простяги, арестантам. Один Кулак-Могила уловил в словах Митьки не пустое бахвальство, а искренность, которая свойственна сибирякам.

— Значит, таежник, — подытожил он разговор с Митькой. — Нужный парень, нужный.

Только много позже понял Митька смысл этих слов.

Соседями по нарам у Митьки оказались два брата, цыгана-конокрада, — Ромка и Фомка. Вели они себя по ночам беспокойно, выкрикивали во сне цыганские ругательства, часто вскакивали и ошарашенно вращали глазами с покрасневшими от бессонницы белками. Детям степей, привыкшим к воле, простору, лошадям и пляскам, в душной вонючей камере, за тридцатью дверями и замками, было особенно тесно.

— Сколько кобылке ни прыгать, а быть в хомуте, —

ответил Роман на вопрос Митьки, за что его упекли в централ.

Целыми днями камерная «шестерня» — мелкое жулье — резалась в карты. Играли в «очко». Успешнее всех банковал Франт — столичный шулер, приехавший на «гастроли» в Сибирь и уличенный в шулерстве на балу у губернатора жандармским полковником Хвостовым. Полковник не уступал Франту в искусстве передергивать карты и, когда увидел на горизонте опасного соперника, поспешил упрятать его в централ.

Первыми из игры выбывали серые, неприметные обитатели камеры Скок и Спок. Проиграв с ходу пайку хлеба, они за бесценок предлагали свои услуги: мыли за других пол, выносили парашу или за ставку выполняли унижительные задания — кукарекали по-петушину, стояли по полчаса на одной ноге или на голове. Дело дошло до того, что однажды Скок, заигравшись, прикупая на туза, решил бить «по банку». Куш стоял порядочный: замусоленные ассигнации, золотой браслет, осьмушка чаю, пайка хлеба, нательная рубаха. Отвечать было нечем. И Скок предложил поставить свои... глаза. Банкомет Франт принял вызов. К тузу Скок купил валета, а потом девятку. Как ни крути, а получается перебор. Скок ахнул. Цыгане и Спок загалдели.

— Одна свинья сгнусит, а все захрюкают, — презрительно проговорил Франт. — Готовься к расчету...

Выкалывать глаза Скоку Франт не стал. Зато аккуратно зашил ему веки нитками. С зашитыми веками Скок жил три дня. Самым большим мучением для него было то, что он не мог принять участие в игре и к тому же лишился возможности наблюдать за другими игроками. Когда глаза у Скока стали гноиться, Кулак-Могила приказал прекратить эти шутки и тут же запретил неудачливому игроку когда-либо брать в руки карты.

Выигрывал у Франта только сам Кулак-Могила. С ним шулер играл без мошенничества, боялся, что староста камеры может оправдать свою страшную кличку и впрямь одним ударом отправит в могилу. Играл Кулак-Могила редко, но, когда брался за карты, вся камера неотрывно следила за единоборством двух маститых картежников.

— Учитесь, чижики, пока я жив, — неизменно повторял Кулак-Могила, срывая один банк за другим.

Из всех арестантов Митька выделял одного — Алешу Соловья. Кличка эта к нему пристала за тихий задушевный голос, покорявший даже черствые сердца заключенных. Когда Соловей пел, прекращалась картежная игра. Франт меланхолически перетасовывал карты, цыгане, скрипя зубами, рвали ворота арестантских рубашек, как бы выпуская душу на волю, Кулак-Могила прохаживался по камере, подходил к решетчатому окну, едва пропускавшему сюда свет и воздух, Скок и Спок забивались в угол и, обнявшись, всхлипывали. А Митька сидел, закинув голову, и видел Галя.

Алеша Соловей пел тихо, проникновенно, вкладывая в песню нерастраченную любовь, глухую тоску, душаскую боль.

Ой вы, пташечки-канареечки,
Не летайте высоко.
Я сама про это знаю,
Что мой милый далеко, —

слышал Митька, и думалось ему, что это Галя передает ему с пташками-канареечками привет издалека.

Если ты меня полюбишь,
Не побрезгуешь ты мной, —

выводил Алеша, и голос его начинал дрожать. Каждая нотка звенела колокольчиком. Звуки рассыпались по камере, залетали к потолку, бились о стены.

То пойдем с тобой, чалдонушка,
По Сибири золотой.

У каждого из арестантов на воле была своя любовь. Песня затрагивала самые нежные струны в черствых, огрубевших сердцах. Глядя в этот миг на Кулака-Могилу, никто бы не подумал, что на его совести десятки загубленных душ, что Споку ничего не стоит исподтишка за грош выручки всадить нож в спину невинного человека, а Франту разорить и пустить по миру партнера.

У Митьки все его мысли связывались в один тугой узел, в центре которого была Галя, и только она одна. И в руках палку «вострую» он мысленно держал не только ради «защиты от злых собак», но и ради защиты от недругов своих из Угубуна, каменнолицых уряд-

ников и приставов, несправедливых продажных судей и бесстрастных исполнителей их воли — тюремщиков и стражников.

Через все эти мрачные мысли просвечивался светлый образ любимой девушки. Стоило только ему выплыть из глубины воспоминаний, этому зримому образу, видению, и Дмитрий погружался в тяжелый сон, пробуждаясь очищенным от ожидания неотвратимого близкого счастья...

В тюремную камеру, где и без того было тесно ее старым обитателям, поступали новые арестанты. Она вместила в свои неуютные стены еще четверых. Арестанты в Александровском центре обычно накапливались перед отправкой их к постоянным местам заключения, на каторжные работы.

— На днях пойдем на новые квартиры, — заявил Кулак-Могила соседям по камере. — Будем держать совет.

И он пояснил свой план побега. Уклонение от участия в побеге было исключено. Стоило только взглянуть на кулаки главаря, как мысль о неповиновении исчезала сама собой.

Кулак-Могила готовил побег на этапе.

— Ты, таежник, — сказал он Митьке, — поведешь в Саяны всех, кто соберется после побега.

Митька обрадованно вскочил. «Значит, снова свобода, — промелькнула заветная мысль. — Значит, Галю найду и с Каином рассчитаюсь».

Замысел Кулака-Могила был дерзким и опасным, но как он поднял настроение истосковавшихся по воле людей! И в тон настроению Алеша залился соловьем, да так, как до того не певал:

Сказали про молодца, что не жив, не здоров,
Сказали про удалого, будто без вести пропал, —
А нонче молодец вдоль по улице прошел.
Любимую свою песенку шибко-громко просвистал.

И вся камера подхватила:

Душе красной девице в терем голос подавал,
Чтобы слышала любезная, не дремала, не спала,
Ждала б, ждала б девица к себе милого дружка,
Горела б у девицы воску ярого свеча.

И откуда мог знать Митька, что сидела в эту минуту Галя у свечи «воску ярого», да не в своем терему, а в чужой горнице, и тонкие спицы безостановочно мелькали в ее проворных руках, нанизывая на светлые стержни тонкую разноцветную пряжу.

В ИЗБУШКЕ НА ОКОЛИЦЕ

Галя видела, как подручные Каинова выволокли из домишки Шестопалихи обессиленного Митю, завалили в повозку, потоптались возле нее, потом решительно направились к жилью колдуньи. Видела она, как вспыхнула костровым огнем избушка на курьих ножках и за несколько минут от нее не осталось и пепла. Отчаявшись, она побрела по редколесью, не разбирая тропинок и дорог. Скоро лес пошел гуще, и девушка с трудом продиралась сквозь колючие кустарники и хвойный подрост. Ветки больно хлестали по лицу, опущенным плечам, в кровь раздирали руки, словно Галя была в чем-то виновата перед глухоманью, заманившей ее в свои владения. Она ничего не замечала вокруг, бесцельно продвигаясь вперед, не ведая, куда ее выведут отяжелевшие от трудной ходьбы ноги. Лишь бы уйти подальше от злых людей, от ненависти Каинова.

Очнулась она, когда почувствовала, что ноги ее по щиколотки увязли в холодной зыбкой трясине. С трудом высвободив ноги, оставив легкие чирочки в вязкой грязи, Галя примостилась на ближайшую сухую кочку, тут же в застоявшейся болотной воде вымыла ноги, вытянула их на соседнюю кочку, подставив под согревающие лучи солнца.

— Ходко ходишь, девушка, — вздрогнула Галя от неожиданности, услышав у самого уха скрипучий старческий голос. И тотчас же успокоилась, узнав в нем голос своей спасительницы и доброжелательницы. — Ах запыхалась, догоняючи тебя, красавица.

Шестопалиха примостилась на соседнюю кочку.

— Куда надумала ходить, девушка, что поделывать решила? — обратилась она к Гале после короткого молчания, успев за это время отдышаться, прийти в себя.

— Не знаю, бабушка, нет у меня никаких задумок. Хоть ложись да помирай, — сдерживая слезы, кое-как сквозь зубы выдавила девушка,

— Э-э, милая, сразу и помирать решилась. Негоже так думать. Я уж какая старая и то о смерти даже не помышляю. И твоя планида, знаю, еще долго не закатится. Пошли за мной, — резко поднялась она с шаткого сиденья и, цепко ухватив Галю за руку: — Пошли, я уж давно тебя ищу...

Видимо, было все-таки что-то колдовское в натуре Шестопалихи, довела она Галя неведомыми путями до таежной зимовейки, обогрела и накормила. Почитай, неделю прожили женщины в гостеприимном зимовье, набираясь сил для трудного далекого перехода. И не было никаких других забот в эти дни у девушки, кроме тех, как бы вовремя поесть да поспать. Все заботы о ней взвалила на свои сухонькие плечи и сгорбленную спину старая знахарка.

На вторые сутки женщины пришли в неказистый городишко, жители которого промышляли добычей каменной извести, и поселились в нем в полуразрушенной избенке на окраине, принадлежавшей одинокой родственнице знахарки, но родственница год уже как померла.

Веселый дымок вился над избушкой. Горожанки, узнав, что Шестопалиха умеет исцелять тяжелые недуги травными снадобьями, знает средства от сглазу и наговора, потянулись в избушку.

— Живи спокойно, девушка, — каждый раз останавливала ее Шестопалиха, когда Галя пыталась ей помочь в хозяйственных делах. — Не в твоём состоянии воду носить и колоть дрова. Не то еще прежде времени разродишься.

И Галя безропотно следовала наставлениям мудрой старухи.

ПОБЕГ

Дорога поворачивала почти под прямым углом и круто шла под гору. Мелкий кустарник по обочинам дороги, на листве которого осела пыль, умылся теплым летним дождем, распрямил тонкие прутки и подрагивал на ветру гибкими веточками. Едва приметная дрожь ветвей передавалась травам и цветам. И только вековые деревья стояли недвижно: не так-то просто раскачать кроны таежных великанов.

Из-за поворота показалась большая группа людей. Впереди с шашками наголо шли конвойные. Сутулясь

под тяжестью амуниции, они отупело смотрели под ноги, изредка оглядываясь назад. Этап шел по Якутскому тракту вторую неделю, останавливаясь на ночевки в этапных острогах или в бурятских улусах. Последняя ночевка была в селе Харбатово, на берегу Манзурки. В просторном сарае на колючей соломе спали арестанты, ежась от ночной прохлады, и согревались, прижимаясь друг к другу. Уже на рассвете Митька Дремов почувствовал около уха горячее дыхание Франта и скорее догадался, чем услышал: «Драпаем сегодня, передай дальше». За неделю этапного пути Кулак-Могила расшевелил цепи ручных кандалов у всех готовящихся к побегу, да так, что разъединить их не составляло большого труда. Ножные кандалы сняли со всех после Манзурки — путь до Верхоленска был тяжел и без них.

Конвойные, шедшие в авангарде, быстро обернулись на шум в толпе арестантов и решительно стали пробиваться туда, где в середине толпы сцепились три фигуры, одетые в полосатую рвань. Остальные солдаты прикладами сдерживали растревоженных людей.

В центре колонны Скок и Спок затеяли драку с Франтом. Многие арестанты безучастно смотрели на неравный бой, а цыгане Ромка и Фомка прыгали вокруг и поочередно подбадривали дерущихся.

— А дай ему, красавец, по сусалам! — кричал восторженно Ромка Франту, видя, как тот сцепленными руками молотил Скола.

— Башкой ему под дышало, — подзадоривал Фомка Спока, разбежавшегося с взбыченной головой, направленной в грудь шулера.

Старший конвоя, с трудом пробившись через кольцо людей, окруживших драчунов, шашкой плашмя ударил по голове разъяренного Франта, походя сунул зуботычину подвернувшемуся Ромке, пинком оттолкнул потерявшего равновесие при разбеге Спока. Спокойствие было восстановлено, но только на мгновение. Молча, с завидным хладнокровием Кулак-Могила занес свой убийственный кулак над головой замешкавшегося начальника конвоя... и оправдал свою кличку.

— Врассыпную, рви когти, — рывкнул он, разрывая на ходу кандалную цепь и пробивая себе кулаками дорогу в кусты.

Митька птицей метнулся в сторону, сшиб с ног подбежавшего к нему солдата, подхватил вылетевшее из его рук ружье и укрылся в чащобе. Он видел, как многие арестанты, не желая бежать, навзничь падали на пыльную дорогу; на его глазах осел на ветки кустарника подстреленный Алеша Соловей, жалобно вскрикнув в последний раз. Вдоль дороги, петляя, делал заявки прыжки Скок, удирая от бегущего за ним с обнаженной шашкой конвойного, мимо Митьки, затаившегося в кустах, взявшись за руки, помогая один другому, проковыляли раненые братья-цыгане... Конвойные не решились преследовать заключенных. Они для порядку постреляли по кустам: авось шальная пуля и заденет кого-нибудь из беглецов, собрали в строй оставшихся на тракте арестантов, взвалили на повозку раненого Спока и труп Алеши Соловья и, помолясь богу за упокой грешных, отправились в дальнейший путь.

Побеги заключенных на Якутском тракте в ту пору были нередки, и недочет десятка варнаков, сбежавших в тайгу, в непроходимую глухомань, считался равносильным отказу от жизни, страшней, чем царская казнь.

И снова этап шел своим порядком, с еще большей жестокостью подгоняемый обозлившимися конвойными, оставляя глубокие следы на пыльной дороге, что тянулась печальной бороздой от Александровского центра до далекого Верхоленьска.

А Митька, оказавшись один в тайге, вздохнул во всю силу легких и рассмеялся совсем по-детски. Сколько раз в камере думал он о вольном таежном ветре, гуляющем в вершинах деревьев. Порывы ветра надувают кроны, как тугие морские паруса, клонят ветви в одну сторону, и стволы от этого не могут распрямиться, стоят словно устремленные в далекую светлую неизвестность.

Скоро Митька нашел в тайге Кулака-Могилу. Они стояли друг против друга, оба коренастые, крепкие, готовые схватиться не на жизнь, а на смерть.

Митька, втянув голову в плечи и насупив мохнатые черные брови, переступая с ноги на ногу, как застоявшийся в конюшне жеребец, вдруг протянул руку Кула-

ку-Могиле, неловко улынулся, показав широкие светлые зубы, и примирительно сказал:

— Почуял волю, головушка кружится.

— Ладно, уж не время слюни распускать. Бери ружьишко да айда за мной.

Митька взял ружье, отбитое у конвойного, проверил заряд. Всего один заряд! Очень мало, но больше, чем ничего. Долго ли проживешь в тайге в надежде на один выстрел, которым можно уложить козла или кабана.

Он шел за Кулаком-Могилой, ступая след в след, перешагивая через замшелые колоды, перехватывая на лету ветки берез, распрямляющиеся за спиной идущего впереди человека. В лесу было тихо, как только бывает в солнечный знойный день. Зверье укрылось в дуплах и норах, в густых тальниках возле озер и ручьев, птицы забились в гнезда, в осоку, в листву.

Едва заметная тропинка внезапно оборвалась, затерявшись в пухлых серых мхах.

— Дальше води ты, — сказал Кулак-Могила, пропуская Митьку вперед.

Редкие сосны, выросшие на сухом болоте, служили хорошим ориентиром. Держаться надо было южного направления, и сосны-карлики указывали его уродливыми бугристыми сучьями-ветвями, густо усеявшими южную сторону ствола.

— Стой! Отдохнем, — тяжело дыша, остановил Митьку его спутник.

Митька плюхнулся в теплую и мягкую мураву, повернулся на спину, положил руки под голову и забросил ноги на лежащую рядом колоду. Он чувствовал, как кровь, отхлынув от тяжелых ног, разливалась по всему телу, веки сковывала сонная одурь, мышцы ослабли.

Рядом храпел Кулак-Могила.

Напряжение дня — побег, скитание по таежным тропам — сломило силу этих людей, и они спокойно спали, забыв об опасностях, подстерегающих человека на каждом шагу в тайге.

Уже поздно ночью сошлись и другие беглецы вблизи Манзурки в старой риге, как еще до побега наказал Кулак-Могила. А к утру их снова поглотила тайга, укрыв под густым зеленым шатром от постороннего взгляда.

Их оказалось шестеро, оборванных, грязных, обросших жесткой щетиной, потерявших человеческий облик.

Впереди шел Митька. По известным ему одному таежным приметам он находил проходы в густом буреломе, разыскивал брод в нешироких порожистых речках, выводил группу на звериные тропы, где можно было скараулить зазевавшегося лосенка и, прыгнув с дерева на его неокрепшую спину, свернуть ему шею. Без мяса было плохо. Ягоды, грибы и корни не утоляли голода, а только разжигали его. Единственный заряд, бывший в ружье конвойного, Митька потратил на косулю, которую тут же освежевали, изжарили на костре и съели без хлеба и соли.

Стоически выдерживали полуголодную жизнь братья-цыгане, пересыпая свою речь невеселыми шутками.

— Цыган купил хрену на грош, да, евши, плакал неделю, — заводил Ромка после скудного ужина.

— У сытой лошади тень тоща, — вторил ему Фомка, разглядывая свои худые руки, впалый живот.

— Съел волк кобылу — подавись он хомутом, — неожиданно заканчивал Ромка и надолго умолкал.

Пока шли близ сел, Франт и Скок делали ночные вылазки: добывали в деревнях зерно, картошку, домашнюю птицу. Прежде чем совсем оторваться от Якутского тракта, надо было запастись провизией.

В Унгинских степях беглецы набрали на одинокую юрту бурята-кочевника. В кошаре мирно паслись овцы, две расседланные, стреноженные лошади прыгали неподалеку. В юрту зашли Кулак-Могила и Скок. В ту же минуту оттуда выскочила встрепанная пожилая бурятка и, путаясь ногами в полах терлика, неуклюже побежала в степь. Ромка в два прыжка настиг ее, толчком сшиб с ног и, придавив лицом к земле, ждал, что делать дальше. Фомка тем временем подводил к юрте пойманных лошадей.

— Што ни говори, дружка, — восторженно прокричал он Митьке, похлопывая кобылу по лоснящемуся боку, — а краденая лошадь всегда дешевле купленной.

— Лошадь — человеку крылья, — подсказывал Ромка,

Кулак-Могила вышел из юрты, брезгливо вытирая руки о штаны.

— Вьючить лошадей. Старуху придушить, — скомандовал он цыганам. — Берем все съедобное.

Митька не решался зайти в юрту. На его глазах происходило дикое убийство ради куска хлеба, а он не мог не только остановить его, но являлся невольным соучастником.

— Старуху не трогать! — впервые поднял Митька голос протеста.

Кулак-Могила посмотрел на него настороженно. «Нашел кого жалеть, — говорил его взгляд. До стычки дело не дошло. — Погоди, щенок, — решил вожак, — попомнишь свое заступничество». Но сказал миролюбиво:

— И то ладно. Сама скоро помрет. Свяжите ее покрепче.

Цыгане скрутили старой бурятке руки веревкой, занесли в юрту, выскочили оттуда, опасливо поглядывая то на Кулака-Могила, то на Митьку, как бы примеряться: к какому табору пристать.

«С волками жить — по-волчьи выть», — невесело подумал Митька, получив приказ резать овец.

Провизия теперь есть. Можно сворачивать с Унги в тайгу, пробиваться к Саянам в гольцы, где Кулак-Могила рассчитывал вдали от жилых поселений и людей перезимовать со своей группой в охотничьем зимовье, а по весне выйти на Московский тракт и удрать в Россию. Много еще замыслов было у вожака шайки, но ими он не делился даже с Митькой, хотя изо всей группы признавал равным только его одного.

«Можно было бы помолодцевать на пару с Митькой в тайге, кабы норову был не ершистого, — думал Кулак-Могила. — Мало ли там охотничков с пушниной да старателей с золотишком просятся на мушку... Поживем — увидим, авось обомнется царень».

На это и рассчитывал Кулак-Могила, пробираясь с товарищами в Саяны.

Ни пороху, ни дрови в юрте не оказалось. Митькино ружье по-прежнему молчало. Зато по бокам обеих лошадей раздувались крепко притороченные вьюки, где были мука и соль, бараний жир и свежее мясо, вяленая рыба и тарасун. Козьи шкуры и войлочные ковры, мелкая домашняя утварь также вошли в добычу.

Кулак-Могила поторапливал спутников. К одинокому стойбищу могли наведаться ближние соседи и, увидев разбой, учинить погоню. В степи, где негде укрыться, даже небольшой отряд вооруженных бурят мог легко настигнуть и переловить их арканами, как диких лошадей, а то просто перестрелять, словно зайцев.

К вечеру Митька вывел беглецов в долину реки Куды. Они скатили в воду бревна, заготовленные на берегу неизвестно кем, прочно связали их прутьями ивняка, нарубленного тут же. Получился довольно устойчивый плот, способный поднять добрый десяток человек. Ромка и Фомка развьючили лошадей, перенесли поклажу на плот и верхами перебрались на противоположный берег.

— Цыган сам не ест, а лошадь кормит, — приговаривал Фомка, скармливая животным свои картофельные лепешки. — Не жалеи и ты, Ромушка.

На плоту осталось четверо. Плыть решили всю ночь, чтобы к рассвету добраться до устья реки и неподалеку от села, расположенного в месте впадения Куды в Ангару, сойти на берег и повернуть в тайгу. Братья-цыгане должны были их встретить там на лошадях.

НА ПЛОТУ

Увлекаемый тихим, спокойным течением плот плыл посредине реки. Митька сидел на вьюке в кормовой части, положив руку на гребень. Изредка он плавным движением руки поворачивал весло вправо или влево, выводя плот на борозду, где течение наиболее быстрое. Закутавшись в войлок, тяжело дыша, спал Кулак-Могила. В теплом бурятском халате, согнувшись, упираясь лбом и коленями в спину вожака, рядом с ним по-детски посапывал Скок. Франт сидел в головной части плота, непрерывно дымя из длинной бурятской трубки, прихваченной им вместе с табаком в юрте, Митька смотрел на небо и видел, как гасли звезды. Они не гасли, а растворялись в проблесках предрассветной зари. Только густо-темное небо было полно мерцающих огоньков. Но стоило на минуту зажмурить глаза и открыть их снова, как огоньки редели, темнота неба принимала все более сероватый оттенок. Митька уставился на одну звездочку. Мерцающая, она, казалось, подрагивала в воздухе, как настороженная птичка на ветке, готовая по

первому сигналу тревоги вспорхнуть с места. Внезапно мерцание прекратилось, и на месте звезды появилось темное пятно, края которого быстро начали сереть, и вот уже нет пятна, а сплошная серая мгла. На небе оставались только самые яркие, самые высокие звезды. «Которая же наша с Галей?» — думал Митька, не спуская глаз с небосвода. Как ему хотелось, чтоб их звезда была самой счастливой, самой долговечной. Взор его пал на Полярную звезду, знакомую с детства, не раз выручавшую его в блужданиях по тайге, — путеводную звезду моряков и следопытов.

А плот плыл по намеченному курсу на Полярную звезду. Он с каждой минутой приближался к звездному сиянию, вот-вот взлетит в воздух, подхваченный цепкими лучами манящей звезды, и она унесет его в далекую страну, где нет ни зла, ни нищеты, потому что царствует и управляет там всеми законами его ненаглядная Галя. И даже его друзья по несчастью, в прошлом отпетые уголовники, неисправимые мошенники и воры, покончат в этой вольной стране с проклятым прошлым.

Впереди широкий плес реки раздваивался зеленым полузатопленным островком. В предрассветной мгле виден носок острова и прутья ивняка, стоящие в воде, словно вышедшие навстречу плоту. Митька энергично зашевелил веслом, заранее направляя плот в левую протоку. Занятый греблей, он не заметил трех всадников, скачущих на взмыленных лошадях по левому берегу. Прибрежные колючие кусты хлестали по дымящимся бокам скакунов, всадники, пригнувшись к луке седла, плечами раздвигали густые ветви березняка. Три выстрела громыхнули одновременно. На носу плота подскочил Франт и с размаху плюхнулся в воду. По-пороссячи взвизгнул Скок: пуля пробила ему предплечье. Кулак-Могила укрылся за тюками. Митька притормозил плот и, выдернув весло из гнезда, безуспешно совал его барахтающемуся в воде Франту. Кулак-Могила дернул Митьку сильным рывком за ногу, и он, не удержав равновесия, грохнулся на бревна плота.

— Ты што, всех погубить хочешь? — услышал он грозное предостережение вожака. — Быстрей заруливай в протоку.

Плот, потерявший управление, несло на носок острова. Митька подхватил весло, выпавшее из рук (к сча-

стью, оно не скатилось в воду), круто развернул плот, и он, краем бревен задевая ивняки, проскочил в протоку. Преследователи успели перезарядить ружья, и вдогонку беглецам снова ударил залп. Пули, сшибая головки ивовых прутьев, просвистели в стороне. Последнее, что увидел Митька, стоящий на корме, — это прыжок одного из бурят на лошади в реку. Вода закрутила в бешеном водовороте лошадь вместе с седоком. Задрав поводьями морду лошади почти вертикально, седок выскочил из губительной воронки и, бросив лошадь, неуклюже махая руками, поплыл к берегу.

Напряженно вглядываясь в гладкий плес реки, Митька долго и безуспешно искал на его поверхности Франта. «Утоп, стало быть», — решил он, отводя взор от спокойной реки...

Легкий речной туман косматыми тучами повис над водой. Вдали, выше тумана, на пригорке сверкнул золотой купол церкви, стоящий в центре большого села.

— Приворачивай к берегу, — примирительно сказал Митьке Кулак-Могила. — Будя, наплавались.

Тупым носом плот уткнулся в обрывистый глинистый берег. Двумя шестью Митька закрепил его, просунув их между бревен и на полсажени загнав в грунт. После того как поклажу с плота перенесли в ближний лесок, Митька выдернул шесть, державшие плот на месте, и оттолкнул его подальше от берега. Ромку и Фомку решили ждать в лесочке до ночи. Они, видно, где-то замешкались. Митька исследовал прибрежную полосу почти на версту и нигде не обнаружил конских следов. Всегда до этого подвижный, неугомонный Скок притих. Беспокоила рана, в спешке туго перевязанная рваными лохмотьями. Митька нашел листья подорожника и бадана. Промыв Скоку рану, он приложил холодные листья подорожника к кровоточащему следу, оставленному пулей. Мясистые блестящие листья бадана, приправленные корешками, молодой лекарь заварил на костре в котелке. В полдень Митька поднес начинавшему бредить Скоку кружку коричневатого настоявшегося отвара бадана, а затем влил ему в горло и вторую. Кулак-Могила одобрительно кивнул головой. Скок, приняв лекарство, успокоился.

Старый картежник сквозь кусты пытливо вглядывался в даль и напряженно прислушивался к каждому шороху, ожидая появления на безлюдной проселочной

дороге запропастившихся братьев-цыган. За весь день люди на дороге появлялись дважды. Босой мужик в распушенной рубахе и без шапки вел на веревке в село корову. Сзади с хворостиной шла беременная баба. «Видно, на базар повели, — решил Кулак-Могила. — Не доверяет брюхатая мужику одному продать корову».

Немного позднее туда же в село проскочил пароконный ходок. На заднем сиденье, опираясь на шашку, прямой, как верстовой столб, сидел урядник. Кулак-Могила всем телом навалился на Скока, пытавшегося вскочить, и широкой ладонью зажал ему рот.

— Пронесла нечистого, — облегченно произнес он, отпуская Скока, когда ходок скрылся вдаль и только пыль, поднятая копытами лошадей, медленно оседала на дорогу.

Митька и Кулак-Могила поочередно наблюдали за дорогой, ни на минуту не выпуская ее из поля зрения.

РАСПРАВА

Первым Ромку заметил Митька. Шел он не по дороге, а сторонкой, озираясь, раздвигал кустарники и торопливо перебегал открытые полянки или прятался за одинокими деревьями. Фомки с ним не было. Не было и лошадей.

Митька тихонько окликнул цыгана. Ромка испуганно присел на корточки, но, увидев товарища, быстро вскочил. Из-за кустов вышел Кулак-Могила.

— Где лошади, собака? — двинулся он к перепуганному цыгану.

Ромка быстро-быстро заговорил по-цыгански, надеясь выиграть время и сообразить, как лучше оправдаться.

— Где?.. — угрожающе спокойно переспросил бандит, хватая Ромку за грудки.

— А, дружка мой, беда большая, — запричитал Ромка и, может быть, впервые в жизни стал мелко креститься. — Пропала моя головушка, сгинул мой братушка меньшей Фомушка, схватили его злыдни и лошадок отобрали.

— Где лошади? Последний раз спрашиваю, — встряхнул до смерти перепуганного цыгана Кулак-Могила.

— Чистую правду говорю. Только послушай. Все как

в церкви, как на исповеди, как перед попом, — пытаюсь вырваться из цепких ручищ здорового мужика, забрасывал его отрывистыми фразами Ромка.

— Ну давай, выкладывай. Только не ври, — вроде бы успокоился Кулак-Могила.

— Я ж ему говорил, непутевому, это Фомке я говорил: «Обойдем село стороной, долго ли до беды, коли встретишься с чалдонами». Так нет, ему приспичило, уздечкой решил разжиться. А к уздечке, на беду, конь оказался привязанным. Так виноват разве Фомушка, что конь за уздечкой побежал? А тут мужики. Откуль и взялись, непонятно. Вломили Фомке за краденую уздечку, отобрали вместе с конем. Да и наших лошадок попутно прихватили. Фомушку до смерти забили. Прямо на дороге в пыль втоптали. И мне досталось по уши. Едва ноги унес.

Кулак-Могила не стал дальше слушать причитания цыгана, словно нехотя, вполсилы ударил его по зубам и отвернулся. Не удержавшись на ногах, Ромка упал на бок. Вместе с кровью выплевывая выбитые зубы, он пополз в кусты, боясь возвращаться в компанию, так неприветливо встретившую его.

— Продали лошадей, сволочи, — процедил сквозь зубы Кулак-Могила. — Вот что, парень! — отозвал он в сторону Митьку. — Отбери самое нужное, что сможем унести. Дальше пойдем вдвоем: дураков и больных к черту.

Неразговорчив и необщителен был Митька среди беглых арестантов, но тут не вытерпел. Хоть не считал он друзьями Скока и Ромку, нельзя было бросать их в беде, и, глядя прямо в неподвижные зрачки Кулака-Могила, Митька спокойно проговорил:

— Пойдем все вместе, или можешь топать один.

Получив неожиданный отпор, Кулак-Могила на мгновение опешил.

— А это чем пахнет? — спросил он, поднося к носу Митьки огромный кулачище.

— Не шали, батя, — ответил Митька, сжав запястье Кулака-Могила и медленно отводя его руку в сторону.

— Силен, бродяга, — одобрительно буркнул Кулак-Могила.

И как это часто бывает, когда сила, встретив на своем пути равную силу, не идет напролом, а ищет обходной путь, так и старый каторжник уступил молодому

му широкогрудому парню, прирожденному таежнику, способному в своих объятиях задушить медведя. И не заметил в ту минуту Митька в его взгляде ни злобы, ни зависти.

РЫБАЧЬЯ ЛОДКА

В дальнейший путь отправились в сумерках. Ненужные вещи запрятали под колодой: может, когда и сгодятся.

Рана у Скока хотя и не зажила, но бред прошел, он мог идти дальше, неся небольшую поклажу. Митька и Кулак-Могила нагрузились как лошади: дорога впереди еще долгая, помощи ожидать не от кого, встречи с людьми не сулили ничего хорошего. Побитой собачонкой плелся сзади Ромка. Однако, видя смену в настроении вожака, почувствовал себя в безопасности и приободрился.

Далеко за полночь вышли на берег Ангара. Пока не рассвело, нужно было перебраться на другую сторону.

Ночью Ангара кажется кроткой и безобидной. Лунный свет на воде словно серебряный мост, который берет начало у одного берега и обрывается у другого, в тени крутого овражистого склона. В темноте теряется ощущение пространства, ширины. Шиверы и перекааты, днем пугающие своим видом, ночью выдают себя только глухим журчанием, напоминающим отдаленные отзвуки раскатов грома прошедшей мимо грозы.

Ветер, что свободно гуляет днем и заставляет разгневанную реку бешено выплевывать кружевные хлопья голубой пены, к вечеру стихает, а ночью не слышен совсем.

Сгрузив с усталых плеч вещевые мешки, оставив около них Скока и Ромку, Митька и Кулак-Могила пошли по берегу в разные стороны в поисках лодки. Для строительства плота не было ни материала, ни времени. Да и вряд ли решились бы беглецы на самодельном плоту на переправу через Ангару, через реку, о которой они слышали много страшного.

Митька, пробираясь по берегу вверх, увидел тусклый огонек. Приблизившись, он различил невысокое пламя догорающего костра и освещенные фигуры, неподвижно лежащие вокруг него. Никто не поддерживал огня — должно быть, люди крепко спали. Вокруг валялись пустые бутылки из-под водки и опрокинутое,

закопченное дымом ведро, возле которого лежали обглоданные рыбы кости и головы.

«Рыбаки, — решил Митька. — Здорово наклевались», — смешливо подумал он.

Лодка стояла в нескольких шагах от костра, привязанная легкой цепочкой за ствол березки. Весла и шест лежали здесь же. Митька, сдерживая дрожь в руках, беззвучно отмотал цепочку, столкнул лодку на воду и вброд провел ее несколько шагов вдоль берега. У костра никто не шелохнулся. Митька вскочил в лодку и, отталкиваясь шестом, быстро пошел вниз по течению.

К берегу он пристал там, где оставил с вещами Скока и Ромку. Погрузка заняла несколько минут, и лодка уже на веслах поплыла вдогонку за ушедшим Кулаком-Могилой.

— Едем одни, без того самого, — шепнул было Ромка, когда погрузка была закончена. Но Митька метнул на него такой взгляд, что у бедного цыгана навсегда пропало желание быть советчиком.

Подобрав с берега Кулака-Могилу, которому на этот раз не было удачи, беглецы выгребли на середину реки и целиком положились на волю быстрого течения: за ночь нужно удрать как можно дальше. Высадка намечалась на утро.

В САЯНЫ

Удачно угнанная у подвыпивших рыбаков лодка оказалась сущим кладом. В кормовом садке утром Митька обнаружил живую рыбу — часть улова злополучных рыбаков. Хариусы и ленки — что может быть аппетитнее для отвыкших от свеженины людей! Помешивая деревянной ложкой уху, норовисто булькающую в полуведерном котелке, Митька восторженно поглядывал на новую дробовку, к его счастью, вместе с запасом пороха и дробы оказавшуюся в лодке. Рядом лежали топоры, мелкочейстый бредень, продольники и крючки — неожиданные трофеи удачливого добытчика.

Было стыдно за первое воровство. Совесть искала оправдания. «Ладно, не обеднеют, — успокаивал себя Митька, — зато теперь можно подаваться в Саяны. Будет и харч и пушнина».

Так и решили. С ружьями, рыбаческими принадлеж-

ностями можно прожить безбедно. Недовольствовал только один Ромка.

— Без коня цыган кругом сирота, — безнадежно повторял он, когда поклада распределялась между носильщиками...

Тайга встретила путников напряженной тишиной. И в тишине этой чувствовалось что-то зловещее, потрясающее слух и внимание.

С каждым шагом лес густел. Медностволые мачтовые сосны сменились низкорослым ельником. Вечнозеленые деревца широко раскинули ветви, растущие от самой земли, и они, переплетаясь между собой, поставили на пути колючий хвойный заслон, словно предупреждая, что дальше хода нет. Прорубать просеку топорами бесполезно, и Митька повел группу вдоль ельника в надежде отыскать свежую звериную тропу. Вскоре путники забрели в такую чащу, что или возвращайся назад, или пускай в дело топоры. Решились на последнее. Поочередно идущий впереди расчищал дорогу взмахами топора. Словно врубаясь во вражеское войско, размахивая острой секирой, шел по тайге Кулак-Могила. К его ногам жалобно клонили головы дрожащие осинки, пружиня ветвями, отскакивали подростки-березки, щетинился и нехотя отступал колючий ельник. Расчетливо, не делая лишних движений, прорубал узкую просеку Митька. Следуя за ним по зеленому коридору, его спутники раздвигали плечами кустарник и, хотя идти было трудно, продвигались вперед быстро, едва поспевая за ведущим. Пробовал сменить таежника Ромка, но быстро выдохся. А когда зацепил топором по ноге, повернул обратно, признав себя побежденным в неравном поединке с непроходимой чащобой. Скок перехватил у него топор и отчаянно набросился на зеленую преграду. Ельник, отступая, раздался в стороны, пышный кустарник опустился ниже пояса и не препятствовал движению вперед. Обрадованный Скок ускорил шаг, увлекая за собой остальных. Не успел Митька умерить его прыть, как незадачливый проводник на глазах у всех исчез в зеленой купели, затем слышался плеск воды и проклятия. Митька раздвинул кустарник, и беглецы увидели растерявшегося приятеля: он барахтался в студенom роднике. Скрытый в кустарнике, развесившем над ним с обоих берегов густые ветви, родник струился, невидимый для человеческого

глаза. К счастью для Скока, берега оказались некрутыми, а ключ неглубоким. Митька подал ружье прикладом вперед и вытянул Скока на сушу.

Отряхиваясь от воды, как это делают после купания собаки, Скок бранился отборными словами, собранными во всех тюрьмах России.

— Где топор? — спросил Кулак-Могила.

Только тут Скок спохватился, что топора в руках нет.

— Лезь, гад, в воду, ищи, не то прибью, — мрачно проговорил Кулак-Могила.

Высоко засучив изодранные в лохмотья штаны, сбросив мокрую рубаху, Скок одной ногой сунулся в воду. Прикоснувшись к ледяной поверхности родника, он быстро отдернул ногу, словно его укусила гадюка.

Оглянувшись и видя в глазах Кулака-Могила все ту же мрачную настойчивость и решимость привести свою угрозу в действие, Скок сунулся в воду сразу обеими ногами.

— Голый, что святой, беды не боится, — решительно сказал Скок и побрел по ручью.

Раздвигая обеими ногами кусты, сплошь нависшие над родником и затенившие его поверхность, отчего прозрачная вода казалась темной, Скок сделал несколько шагов вперед, вглядываясь в камни и коряги, усеявшие песчаное дно. Топора нигде не было.

— Вылазь, несчастный, — крикнул ему Кулак-Могила. — Здесь твоя пропажа, — он показал на топориче, торчащее из мха.

Медленно, с трудом выбрался Скок на сухое место. Мелкая беспрестанная дрожь трясла все тело. Руки, натягивающие рубаху, ходили ходуном, рот не закрывался, обнажая лязгающие зубы.

— Привал, — распорядился Митька, выбирая место для костра.

Примостив голову на вещевой мешок, Скок повалился в густую траву ногами к костру. Озноб не проходил: двойное купание — невольное и принудительное — не обошлось даром.

«Лихорадка», — решил Митька, видя согнувшуюся фигуру Скока, его пожелтевшее, словно осенний лист, лицо, конвульсивные движения тела. И снова Митька принялся за врачевание. От Шестопалихи молодой таежник знал в лесу каждую травинку, цветок и листо-

чек. Разминая пальцами резные листья земляники, Митька вдыхал аромат, исходивший от них. Густые капли мутноватого сока, бережно собранные в кружку и заваренные кипятком, Митька с трудом выпил больному. Скок уснул.

В густом лесу солнце видно только тогда, когда оно поднимается над головой. Вертикальные лучи его скользнули по шершавой еловой коре, развесили золотые искорки в хвое, протянули сверкающие нити-паутинки между ветвями.

Костер горел бездымно, и только накаленный воздух повис дрожащим маревым облачком над трепещущими клиньями огня. Ухи, сваренной из оставшейся рыбы, хватило на всех. Скок хлебнул несколько ложек отвара и повернулся на другой бок. Поведя глазами в сторону Скока, Кулак-Могила как бы безмолвно спросил: «Что с ним делать?» — и выразительно провел ребром ладони себе по шее. Митька отрицательно замотал головой. Кулак-Могила досадливо плюнул под ноги.

— Слушай, батя, — заговорил Митька. — Скоку на ноги не подняться. Сделаем носилки и понесем до первого зимовья. Дальше будет видно...

Сколько проклятий и неразборчивых ругательств Кулака-Могила и Ромки пришлось выслушать Скоку за два длинных дня, знает он один. Плавное покачивание на носилках убаюкивало ослабевшее тело больного, смешивало сон с явью, притупляло сознание и боль. Только резкие толчки, когда усталые носильщики запинались за корни деревьев или проваливались в болотную жижу, выводили Скока из забытья. Просветление приходило на несколько минут — и снова беспокойный сон. Не слышал почему-то он только голоса Митьки. А Митька чаще других брался за носилки, вне очереди подменял обессиленного Ромку, шел впереди по заросшей охотничьей тропе, молчаливый, сосредоточенный, чувствуя близость заброшенного зимовья.

Тюрьма, этапы, побег связали его судьбу с судьбами этих пропащих людей. Не будь они такими беспомощными в тайге, Митька давно бы бросил воровскую компанию и куда быстрее пришел бы к заветной цели. Мысленно он продумал каждый свой шаг. Вот он добирается до отцовской зимовейки. Есть ружье, есть полсотни зарядов. Попусту их тратить нельзя: для пропитания можно ловить рыбу в реке, а дикую птицу зама-

нивать в силки. Порох и дробь — на пушного зверя. Не устоят в Убугуне прижимистые чалдоны перед богатым подарком: жадно разгорятся глаза на огненные переливы лисьих шкур, задрожат заскорузлые пальцы, поглаживая искристый мех соболя. Развяжут языки, выболтают, что с Галей и где она. Тайно подкрадется ночью Митька к заветному окошку, одним ногтем постучит в темное стекло. Сердцем почует ненаглядная: это он, ее суженый, здесь, рядом, только руку протяни. Неслышно поднимет она тяжелые запоры, выскользнет на крыльцо, подхватит ее Митька на сильные руки, унесет в синие горы, к матери-тайге, в родное зимовье. Заживут они с Галей вдаль от злых людей, подружатся со зверями, с природой, и ничего больше не надо двум счастливым: радость и счастье без границ, без края все заменят им, пережившим горькие обиды и злую разлуку.

Из раздумья Митьку вывел легкий толчок в плечо.
— Смотри, таежник, — халупа.

БЕЛ-ГОРЮЧ КАМЕНЬ

— Никак кто-то меня кличет? — встrepенулась Галья, оторвавшись от вязанья и приподнимаясь с деревянной скамьи, где она сидела рядом с маленькой сухонькой старушкой. — Бабушка, ты все знаешь. Где мой Митя? Когда мы встретимся? Ведь я скоро сына рожу.

— Встретитесь, милая, да не скоро. И сынка он увидит, и еще даст вам бог деток. — Старуха, закатив глаза и сложа молитвенно руки, быстро-быстро запричитала знахарский заговор на обереги в пути-дороге раба божиего Митрия:

— Едет он во чистом поле; а во поле растет одолень-трава. Одолень-трава! Не я тебя породила, не я тебя поливала: породила тебя мать сыра земля, поливали тебя девки простоволосы и бабы-самокрутки. Одолень-трава! Одолей ты злых людей; лиха бы они на Митрия не удумали, скверного не мыслили. Отгони от него чародея, ябедника. Одолей ему горы высокие, доли низкие, озера синие, берега крутые, леса темные, пенья и колоды. Идет он с тобой, одолень-трава, к морю-окияну, к реке Иордану, а в море-окияне, в реке Иордане лежит бел-горюч камень Алатырь. Как он

крепко лежит, так бы у злых людей язык не воротился, руки не подымались, а лежать бы им крепко, как лежит бел-горюч. Спрячет он тебя, одолень-трава, у ретивого сердца, во всем его пути и во всей его дороженьке храни и соблюди невредима от всех наветов вражьих. Аминь.

Галя слушала быстрый шепот старухи, и ей хотелось верить, что все так есть и так будет, как говорила Шестопалиха.

И только тревога об отце ребенка, о Митеньке, нарушала покой женщин. Через Шестопалиху Галя знала о суде, о заточении в Александровский централ и о выходе на этап. И думала она вместе со старой накопить денег, пойти вслед за арестантами в далекий Верхолениск, там вблизи острога купить избушку и ждать, когда Митя с каторжных работ выйдет на свободное поселение.

Всю ночь Гале снился один и тот же сон. На миг просыпаясь, она открывала глаза, шарила вокруг себя, проводя руками по тонкому тряпичному одеялу, и, не обнаружив в комнате никого, кроме тихо посапывающей Шестопалихи, снова погружалась в беспокойный тяжелый сон. Сны уносили ее в далекое, неведомое.

В расписном сарафане, легких сапожках, накинув на плечи воздушную косынку, идет она по цветочному лугу. Ромашки, подняв головки над травой, отчего вся поляна кажется белым ковром, смотрят в ее сторону. Галя наклоняется, хочет сорвать ромашку, но пальцы ее погружаются во что-то мягкое, холодное. И не ромашка в руках Гали, а горсть колючей снежной крупы. Галя разжимает пальцы, снежинки, подхваченные ветром, катятся по хрупкому насту, быстро-быстро вырастая в огромный белый ком. А она, проваливаясь в снег по пояс, бредет неведомо куда.

Уже промокли насквозь сапожки, залепило тяжелыми белыми хлопьями сарафан, порыв вьюги сорвал с плеч косынку и унес ее вслед за снежным комом. Ноги подкашиваются, все тело пронизывают каленые стрелы вьюги. Она падает, и через мгновение только невысокий холмик еще некоторое время выделяется в необозримой снежной пустыне...

Галя просыпается. Глухие ставни на окнах не пропускают с улицы света. В темноте не видно собственных рук. Тишина. Сонь...

Тропка, поросшая травой, раздваивается: левая ведет на берег реки, правая зовет в тайгу. Сворачивай вправо, там Митино зимовье, там ждет тебя твой единственный. А ноги против воли идут к реке, все дальше уводят ее от желанного счастья. Порожистый поток сердито урчит на ослушницу, отполированные водой валуны зло надувают щеки и плюются кружевной пеной, стремительные струи с разбегу бьют в торчащие из воды камни и, разлетаясь на мириады брызг, теряются, растворенные в потоке. И вдруг сильный низовой ветер налетает и ледяным дыханием сковывает неудержимый бег воды. Казалось, замерла на всем скаку конная лава: вздыбились кони, подняв кованые копыта. Галя хочет поднять руку, чтоб протереть глаза, и не может, словно сама она превратилась в ледяной столб.

«Почему вокруг то снег, то лед?» — думает она, просыпаясь.

Повернувшись на другой бок, она снова впадает в забытие. Крылья сновидения подняли ее высоко над землей, понесли над Сибирью. Разглядывая с высоты тайгу, реки и поля, Галя видит, как на цветущий луг, занесенный снегом, вышел юноша, и там, где ступает его нога, поднимают головы ромашки, зеленеют травы. Он склоняется над снежным холмиком, протягивает руку и помогает подняться девушке в цветастом сарафане и легких сапожках. «Да ведь это мы с Митенькой», — чуть не крикнула спросонья Галя, вскакивая с постели. Мягкие старушечьи руки придержали ее.

— Успокойся, голубушка, — услышала она Шестопалиху. — Видно, пришло тебе времечко порадовать нас сыном.

ДАЛЬШЕ В ГОРЫ

Ромка и Скок остались в зимовье. Митька завалил сохатого, настрелял дичи, на первое время снабдил остающихся в зимовье пищей.

Приближался день Симеона-летопроводца, когда, по преданию старых вещунов, хоронят мух и тараканов, ласточки ложатся вереницами в озера, черт меряет воробьев четвериками, отпускает только верх из-под гребля, а прочих убивает, ужи выходят на берег за три версты.

Митька ходил в дальнюю разведку, поднимался на гребень горного хребта и нашел на нем свежевypавший

снег. Вдали виднелись фантастические очертания горных вершин — Тургинские Альпы.

К подножию этих зубчатых пирамид, в долину реки Крутой, богатую пушным зверем, дичью и рыбой, орехами, грибами и ягодой, вышли Митька и Кулак-Могила. Со своими ненадежными друзьями они расстались навсегда.

Прощались с летом, выводили звонкие рулады лесные птицы. Тенета, развешанные между деревьями, не давали проходу путникам, прилипали к лицу, норовили проникнуть в ноздри, вызывая досадное чихание. С ружьями за плечами и с топорами за поясом пробирались два беглеца по диким урманам, темным таежкам, сквозь сплошные заросли черемушника, по замшелым болотам, переходили вброд горные каменистые реки, подгоняемые хлесткими ливнями, крылатыми армиями комаров и гнуса, отдаленным звериным рычанием.

Особенно досаждал гнус: лез в глаза, рот, нос, уши, за шиворот. Укусы мошки стало терпеть немоготу. Митька надрал бересты и выгнал из нее жидкий деготь.

— Мажь, батя, лицо и руки, — подал он Кулаку-Могиле чуман с дегтем.

Беглецы выкрасились так, что их не узнать бы и близким. Только белые зубы Митьки да рыжие усы Кулака-Могилы выделялись на темно-коричневом фоне обезображенных лиц.

— Волк и медведь не умываючись здоровы живут, — успокоил Митька спутника, когда тот разглядывал свое отражение в ручье.

— Помалкивай уж, медведунка, — нехотя отшутился Кулак-Могила.

Гнус отступился. Идти стало легче.

Лето было на исходе. Скупым неласковым теплом согревало еще оно в редкие солнечные дни. По ночам, завернувшись в короткие звериные шкуры и тесно прижавшись друг к другу, Митька и Кулак-Могила лежали на земле, прокаленной костром и жаркими углями, и подолгу не могли уснуть. Бессонницу выдавало прерывистое дыхание, досадливый скрип зубов, пеловкие взмахи рук, отгоняющих невидимых насекомых. В ходьбе и на отдыхе разговаривали мало. Перекидывались только словами, без которых нельзя обойтись. Митька никогда не отличался красноречием, а Кулак-Могила на привале у костра обычно погружался в глубокие думы, из кото-

рых выводил его Митька, когда подбрасывал сушняк в огонь или разгребал костер для ночлега.

О чем думал Кулак-Могила, Митьку не интересовало. С самого начала затянувшегося таежного похода он прирожденным чутьем уловил, что дороги у них с этим бандюком разные. И только вынужденно, по необходимости старый каторжник следует за ним в глубь тайги, не надеясь выбраться самостоятельно из дальних, неведомых ему мест хотя бы в ближайшее поселение. И чем дальше забирались они в Тургинские Альпы, тем беспокойнее вел себя Кулак-Могила, тревожно оглядываясь на пройденный путь, с каждым шагом отдалявшим его от возвращения в город.

Митька ничему не привык удивляться. И даже когда Кулак-Могила стал его расспрашивать, как найти дорогу обратно, он не уловил в его вопросах злого умысла.

— Обратно иттить оно всегда легче, чем вперед, — ответил он, не вдаваясь в подробности, считая, что это простая истина, которая не требует разъяснения.

— Кому как, — усомнился Кулак-Могила, — я так на первой версте заблужаю.

— А для ча на земле дерева, а на небе солнце? — задал непонятный вопрос Митька.

— Ну как для ча? Все это господом богом дано человеку для жизни, для отдыха и тепла.

— Так-то оно так, — наполовину согласился Митька, — но еще и для того, чтобы не заблудиться в лесу. Сейчас мы идем в Тургу, солнце у нас по утрам обочь справа. А обратно иттить, гляди чтобы оно левый бок пригревало.

— А ночью? А в ненастную погоду? — допытывался Кулак-Могила.

— Ночью звезды светят. А в ненастье по деревьям держись. Смотри на ветви их, на кроны. На муравейники смотри.

Трудно усваивал Кулак-Могила таежные премудрости. Но кое-что осело и в его памяти. А больше всего он надеялся на свою удачливость, разбойный фарт, прирожденный нюх, которые не раз выручали его после бандитских налетов, когда он попадал в такие переделки, казалось бы, совсем в безнадёжные ситуации, и все-таки выходил из них без ощутимых потерь, не уронив с головы ни единого волоса.

С каждым днем земля становилась холодней. За ночь

она остывала так, что солнце, изредка проглядывающее из-за туч, не успевало прогреть ее снова. Легкая испарина поднималась с оголенных берегов горных рек и ручьев, над водой нависал туман. Влекомый течением воздуха в глубокие ущелья, он медленно плыл по низинам.

— Строим шалаш, батя, — сказал, останавливаясь, Митька, — непогода будет.

— Дождик будет или нет, — отговорился Кулак-Могила, продолжая идти вдоль каменистого берега беснующегося потока, изрезанного многочисленными рубцами и шрамами.

— Пожалеешь, да поздно, — предупредил его Митька, уверенно поглядывая в прозрачное и потому кажущееся безобидным небо.

Перед ненастьем повлажнел воздух. Крылья мошкеры отяжелели от влаги, и она, до этого летавшая над лесом, опускалась к земле. Ласточки и стрижи, чьи гнезда виднелись там и тут в крутых берегах, в погоне за мошкаррой пролетали низко-низко над землей и, казалось, вот-вот разобьются о вставшую на пути преграду. Этих примет было достаточно Митьке, чтобы предсказать непогоду, но они оставались незаметными для городского жителя Кулака-Могила.

— Как хошь, а я затаборюсь, батя.

Митька сбросил с плеч мешок и ружье, достал из-за пояса топор и принялся рубить ближний пихтач. Тонкие деревца, помахивая мягкими лапками, склонялись к ногам таежника. Наложив охапку пихтовых веток на левую руку и прихватив ее правой, не выпуская из нее топора, Митька поднялся с корточек, намереваясь направиться к облюбованному под шатровой елью местечку для строительства шалаша.

ВЫСТРЕЛ В СПИНУ

Выстрел гроыхнул неожиданно.

Медвежья пуля, которой был заряжен патрон в Митькином ружье на случай встречи с «хозяином тайги», скользнула по щеке топора и рикошетом резанула пихтовые лапки. Митька бросил охапку и выпрямился. В десяти шагах от него стоял Кулак-Могила с его ружьем, ствол которого еще дымился.

Мысль сработала молниеносно: в сознании воскресли ссоры в пути, подозрительная уступчивость «бати»,

его игра в молчанку, тяжелые думы у ночных костров.

Так вот когда решил рассчитаться Кулак-Могила! Митька пошел на него с топором. «Не он, так я», — быстро сообразил Митька, чувствуя, что один из них должен погибнуть. О каких-либо переговорах, примирении не могло быть и мысли: даже ручной зверь, однажды оскалив зубы на хозяина, рано или поздно перегрызет ему глотку. Кулак-Могила был уверен, что выстрел окажется смертельным, и, может быть, поэтому впервые в жизни растерялся, увидев идущего на него с топором Митьку. «Пересилил, варнак, — тяжело загудело у него в голове. — Заговорен он от пули, что ли», — успел подумать он, отбрасывая в сторону бесполезное ружье и хватаясь за топор.

— Зарублю, гад! — закричал он, пятясь назад, неуклюже переставляя подкосившиеся ноги.

— Кто кого, — наседал Митька.

— Ружье-то нечаянно стрелило, — пытался оправдаться Кулак-Могила.

Митька остановился, опустил топор.

— Иди-ка ты, батя, подобру-поздорову. Дороги у нас разные.

От неожиданности бандит опешил. «Разные-то разные, — пронеслось в сознании, — но могут и опять схлестнуться». Мирного исхода быть не может. Неуступчивый, строптивый, привыкший повелевать Кулак-Могила давно задумал избавиться от своего удачливого спутника, завладеть ружьем, боеприпасами, провизией и в одиночку выбраться из тайги. Зимовка в Саянах казалась ему бессмысленной и опасной. На кой черт такая воля, ежели она хуже каторги? Воля — это когда красивая жизнь, воровская удача, власть над себе подобными. Манил город с широкими проспектами, ночными огнями ресторанов, ошалело скачущими тройками, цыганскими хорами.

«Митька ко всему этому не приучен, ему тайга — мать родная. В городе с ним застукают на первом перекрестке. Рвану один...»

Замысел оказался подрубленным на самом корню. Уцелел, варначина, от медвежьей пули. Теперь топором норовит опоясать. Нет, мирному исходу не бывать.

Неправда, что лес безмолвен, а вода нема, как и ее обитатели. В смертельной схватке, вооруженные топорами, сшиблись два дюжих мужчины, каждый из кото-

рых мог ударом кулака в лоб свалить сохатого. Зашумел темный бор, зловеще посвистывая. Заревел поток, с еще большей силой ударяясь о прибрежные камни и валуны, преградившие русло. Черные птицы взметнулись из чащобы и повисли высоко в воздухе над головами бойцов, предчувствуя скорую поживу. Лязгнуло железо о железо. Не искры, а молнии, высеченные тяжкими ударами, металась вокруг дерущихся. А с высоты навстречу земным молниям рванулись горячие грозовые, расколовшие небо пополам и выплеснувшие из глубокой расщелины неудержимый поток ливня. Но даже холодные струи дождя не остудили ярости дерущихся. Уже поранены были тот и другой. Кровь хлестала из глубоких порезов, и вид ее еще больше разжигал ненависть противников. Казалось, поединку не будет конца. Упершись кулаками с зажатými в них поднятыми топорами, противники тщетно пытались сдвинуть друг друга с места. Расцепившись, они снова сходились, молча, без выкриков и угроз, сохраняя каждую каплю силы. Для выдумки хитрого приема не хватало времени, все внимание сосредоточено на мгновенном отражении выпадов врага.

Митька никогда не дрался ни с кем, кроме зверя, Кулак-Могила загубил не одну человеческую душу. Преимущество было на стороне бандита. Но Митька и сейчас видел перед собой зверя, дикого, необузданного, а Кулак-Могила столкнулся с равной силой, что заставляло его отказаться от старых приемов, когда удар кулака по темени решал борьбу в его пользу. Противники снова сцепились лезвиями топоров, рывками стараясь выдернуть оружие друг у друга. Кулак-Могила решился на крайний шаг. Чувствуя, с каким напряжением Митька притягивает к себе его топор, обеими ногами упершись в обнаженный корень сосны, он неожиданно выпустил свой топор из рук и тигром бросился на упавшего на спину Митьку. Спружинив ноги, Митька стремительно выбросил их навстречу нападающему и отбросил его на несколько шагов. Оба вскочили одновременно. Борьба перешла врукопашную. Митька увертывался от кулаков противника. Его длинные руки отводили стремительные удары. Над головой грохотали, сталкиваясь, черные тучи. Вспышки молний выхватывали из темноты барахтающиеся фигуры. Глухо стонала тайга, вздрагивая от ударов молний. Набухал и пенился поток, грозно урча в каменистом ущелье.

Отдаленные раскаты грома вывели Галю из задумчивости. Качнув ногой люльку в последний раз, она опустилась в углу на колени перед образами святых и быстро зашептала молитву. За своей спиной она услышала тихие причитания Шестопалихи. Старая женщина молила господа бога, чтобы он дал силы и здоровья рабу божиему Дмитрию, его жене невенчанной Галине и младенцу незаконнорожденному Митеньке. Младенец в это время спокойно спал в качающейся люльке, Галя по-своему разговаривала с всевышним.

После пожара Каинов отгрохал себе новую избу, еще краше прежней: диковинный конек, выдававшийся немного вперед, создавал впечатление, что дом не стоит на месте, а находится в постоянном движении, словно плывет казацкий струг покорителей Сибири — дружины Ермака. Причелина, расписанная замысловатыми узорами, казалась кружевной оборкой на свадебном наряде богатой невесты. А глухой высокий забор, увенчанный «царскими воротами», придавал каиновской усадьбе солидный вид, выделяя ее из всех строений села. И казалась она незыблемой твердыней могущества и власти, в которой царский прислужник, убугунский староста Каинов Кирьян Савелович, наделенный иркутским губернатором правами и полномочиями вершить судьбы людские, верно служит богу, царю и отечеству.

Староста не только нес государеву службу, но не забывал и своих обид. Тяжелым камнем осела на душе его неотомщенная обида на варнака, бывшего его работника Митьку Дремова и племянницу свою Галю, избежавшую вместе с деревенской колдуньей Шестопалихой его справедливого гнева. И надо было разыскать их и каждого наказать по его вине.

Дошли до Каинова слухи, что Митька сбег от царских властей во время этапа на каторгу и где-то неподалеку буйствует с бандой таких же, как и сам, разбойных мужиков. Того и гляди ненароком ворвется в Убугун, вырежет полдеревни из тех, кто встал ему поперек горла, пустит красного петуха, разорит хозяйство, с трудом нажитое и строго охраняемое местными богатеями. Ему, Кирьяну Савеловичу, как говорится, первый кнут и первая плюха. Упредить надо беду, заручиться чем-то таким, что бы поставило Митьку в слепую зависимость

перед ним, убугунским старостой, связало бы ему руки тугой веревкой.

Домыслил все же Каинов, что самым дорогим для Митрия была и осталась Галя-племянница. Кабы напасть на ее след да заполнить, возвратить ее в лоно его хозяйского дома, страшную власть поимел бы он над своим ненаглядным родственничком, зятьком Митрием, черт его навязал. Навряд ли тот решится на разбой и поджоги в Убугуне, зная, что его жена невенчанная заложницей значится в хоромах старосты Каинова. Только где ее найти, несчастную? Надежно спрятала ее старая ведьма Шестопалиха. И следы свои наглухо замела колдовским помелом.

И век бы не найти Каинову племянницу, кабы случай ему не помог. Ездили его подручные Алеха и Петруха в недалекий городок, где известь для хозяйственных нужд выжигают. Закупили извести, сколько хозяин заказывал. А когда вернулись, выложили Каинову давно ожидаемую им весточку: видели издали проездом беглую девку Галину. Живет она в избушке на окраине того самого городка, где известь брали. Живет прочно и, видать, с места сыматься покедова не собирается. Тогда-то и задумал Кирьян Савелович, поуправившись с неотложными хозяйственными делами, попроведать свою племянницу, да так попроведать, чтобы у нее навсегда отпала охота сбегать из родного насиженного гнезда.

ДЕРЖИСЬ, ВАРНАЧИНА!

Митька теснил Кулака-Могилу, выбрасывая тычками вперед свои длинные руки. А тот отражал удары, подставляя согнутые в локте руки, отмахивался кулаками, отскакивал на несколько шагов назад и снова принимал бой. В темноте у обрывистого берега металась два черных силуэта.

— Держись, варначина! — с отчаянием закричал Кулак-Могила, распрямляясь во весь рост и поднимая высоко над головой руки.

Короткая вспышка молнии выхватила из темноты его могучий торс на крепких ногах, искаженное ненавистью лицо и острый камень во всю пятерню. Митька с разбегу бросился ему головой в ноги, стараясь сшибить «с копылков». Кулак-Могила отпрянул на два шага, и вдруг

Митька увидел, что бандит, теряя равновесие, замахал обеими руками, словно птица перед взлетом, закачался, как будто кто-то невидимым канатом тянул его сзади, вскинул ноги и сорвался с крутизны в глубокую бездну, уже на лету повернувшись к Митьке спиной.

Не поднимаясь на ноги, Митька подполз к обрыву. В расщелине не было слышно ни ругани, ни крика о помощи, только приглушенно рыдал поток, словно оплакивая свою жертву. Обессиленный борьбой Митька уткнулся головой в мшаную подушку и в то же мгновение уснул тяжелым непробудным сном. Лил дождь, грозовые тучи, сталкиваясь в высоте, сверкали кривыми мечами молний и рычали громовым голосом. И не было Митьке до всего этого никакого дела.

Ночью гроза ушла так же неожиданно, как и появилась. Утреннее солнце подсушило одежду на спящем, теплые лучи пригрели и разбудили Митьку. Он порывисто вскочил на ноги. «Убил человека», — горько сожалел он о случившемся. О том, что ему самому грозила смерть, он не думал. Думал он о первой встрече с Кулаком-Могилкой в арестантской камере, об удачно подготовленном им побеге, о двухмесячных совместных скитаниях по самым глухим местам Сибири. «А може, он не убили? — хватился Митька и подошел к скалистому обрыву. — Може, лежит пораненный и ждет помощи?»

Проливной дождь смыл следы падения тела. Набухший от ливня поток смотрел из расщелины мутным безучастным взглядом. Забросив за плечи ружье и мешок, Митька пошел вдоль берега, высматривая безопасный спуск в глубь ущелья. В одном месте на отвесной скале виднелись беспорядочно расположенные выступы, узкие террасы. Горный козел прыжками спустился к водою. Митька последовал за ним. Третью спуска прошла нормально: Митька исцарапал в кровь руки, подолгу держась за выступ и нащупывая следующую ступеньку. Козел оказался более проворным и далеко опередил своего преследователя, не оставив следов на твердом камне. Свою оплошность Митька понял поздно.

Взбираться наверх невозможно. Опускаться дальше — не за что уцепиться ни руками, ни ногами. Вряд ли это было лучшим решением, но Митька избрал его, он с силой оттолкнулся ногами от крошечной площадки и прыгнул на гладкий, отполированный ветрами карниз.

Ноги, скользнув по покато́й поверхности, не нашли опоры, и Митька, машинально цепляясь руками за малейшие шероховатости скалы, полетел вниз. К счастью, на пути попала́сь крепкая береза.

Не ухватившись Митька за ствол гибкого дерева, каким-то чудом пустившего корни на пятачке земли почти отвесной скалы, быть ему на дне ущелья, да неживому. Теперь судьба снова даровала ему жизнь. Митька крепкими руками держался за ветви березы, его заскорузлые пальцы от сильного напряжения налились кровью, тяжелое тело повисло над бездной, ноги, касаясь скалы, не находили опоры и беспомощно болтались в воздухе. Смерть дала ему короткую отсрочку, чтобы подразнить его, испытать нервы, а потом расслабить волю и мышцы, лишит последних сил и бросить на острые камни, еле видные на дне ущелья.

Митька пробовал подтянуться к изогнутому стволу березы, ногами опираясь о скалу. Из-под корневищ дерева посыпалась сухая земля.

Жажда жить в этом человеке была велика, и погибнуть сейчас, перенеся столько испытаний и лишений за два месяца после побега на этапе из Александровского централа в Верхолениск, было величайшей нелепостью. Мешок и ружье за плечами стесняли движения. Перебирая руками, Митька освободился от мешка, спустил его в расщелину и снова попытался подтянуться к согнутому деревцу. Ноги уперлись в твердую землю, тело прижалось к берестяному стволу. Почувствовав надежную опору, Митька ногами обхватил крепкое дерево и соскользнул к его основанию. Теперь можно было отдыхать, внимательно осмотреться кругом и найти более безопасный спуск...

Долго и бесполезно ходил Митька возле реющего потока. От Кулака-Моги́лы не осталось никаких следов. Видать, быстрая вода протащи́ла его безжизненное тело по острым камням, расщепляющим даже крепкие деревья, случайно попадающие в воду, разнесла его останки по многочисленным рукавам и протокам Крутой. Митька бросил горсть земли в звенящее русло, перекрестился, глядя на восток, взвалил на плечи мешок и, держа ружье под мышкой, медленно пошел по тропе, выбитой в каменистом грунте тысячами козьих копыт.

Тропа долго петляла вдоль берега и неожиданно по-

вернула в глубокий распадок с узкой расщелиной, по дну которой спешил говорливый ручеек, выходящий к реке.

Митька глянул в распадок. Вот она, дорожка к отцовской зимовейке, к милой Гале, запрятанной в постылом Убугуне. Захотелось скорей повернуть назад, туда, куда зовет сердце. Больше не связывает парня шальная компания, тюремные друзья. Полная свобода.

«А будет ли она и дальше? — задумался Митька. — С пустыми руками убугунские чалдоны и рта открыть не дадут, опять в тюрьгу упрячут. Есть ружьишко, порох. Зазимую в Турге, попромышляю. Коли мороз хватит, богато соболей идет в Саян в долину. Будут шкурки — и с чалдонами легче дотолковаться».

Рассудок взял верх над сердцем. Митька тоскливо еще раз глянул в манящий распадок и нехотя повернулся к нему спиной: возвращаться нельзя, надо переправляться через Крутую, а там Тургинская долина...

Поток скалил каменные зубы, рокотал громогласным смехом, плевался бешеной слюной. Не всякий мог отважиться вступить в единоборство с неистойвой рекой. Чем дальше шел Митька по берегу, тем больше удлинялся его путь, который нужно будет повторить в обратном направлении, на другом берегу после переправы. Утрами он пробуждался от холода, наскоро разжигал костер и уже снова не ложился, дожидаясь рассвета, сидя на корточках у огня. Вот-вот выпадет снег. В горах он заметет расщелины, ветры забьют снегом узкие проходы, без лыж не ступишь ни шагу. Надо торопиться на зимовку. На глаза Митьке попала гигантская осина. Полдня ушло на то, чтобы свалить толстое дерево и вырубить из него бревно. На изготовление из бревна лодки-долбенки ушла вторая половина дня и еще двое суток. Митька выбирал место, где можно оттолкнуться от берега и проскочить на другую сторону. Переправу он наметил на следующее утро.

ЧЕРЕЗ ПОРОГИ

Тонкий сосновый шест в руках Митьки казался игрушкой. Сильно оттолкнувшись от берега, Митька направил долбенку на стремительную струю, которая, ударяясь в береговой мыс, круто поворачивала к седи-

не реки, увлекая за собой все, что держалось на поверхности воды. Вертлявая лодка-самоделка, управляемая сильными руками, держалась устойчиво. Сухое легкое бревно почти не погружалось в воду и, как рыбацкий поплавок, подпрыгивало на волнах. Достигнув середины реки, Митька кормовым веслом, вырубленным из осиновой дробины, стал выгребать к противоположному берегу. Широкий длинный плес казался безопасным, пороги предостерегающе рычали где-то далеко впереди. Лодка держала прямое направление, берег быстро приближался, словно он сам летел навстречу энергичному гребцу. Еще несколько взмахов весла — и успевай схватиться за прибрежные кусты, выскакивай со всем снаряжением на берег.

Не выпуская весла, Митька приготовился к высадке. Неожиданно лодку развернуло почти под прямым углом и понесло снова на середину реки. Безуспешно пытался Митька сдержать этот резкий рывок, тормозя веслом. Лодка снова вышла на стремнину. Это не входило в Митькин расчет, плес кончился, а проскочить на капризной долбленке через пороги почти невозможно. Митька энергично заработал веслом. Лодку начало покачивать с носа на корму — верный признак приближения порогов. Еще не видно обнаженных камней, торчащей из воды зубчатой преграды. Она вот-вот покажется за поворотом. Давало себя знать неровное каменистое дно, оно и покачивало лодку на подводных седловинах. Река петляла, как любая горная река, русло которой проходит не там, где бы ему хотелось, как это бывает на равнинах, а там, где в незапамятные времена образовались расщелины, впоследствии за многие тысячелетия размытые в глубокие речные ложа. Митька надвинул шапку на самые уши и поплевал на ладони.

«Держись теперича, паря, — подбодрил он себя, видя невдалеке белопенный бурун, развернувшийся во всю ширь реки. — Только бы не хлобыстнуться о камень».

Митька направил лодку в узкий промежуток между двумя валунами. Пулей просвистела лодка, подхваченная сдавленным порогами потоком.

И шапка на голове цела, и весло в руках. Впереди снова пенится порог, а за ним черная громада каменного острова, который ни объехать, ни обойти.

Казалось, жизнь наладилась, вошла в свою привычную колею, нужно было только терпеливо ждать, когда время все поставит на свои места, приведет к желанному исходу. Вот уже и сынок родился, вылитый Митенька. И посему нарекли его тем же именем, что и отца. Дождаться бы еще суженого с каторги или уже с воли, как вещает бабушка, и другого счастья от жизни желать больше неча. А тут новая беда подстерегла.

Широко распахнув дверь, Галя быстро вбежала в избу и, тяжело дыша, прислонилась спиной к дверному косяку. Платок сбилсЯ с головы на плечи, коса рассыпалась, в глазах застыл испуг.

— Беда, бабушка! — крикнула она с порога.

Старуха, державшая на руках ребенка, уложила его в люльку, подошла к Гале, ласково обняв, отвела от косяка в глубь комнаты.

— Успокойся, доченька, — заговорила она, стараясь ободрить Галю, и хриплый голос ее звучал почти нежно. — Авось и эта беда обойдет нас стороной.

Но беда упрямо шла в избу. Надрывно заскрипели сенные двери, крякнули половицы в кухоньке, и в горницу, где, испуганно прижавшись друг к другу, сидели две женщины, шагнул Кирьян Савелович Каинов.

Староста сдернул шапку, перекрестился на образа в переднем углу. Двое односельчан, стоявших за его спиной, тоже осенили себя крестом.

— Встречай гостей, сударыня-барыня, — беззлобно проговорил Кирьян Савелович, — давно не видавались, не грешно и по чарочке поднести.

Галя поднялась со скамейки и низко поклонилась дяде.

— Доброго вам здоровьица, дядюшка, и вам, почтенные люди. Разбалакайтесь да к столу пожалуйте.

Принимая от дяди отороченную собольим мехом борчатку, Галя попросила Шестопалиху:

— Бабушка, сварганьте пока закусочку, а я до казенки сбегаю.

— Гостей завлекать молодежи положено, — отговорила старуха. — А в казенку я слетаю сама, ведь знаешь, что я на ногу скоро.

Никто не видел, как старуха собралась и выскользнула за дверь.

Мужчины уселись за стол, свернули толстые сигарки каждый из своего кисета, закурили.

— Ну, рассказывай, сударыня-барыня, как жила, кого прижила, — степенно начал Кирьян Савелович, и в голосе его Галя уже не слышала беззлобных ноток, голос звучал грозно.

Галя бросилась в ноги старосте.

— Помилуйте, дядюшка.

Кирьян Савелович оттолкнул ее ногой.

— Не бражничать мы приехали, а тебя, бесстыжую, проучить.

— Э, да тут уж и наследничек появился, девичий сын. Ну-ка давай живо сюда своего байстрюка, — взревел дядя, словно впервые увидел в углу неподвижную люльку. Галя вскочила и загородила люльку.

— Не дам, не подходите! — закричала она, почувствовав в себе небывалую силу, готовая за сына биться с тремя мужчинами.

— Взять ее, — скомандовал Кирьян Савелович, и подручные, схватив Галю за руки, отдернули от люльки.

Кирьян Савелович подскочил к люльке, рванул рукой сатиновый полог и замер в недоумении: люлька была пуста.

Еще ничего не понимая, Галя, выламывая руки, на силу вырвалась из тисков и бросилась на помощь спящему сыну.

А староста уже кричал:

— Алеха, Петруха, живо за старой ведьмой. Уволокла мальчика.

Видя, что опасность для Митеньки миновала, Галя спокойно опустилась на скамейку: она знала, что судьба ее сына в надежных руках, Шестопалихе она верила больше, чем себе. Вскоре растерянные и обескураженные Алеха и Петруха вернулись. Старая словно сквозь землю провалилась.

— Тащи вожжи, — кивнул староста одному из мужиков.

Галя знала, что значили эти на слух безобидные слова...

Очнувшись от холода. Исполосованное, исхлестанное сыромятными ремнями тело казалось чужим, руки и ноги затекли, ооченели, голова на ухабах покачивалась и легонько ударялась о спинку ходка.

«Везут в Убугун», — решила Галя, прислушиваясь к

редким словам старосты, проклинавшего все на свете отборной руганью.

— Ушла, ведьма, — сквозь зубы цедил Кирьян Савелович. — Ушла...

«Милая, славная бабушка, — со слезами радости думала Галя. — Какая ты догадливая и расторопная! Тяжела разлука с сыночком, но теперь я за него спокойна. Что бы сказал Митя, когда пришел бы за мной и сыночком? Ведь Каин верняком порешил бы младенца».

Ходок подпрыгивал, скрипели рессоры, словно волчьи глаза сверкали в темноте огоньки сигарок, невдалеке слышался многоголосый собачий лай.

Чувствуя близость деревни, лошадь сильнее натянула постромки.

Седоки в ходке молчали, каждый по-своему переживая события прошедшего дня.

КАМЕННЫЙ ОСТРОВ

Голый каменный остров. Ни травинки, ни кустика. Годами речной поток полирует его бока, обмывая темные камни до глянцевого блеска. В половодье острова не видно, его щербатая спина глубоко уходит под воду. Водяная лавина сметает с поверхности все живое, что пытается зацепиться на бесплодной почве каменистого острова.

Митька обошел остров кругом, вдоль и поперек и впервые почувствовал свое одиночество, обреченность.

Благополучно проскочив пороги, его долбленка с маху врезалась в каменный мыс острова и раскололась пополам. Дальше Митька ничего не помнил. Очнулся он на холодном ложе, вымокший, разбитый. К счастью, целыми оказались ружье и припасы.

Набрав щепы и обломков деревьев, разбросанных на мысу, Митька кресалом добыл огонь, разжег костер, согрелся. Настроение поднялось. Положение казалось не таким безнадежным. «Утро вечера мудренее», — подумал Митька, закутываясь в шкуру и укладываясь с подветренной стороны костра, пылавшего высоким огнем. Проснулся Митька среди ночи. Разыгравшаяся буря не дала ему проспать до утра. Ветер свободно носился по голому острову, не встречая препятствий, собирая с его гладкой поверхности пыль, мелкие камни, щепу. Вот он еще издали нацелился на затухающий костер, зверины-

ми когтями вцепился в огненную гриву и начал беспощадно трепать обессилевшее пламя. Отбиваясь от наскоков бури, костер разбросал во все стороны дымящиеся головни, снопы искр рванулись навстречу порыву ветра и тут же, как обмолоченные, припали к каменной земле. Митька бегал вокруг костра, стараясь сохранить огонь и тепло. Завалив в костер тяжелые смолистые кряжи, он почувствовал, что теперь огню не страшен никакой ветер. Чем сильнее его порывы, тем ярче пламя костра.

С рассветом буря утихла, ушла в верховья Крутой. Если в долине реки ее натиск сдерживали скалистые берега, на открытых местах она побушевала вволю. С островного мыса Митька увидел, как через пороги несло деревья, выкорчеванные с корнями ветровалом и сброшенные в реку. Одни деревья проносило мимо острова, другие выбрасывало на мыс. Сохранившиеся ветви и корни смягчали удар, и скоро Митька насчитал на мысу десяток крепких сухостойных лесин.

«Вот моя выручка, — подумал он. — Иначе мне не выбраться с этой каменной каторги».

Плыть на дереве рискованно, а оставаться на острове — значит погибнуть без борьбы. Выбора нет. Лишь бы не подмочить порох, не утопить ружье. Вцепившись обеими руками в толстый сосновый сук, торчащий над водой, Митька поплыл по воле потока. Гигантское дерево с надломленной кроной, обнаженными корнями и уродливыми сучьями напоминало чудовище с волосатой головой и острыми плавниками. Чудовище с пассажиром на спине медленно удалялось от каменного острова, нехотя приближаясь к противоположному берегу, манящему зеленью сосен, желтизной осин, жизнью. Взглянув на корму необычного судна, Митька понял, чему он обязан своим спасеньем: надломленная отогнутая вершина сосны заменяла руль, который направлял дерево через реку. Берег был близок. Корни и ветви сосны задевали дно реки, притормаживали ход. В двух саженях от берега, на отмели, комель уперся в подводный камень, вершину спокойно развернуло и прижало к самому берегу. Не замочив ног, Митька прошел к вершине дерева и с нее прыгнул на твердую землю.

Самое страшное осталось позади. Но надо торопиться. Ночная буря согнала со всей Сибири тучи в одно место. Темные, хмурые, они толстым слоем перекрыли

дорогу солнечным лучам к земле и, не желая больше нести на своих плечах надоевшую ношу, швырнули ее с высоты. Сначала появились одиночные снежинки; робкие, неуверенные, они, боясь прикоснуться к земле, исчезали, не долетев до нее. Затем снег пошел гуще, и вот уже сплошная толща снега обрушилась на зеленые травы, ветки кустарников и деревьев, на голову, лицо и грудь быстро шагающего человека. Митька шел по первой пороше, оставляя глубокие мокрые следы на засыпанной мягким снегом тропе. Проходили минуты, следы теряли свои очертания, обильно падающий снег заравнивал их. И никто бы не мог сказать, что здесь недавно прошел человек. Да и некому было этого сказать: безлюдная тайга молчалива.

ЗАКОН ТАЙГИ

Сколько раз этот неписанный закон, неуклонный закон выручал обессиленного путника, случайно наткнувшегося в блужданиях по тайге на одинокую избушку. У очага сухая растопка и спички, на полке соль, сухари, вяленая рыба, кусок солонины, рядом нехитрая посуда: котелок, чуман из бересты, деревянная ложка. Обсушись, согрейся, подкрепи силы, заночуй в зимовье. Но, уходя, не забудь привести все в порядок: заготовь сушняк для растопки, вымой посуду, не уноси остатки продуктов, спички. Быть может, завтра или через месяц сюда забредет другой путник, еще более нуждающийся в тепле и пище...

Митька поднес спичку к растопке, торчащей в печке из-под березовых поленьев. Веселые огоньки вперегонки побежали по бересте. Быстро вскипела вода в котелке. Кусок козлятины, насаженный на шомпол и зажаренный на открытом огне, показался необычно вкусным. Крепкими зубами Митька рвал полусырое мясо, прилебявал обжигающий губы кипяток, заваренный пахучими листьями черной смородины. Последние два дня Митька только на ночь разжигал костер, а в светлое время торопливо шагал по тайге в поисках зимовья. Он согревался быстрой ходьбой, питался всухомятку, утолял жажду на ходу, схватывая горсти снега. И вот тропа вывела его к охотничьей избушке.

«Здесь и зазимую», — решил Митька, заканчивая ужин.

Впервые за многие дни Митька спал на широких полатях. Воздух в зимовье нагрелся, ноги, укутанные в звериные шкуры, казались опущенными в теплую воду, все тело охватила сонливая истома. Ощущение тишины и покоя располагало ко сну. И все же Митьке не спалось. Сейчас, когда все опасности остались позади, когда он мог безбедно провести зиму в лесной избушке, добывая пропитание охотой, он думал о той, ради которой бежал с каторги, перенес лихие напасти, способные свалить с ног десяток дюжих мужиков, добрал до Тургинских гольцов.

Мысленно Митька уже встретился с Галей. Он видел, как его любовь переступает порог избушки, и сразу в зимовье становится светло, как в горнице: стены раздвигаются, потолок поднимается, в окна врывается яркий солнечный свет. Митька идет навстречу своей ясной зорьке, набрасывает ей на руки, на плечи, на шею золотистых соболей, надевает на голову шапку лисьего меха, ведет за белую руку к столу. Дальше видение прекращалось, и Митька снова крепко зажмуривал глаза, чтоб еще раз повторилась милая сердцу картина. А в глазах мрак непроглядный, темный, как ночная тайга, когда сомкнувшиеся кроны деревьев не пропускают звездного света и даже собственное тело узнаешь только на ощупь.

НЕГАДАННАЯ ВСТРЕЧА

В тайге встретиться с чужим человеком страшнее, чем со зверем. Зверь редко первым нападает на человека, знает, что на вид слабосильное существо жестоко расправляется с любым хищником, сражая его на далеком расстоянии. В своих ежедневных охотничьих поисках Митька не боялся хищных зверей: ружье, заряженное картечью, наготове, нож всегда у пояса. Зима выдалась соболиная. В Саянах выпали глубокие снега, прожорливым зверькам стало трудно добывать пищу, и они спустились к подножию гор, разбрелись по долинам и распадкам.

Митька ставил на соболя петли, настраивал денгуры. Из дробовика постреливал редко: заряды берег на крупного зверя. Удача сопутствовала бывалому охотнику — соболями и лисьи шкурки заполнили ящик под полатями...

Лыжный след, пересекший замерзший ручей и на-

правляющийся к зимовью, насторожил и обрадовал Митьку. Встреча с человеком сулила опасность. В то же время она могла оказаться полезной для таежника. Одиночество давно томило Митьку, особенно длинными зимними вечерами, бессонными ночами. Часто он заводил разговоры с невидимым собеседником. Его ночным собеседником всегда была Галя. Теперь предстояла встреча с незнакомым человеком. Кто он — друг или враг? С чем пришел — с добрым намерением или со злым умыслом? Чем он встретит — смертельным выстрелом или крепким рукопожатием? Нужно быть готовым и к тому и к другому. В просвете между деревьями показалось зимовье. Над крышей веселенький дымок; значит, гость затопил печку, лыжи прислонены к стенке возле двери: он не скрывается, не прячется. Все складывалось к лучшему. Митька и вначале не боялся пришельца: враждовать с людьми он не привык, нападению всегда готов дать отпор. Но снова губить человеческую душу, какой бы черной она ни оказалась, ни к чему. Он еще не забыл нелепой гибели Кулака-Могилы.

Дверь Митька отворил, рванув за скобу, сам оставаясь защищенным бревенчатой стеной. Такова уж привычка таежников: из-за опасения нарваться на пулю из прилаженного недругом за дверью самострела.

Ничего опасного нет. Митька переступил порог и увидел чернобородого мужика, сидящего за столом и спокойно прихлебывающего чай из чумана.

— Вовремя подоспел, хозяин, — приветливо заговорил мужик, — как раз к чайку.

Митька протянул широкую, как лопата, ладонь.

— Митрием кличут. А вы кто будете?

— Петров. Иван Петров с Тугута.

Охотники быстро нашли общий язык. Митька, словно хотел выговориться за многодневное молчание, сыпал словами.

— Соболь идет и в петлю и на денгур. Встречается огневушка.

Митька доставал из-под полатей одну за другой шкурки, потряхивая ими перед восхищенным охотником, укладывал снова на место.

— Ладно, видно, паря, поохотился, — одобрил Митьку Иван. — Большие тыщи заколотил.

— Не тыщи мне нужны, дядя, — вдруг решил Митька. — Беглый я. Варнак, по-вашему...

Слова Митьки не удивили Ивана. Он терпеливо выслушал исповедь беглого каторжника, посочувствовал его тоске по жене невенчанной. Расправляя пальцем крупные кольца черной бороды, сказал:

— На село тебе, паря, дорога заказана. Мигом сцапают. Озверели богатеи в селах. Да и урядники свирепствуют. Сказывают, в Петербурге царя порешили. Александра-то освободителя. Он свободу крепостным, а его боньбой. Шибко много народу переловили да пересажали за одного-то ево. Уйму перевешали, а того больше в Сибирь к нам сослали. Беседовал я с одним, такой щупленький, без очков мужика от бабы не отличит. Ему не то что с боньбой, а с перочинным ножиком не совладать. Но мужик приветливый такой, обходительный. Говорит, не царей надо уничтожать, а царизму. Ну, как тебе объяснить? Вот ты тоже Каинова ножом пырнул. И не убил ты ево, а только поранил и душу свою не утешил. А власть-то на чьей стороне? На его, Каинова! Тебя судили и на каторгу упекли, а не ево. Выходит, у кого власть, у того и сила. Вот и надо, чтобы власть была мужицкая, чтоб народ решал, а не богатеи, кому на свободе гулять, а кому на каторгу идти. Понимаешь?

Простые слова Ивана открывали Митьке целый мир. Самобытным чутьем понимал он, где справедливость, а где ложь и фальшь. Оказывается, есть люди, которые всю свою жизнь посвятили борьбе с несправедливостью. И не из таких ли Иван Петров, коли знает он все, что творится на белом свете, и встречается с политическими, о которых слышал Митька краем уха еще в Александровском центре?

Иван отодвинул опростанный чуман.

— В Убугун наведаясь, голубку твою разыщу. Добычу снесу меховщикам. Бери, пока что есть у меня из припасов лишку. На Варвару приду сызнова.

Переночевал Иван Петров в Митькиной зимовейке. Наутро, нагруженный мешком с пушниной, оставив себе малость пороху и дробы да прихватив харчишек, чтобы добраться до Тугута, вышел он вместе с хозяином на морозный воздух. Похлопал Иван Митьку по спине руками, одетыми в рукавицы из волчьего меха, приладил лыжи, глянул на зимовье, по окна увязшее в снегу, и, не оборачиваясь, быстро зашагал по старой своей лыжне.

А Митька стоял в расстегнутой шубейке без шапки,

голорукий и смотрел вслед удаляющемуся неожиданно-му другу. Думалось ему, что это знакомство положит начало его новой жизни, вернет ему все, что было накоплено и отнято у него.

ШЕСТОПАЛИХА

Шестопалиха выждала, когда непрошенные гости, бранясь и отплевываясь, вышли из ее избы, завалились в ходок и отъехали. Она видела, как волоком они протаскивали Галю по крыльцу и, словно мешок муки, забросили в повозку. Сдерживая проклятья, готовые сорваться с языка и обрушиться на голову «окаянных злыдней», боясь обнаружить себя, Шестопалиха еще долго просидела в укрытии и, только когда окончательно убедилась, что богатеев и след простыл, вернулась с Митенькой в квартиру. Перевернутая мебель, сорвана и растоптана грубыми сапожищами люлька, побита посуда, грязью забрызганы стены. От такой картины дрогнуло бы самое мужественное сердце. Шестопалиха восприняла все так, как будто иначе и быть не могло.

Кое-как приведя в порядок постель, она перепеленала Митеньку, уложила его на подушку и, негромко напевая одной ей известные колыбельные песенки, способные усыпить любого самого капризного ребенка, принялась за уборку. Стоило мальчику проснуться, как для него находилась бутылочка с молоком, вкус которого ничем не отличался от материнского. Ночью ему было тепло от прикосновения человеческого тела. Ребенок находился в том возрасте, когда ему безразлично, кто его кормит, согревает, держит на руках, когда еще нет воспоминаний, а все в будущем...

На другой день Каинов хватился и вновь послал своих подручных разыскивать «старую ведьму». Петруха и Алеха, прискакав верхами к Шестопалихе, увидели избушку со ставнями, закрытыми и заколоченными поперек широкими досками. На двери висел огромный замок.

Мужики походили-походили вокруг избушки, для порядку постучали поочередно в дверь и во все окна и, не добившись никакого ответа, вскочили на коней. Вылетев на рысях из села, они сразу же придержали поводья: торопиться в Убугун было незачем, вести, которые они везут Каинову, не укротят гнева старосты, а кому нужна лишняя оплеуха?..

Много ли места надо нетребовательной старухе с внучком малым, еще несмышленным? Угол в теплой избе на печи или на полатах. Недолго скиталась Шестопалиха по чужим людям. И хоть встречали ее хозяева приветливо и провожали нехотя, не прижилась она в людях. Характер у нее таким сложился, что не терпела она зависимости и пригляда, нужна была ей во всем самостоятельность и отрешенность.

Митенька никогда не обременял ее, старуха была способна прокормить и воспитать целый ворох ребятишек, а не то что одного мальчонку. А к Митеньке у нее была особая привязанность. И если раньше она делила свою любовь между ним и его матерью, то теперь все ее заботы, внимание, нежность принадлежали безраздельно лишь ему одному. Она готова была вырастить его до полной самостоятельности и вывести в люди, только дай бог самой многих лет и здоровья. Но не уверена была Шестопалиха, что у Гали с Митрием все обойдется благополучно, что встретятся они, вольные в своих желаниях, и заживут безбоязненно и счастливо. Такого невозможно было ожидать после того, что натворил Митрий, вплоть до побега с каторги. А особенно после того, как Галя попала в жестокие лапы беспощадного старосты.

И посему Шестопалиха все заботы о младенце Митеньке приняла на свои старушечьи, еще весьма крепкие и надежные плечи.

ВАРВАРИН ДЕНЬ

В Варварин день Митька с утра ждал гостя. Не удаляясь от зимовья, он в ближних таежках осмотрел петли, перезарядил денгуры. Вернувшись в зимовье, содрал с соболей шкурки, растянул их на скамье. Кончились самые короткие зимние дни. «Варвара ночи урвала, дня притачала», — вспомнил Митька деревенскую приговорку, услышанную, еще когда он жил в работниках у Каинова.

Иван Петров пришел через два дня, на Николу.

— Промерз я в дороге, паря, — пожаловался он Митьке, доставая из мешка харчи деревенские и флягу. — Давай чуток для сугреву.

После приема Митька захмелел. А Иван словно и не пил вровень с ним.

— Дело твое, паря, на мази. За шкурки получай припасы к ружью, соль да сахарок. Деньжата еще остались, да ни к чему они тебе.

Говоря, Иван выкладывал на стол покупки. Митька равнодушно смотрел на кульки с порохом и дробью, на предметы, необходимые в хозяйском обиходе. Без всего этого он мог бы прожить безбедно до лета. Внешне не проявляя беспокойства, он терпеливо ожидал, когда Иван заговорит о главном.

— Ну а что касается твоих сердечных дел, тут получилась такая закавыка.

Митька насторожился. Упершись руками в столешницу и весь подавшись вперед, он по одному слову готов был сорваться с места, чтобы бежать на помощь той, которая была для него дороже всех сокровищ на свете.

— Во-первых, с сынком тебя поздравляю, — торжественным тоном произнес Иван.

Сын. Выпитый самогон и добрая весть закружили голову таежнику. Все пережитое за год казалось ничтожным по сравнению с той радостью, которую принес ему чернобородый гость. Митька моментально заглянул на полтора десятка лет вперед и увидел глухую звериную тайгу, по которой они с ловким стройным подростком пробираются с ружьями наготове, скрадывая сохатого.

— А во-вторых, — продолжал Иван, ставя чуман и проводя согнутой в локте рукой там, где густые усы соединялись с бородой. — А во-вторых... — повторил он и замешкался.

— Что дальше? — не вытерпел Митька, хватая его за руку.

— Понаслышал я, паря, что живет твоя суженая у дяди в Убугуне. А сынок припрятан у надежных людей.

Митька опустил на скамью. Хмель вылетел, как не бывало. В голове тысячи задумок, а на поверку ни одной дельной.

— Не казись прежде времени, паря, — успокоил его Иван. — Подождем до лета, а там что-нибудь смакуем.

«До лета так до лета, — сраженный своей беспомощностью, обреченно подумал Митька. — А что принесет новое лето? Что оно изменит в судьбе разлученных тайгой влюбленных? Ведь власть-то в государстве по-прежнему царская. И сила у тех, кто блюдет интересы

царя-батюшки, у того же Каинова и его подручных. Может, что и знает дядька Иван нового, да затаился до поры до времени», — не давали покоя Митьке назойливые мысли.

— Слышь-ко, дядя Иван, погодь немножко, не торопись. — Митька усадил охотника на скамью рядом. — Давеча ты про царя складно сказывал. А еще про власть мужицкую намекнул. Так вот я и спрашиваю, може, что к лучшему в России изменилось? Али как?

— Очень жаль, но ничем не могу тебя, паря, порадовать. — Иван задумался, словно перебирая в памяти события последнего месяца, выискивая среди них хотя бы малейший намек на то, что могло бы принести утешение Дмитрию, вселить в него надежду на избавление от добровольной ссылки в лесу. — В Питере, бают, неспокойно: рабочий люд бунтует против произвола заводчиков и фабрикантов. И в деревнях российские мужики поднялись на хозяев, жгут барские усадьбы, ватаги разбойные собирают и в леса уходят. На проезжих дорогах не дают покоя купчишкам.

Митька согласно кивал головой. Все это страшно далеко: и загадочный рабочий Питер, и неведомые российские деревни, так же как незнакомы ему заводчики и фабриканты. А вот что творится в Убугуне? В сибирских деревнях? Скоро ли неимущие мужики свернут башку Каинову и ему подобным? Ведь сила на их стороне, их бесчисленно много. И что стоит против них кучка богатеев, завладевшая властью. Ведь сам Иван пояснил, что у кого сила, у того и власть.

— Как бы тебе лучше растолковать? — растерялся Иван Петров перед дотошностью Митькиных расспросов. — Сила исчисляется не только количеством людей. Сила еще и в царских законах, солдатах, носящих оружие, в полиции и всяких урядниках и старостах, угрозами и кулаками поддерживающих порядок в городах и селах. Разом все это не пересилишь.

Смутно доходили до сознания Митьки неуклюжие разъяснения Ивана. Сам он считал мерилom власти только физическую силу. Непонятно, что еще можно противопоставить кулаку и сноровке?

— Вот медведь, скажем, или кабан сильнее тебя, — нашелся Иван, — а ведь ты на них с голыми руками не пойдешь, за рогатину хватаешься или ружье вскидываешь.

У Митьки глаза на лоб полезли от простоты и убедительности Ивановых слов.

— Прав ты, однако, дядя Иван. Ну прощевай покуда. Помни уговор.

А сговорились они на том, что Иван чаще будет навеваться в зимовье: забирать Митькину добычу, подкреплять его припасами и, самое главное, сообщать все новое, что он узнает о Гале и Митеньке. Старый таежный бродяга Иван Петров принял на себя эту добровольную обузу, уловив в Митькиной судьбе сходство со своей рано потерянной молодостью.

ПРИХОД ВЕСНЫ

Дважды за зиму приходил еще Иван в далекое зимовье, а на третий, как сулил, не явился. Было у Митьки вдоволь наготовлено зарядов, из городских гостинцев он мог устроить пир на большую компанию, а таежная добыча уже мало интересовала его: пушнины — на себе не вынести, мяса — на год, и соленого и свежемороженого. Задумал Митька забрать жену и сына в тайгу, зажить отшельником вдали от недоброго людского глаза, отсидеться в глуши до поры до времени, когда забудется его каторга, и уже после этого выйти на вольное поселение. Так они порешили с Иваном Петровым, с этой задумкой и должен был старый охотник подойти к Гале и разыскать Митеньку. Уже и местечко Митька присмекал для избы в сухом соснячке на берегу тихого озера, пристанища перелетных птиц. Площадку расчистил от снега и кустарника, повалил ближние лесины, вырубил топором из них гладкие ровные бревна. По весне Иван обещал помочь поставить сруб. «Здесь и проживем с милой, — думал Митька о Гале, — повенчает нас мать-тайга, а то холостой — полчеловека...»

Засунув топор за пояс и забросив за плечо ружьишко, Митька вышел из зимовья. До озера не больше версты через темную таежку, переходящую в сосновый бор. В ожидании Ивана надо полностью заготовить бревна для избы.

Вдоль протоптанной Митькой за зиму в глубоком снегу тропинки появился след соболя. Сотни раз видел соболиный след Митька и ходил по нему не меньше, пока не настигал маленького зверька, и ничего необычного, казалось, не было для охотника в отпечатках крошеч-

ных лапок. И все-таки что-то новое, увиденное только сегодня, заставило Митьку свернуть с проторенной тропы и проследить отпечатки лапок соболя. Соболю шел, оставляя следы трех и четырех лапок. На косогоре его след свернул на след другого соболя. Так соболю ходит только весной.

Митька остановился. Прежде молчаливый лес наполнялся необычными звуками: невдалеке на сосне зашел свою несуразную песню глухарь, щелкая и шипя, напоминая звуки капель воды, падающих на раскаленную докрасна сковородку; длинные-длинные трели бабланной дробы рассыпали ожившие дятлы, стараясь перехлестнуть друг друга в этом виде таежного искусства; тихо и мелодично засвистели рябчики, включая в песнь весеннего пробуждения свои робкие голоса; победный гимн весне затрубил лось. Весна вступила в тайгу.

А Митька, словно и не рад весеннему пробуждению природы, повернул к старому зимовью и, сгорбившись, будто взвалили ему на плечи непосильную ношу, не поднимая головы, побрел по липкому снегу в обратную сторону. Прошли все сроки, а Ивана все не было.

Ой, напрасно ждешь, таежник, своего верного друга. Не изменил он святому чувству дружбы, не нарушил крепкого слова. Человек, испытанный на законах тайги, сам погибнет, а слово сдержит, друга выручит. Не сносил головы Иван Петров, старый охотник, раб таежных законов.

ГИБЕЛЬ ИВАНА

Не раз виделся Иван Петров с Галей, сбывая через Каинова перекупщикам добытую Митькой пушнину. Не знал староста, пособником кому он стал в коммерции с мехами, не то бы несдобровать Ивану. Больших трудов стоило Ивану незаметно от других переговорить с молодой женщиной, объяснить, чьим посыльным он заявился в негостеприимный дом старосты. На все была согласна Галя ради своего любимого. А когда получила она через того же Ивана, разыскавшего Шестопалиху, весточку, что Митенька жив, здоров и уже старую бабушку называет «мамкой», решимости ее не было предела. И все бы произошло так, как наметили Митька с Иваном, долгими зимними вечерами со всеми

подробностями продумав побег Гали в тайгу и приход туда Шестопалихи с Митенькой. Не предусмотрели они только одного — алчности Каинова.

Выгодно продав перекупщикам Митькину пушнину, Иван переночевал у Каинова, а утром с попутным обозом поехал в город. Перед очередным выходом в тайгу надо прикупить для Митьки боеприпасов, харчей, встретиться с Шестопалихой, помочь ей деньгами. В пути настигла метель. Ослепшие от снега лошади с трудом копытами нащупывали дорогу, еле-еле волокли тяжело нагруженные возы. Суметы на дорогах разгребали лопатами, возчики и седоки подпрягались к лошадям, протаскивали сани через сплошь забитые снегом участки. К ночи добрались до глухой заимки. Лошадей выпрягли и загнали в конюшню, сами улеглись вповалку на полу, выставив караульщика у возов. В середине ночи Ивана разбудил его возница и отправил сторожить грузы. Иван вышел во двор. Метель утихла, напоминающая о себе редкими порывами ветра и бросками мокрого снега. Тучи, затянувшие небо, не пропускали лунного света, разжечь костер во дворе не позволил хозяин заимки. В темноте Иван, закутавшись в тулуп, привалился спиной к возу. Высокий воротник тулупа закрывал голову и уши, глаза в темноте не различали ничего на расстоянии вытянутой руки. Пока сам не заявишь, смена не придет. Надо простоять на карауле не меньше часа, тогда можно будить следующего караульщика. Поглядывая по сторонам, Иван думал о Митьке, представляя, как обрадуется парень хорошим вестям. А сойдет снег, зазеленеет тайга, можно будет и семью к нему привести: хоть одного человека в жизни сделать счастливым. Не было смолоду друзей у Ивана Петрова. Сверстники, такие же бедняки, как и Ванюха, не общались с ним: мрачным и диким казался им черноголовый парень, вечно ходивший босым, в холщовой рубаше без опояски и с расстегнутым воротом, в широченных шароварах. Парни побогаче обходили «цыгана» (как его окрестили в деревне) стороной, из девок ни одна не пришлась ему по сердцу, а к баловству не приучен был Ванюха. Долго батрачил Иван, переходя с заимки на заимку, от одного хозяина к другому, не держащаяся подолгу на одном месте. Нигде не встретил ни любви, ни сочувствия, ни жалости.

Был нелюбимым, да и остался таким. А коли с люд-

ми не сжился, одна дорога — в тайгу. Ходил Иван на соболя, белковал, гонял лисиц, ставил капканы на горностаю. С крупным зверем не связывался: одному его и осилить нелегко, и вынести из тайги трудно. Так бы и прошла жизнь старого охотника в одиночестве, кабы не встретил в зимовье Митьку. Словно сына нашел старик и любовь свою скупую, нерастраченную отдал юному таежному другу.

На все пошел Иван, чтобы вернуть утраченное счастье Митьке. Нет своих детей у Ивана, зато будут внуки. Иван уже представлял, как он делает Митькиным сорванцам манки и пищики, вырезает из тростника сладкоголовые свирели, учит различать птичьи и звериные следы.

«Не становитесь на пути хищному зверю, внуки», — шепчет Иван и падает, оглушенный обухом топора.

— Алеха, обшарь старика. Петруха, потроши выюки, — раздаются негромкие приказы. Команда выполняется с завидной быстротой, даже ночная темнота не связывает привычных движений грабителей.

Метель набирает последние силы и наглухо замечает следы ускакавших всадников. Иван Петров лежит между возами, раскинув руки, без шапки, кверху лицом. Редкие снежинки падают ему на смоляную бороду, открытый лоб, впалые щеки. Какое-то время снег, прикасаясь к лицу, тает, оставляя бисерные слезы, которые никто никогда не видел при жизни Ивана в его глазах. Но вот уже и этих слез не видно, а вместо лица неподвижная снежная маска, сквозь которую клочьями пробивается черная борода.

ЗОЛОТОЙ ВОДОПАД

Две недели Митька не отходил от зимовья и на десять шагов. Ему казалось, что, стоит отлучиться хотя бы недалеко, появится Иван, и радостная весть, которую ему хочется услышать как можно скорее, дойдет до него позже. Жаль было просрочить минуты, а проходили дни, однообразные, длинные. Митька подолгу просиживал на пороге избышки, посасывая резную бурятскую трубку, подаренную ему Иваном в последний приход. Запах крепкого самосада смешивался с весенними ароматами пробудившейся тайги. Струйки дыма на мгновение повисали в неподвижном воздухе и растворя-

лись в его голубизне. Невидимые лопаты разгребли снег на открытых местах, оттеснили его под укрытие густых ельничков. Заговорили горные ручьи, взламывая непрочный лед на норовистых таежных речках. На полянах запестрели головки подснежников.

Однажды, докурив трубку, Митька поднялся на ноги, широкой фигурой закрыв вход в зимовье. Внимание его привлек лай проходившего неподалеку гурана, прозвучавший как вызов охотнику. Митька машинально схватил ружье и патронташ, выскочил из зимовья. Обойдя с подветренной стороны кустарниковые заросли, Митька встал за толстенную осину и увидел на полянке дикого козла. Козел высоко поднял украшенную витыми рогами голову и нетерпеливо постукивал копытцем по непросохшей земле. Митька залюбовался таежным красавцем. Звери редко подпускают к себе близко, и сейчас козел встревоженно шевельнул рогами и завертел головой, чувствуя опасность. Митька тихонько свистнул. Козел, сделав прыжок, пошел в сторону, перемахивая кустарники, не задевая даже их вершинок ногами. Выстрел ударил вслед, Митька не сомневался, что попал, но рана оказалась пустячной. Охотник пошел за зверем. Догнать и добить во что бы то ни стало. Подстреленный козел все равно погибнет, станет жертвой стаи голодных волков, которые наверняка обнаружат кровавый след.

Охотничий азарт разгорался с новой силой. Равнодушные ко всему как рукой сняло. Козлиный след увлекал за собой, сойти с него уже было невозможно. Взрытая копытцами земля, срезанные ветки, клочья шерсти, капли крови, незаметные для неопытного глаза, служили Митьке путеводными вехами в погоне. Временами казалось, что загнанный, обессиленный потерей крови козел где-то рядом, вот-вот мелькнет его вылинявшая грязная шуба. Но позади оставались версты, а добыча никак не попадала на мушку. След дважды пересек петляющий в камнях неглубокий ручей, только что сбросивший с себя ледяную кору и потому облегченно вздыхающий на чистых плесах.

Здесь козел останавливался, пил из ручья воду. Митька прибавил шагу, спрямляя дорогу вдоль картавящего на перекатах потока. Невдалеке угадывался шум водопада, пока скрытого за кустарниковым занавесом. Солнце бросало вдогонку Митьке парные лучи. Раз-

двинув кусты, Митька увидел козла. Козел стоял на каменной площадке, ошалело крутя головой: впереди и вправо дорогу преградила отвесная скала, изогнувшаяся полуподковой, сзади настигал преследователь, слева ужасающий грохот воды, ниспадающий белопенным каскадом с головокружительной кручи. Ноги животного подкосились, и оно неловко опустилось всем туловищем на каменную плиту. В его тусклом угасающем взгляде Митька почуял покорность человеку-победителю. Ружье опустилось само собой, охотничий азарт остыл.

«Куда же меня занесло?» — подумал Митька, оглядывая незнакомую местность. Подняв голову, он увидел: по скользким замшелым камням стремительно стекали тысячи звонкоголосых струй. Сливаясь у подножия скалы в один поток, они, как струны многоголосого оркестра, издавали оглушительный однотонный звук, и звук этот, повторяемый непрерывным эхом, включивший в себя глухие удары водяного молота по каменной наковальне и шипение беснующихся брызг, господствовал над всей окрестностью. За многие годы водопад выдолбил глубокий котлован. Заполненная до краев чаша выбрасывала излишки воды в ручей, который, унаследовав беспокойный норв водопада, рвался вперед.

Опершись о ствол ружья, Митька любовался искусством суровой природы, вечного поединка воды и камня.

Солнце вошло в зенит, прорвав облачную пелену. Его вездесущие щупальца-лучи вцепились в косматую гриву водопада и, держась за нее, соскользнули вместе с потоком к подножию скалы.

Прежде не освещенная солнцем, на фоне черно-глянцевой скалы водяная лавина казалась мрачной, серой. Пронизанная солнечными блестками вода заиграла яркими цветами радуги. Тысячи разноцветных искрящихся фонариков заблестели одновременно, мерцая, кувыряясь, перепрыгивая с места на место. Митька перевел взгляд к подножию скалы и обомлел.

Разноцветные струйки сливались в сплошной поток золотого цвета. Казалось, расплавленное золото лилось через край гигантского опрокинутого чана. Золотые брызги с металлическим звоном ударялись о каменные уступы, тяжелыми желтыми монетами, булькая, падали в котлован. «Солнце и золото. Золото и солнце. Золотая вода. Золотой водопад», — короткие отрывочные мысли роились в опьяненной Митькиной голове. И вдруг оча-

рование исчезло: солнечные лучи, словно натешившись забавной игрой, последний раз пробежали снизу доверху по золотому потоку и скрылись. И снова все стало мрачным и серым.

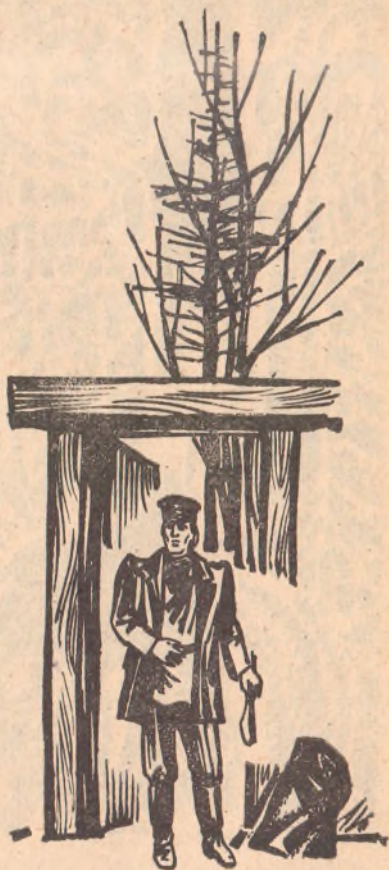
Митька протер глаза: неужели все это обман, видение? Он вплотную подошел к расщелине, взгляделся в черные камни, плотно прикрытые прозрачной накидкой.

Сквозь водяную пленку из каменной стены смотрели на него веселые желтые глазки, задорно подмигивая удачливому промысловику. Сомнений не оставалось: водопад вымыл в подножии скалы золотоносные жилы. Золотой песок, самородки, несметное богатство — все в твоих руках, Дмитрий Дремов! «У кого власть, у того и сила», — вспомнились ему слова Ивана Петрова.

Богатство принесет ему и власть и силу, а с ними счастье, которое дороже всех драгоценностей мира.

Часть вторая

БРАТЯ

ЗАВЕЩАНИЕ

На Руси справляли пасху. С колокольным заливающим звуком докатилась она и до Сибири, вышла на широкую улицу села Убугун. Снег давно растаял, дорога высохла. В церкви отслужили заутреню. Прихожане семьями, компаниями, в одиночку шли из церкви, неся пасхальную снедь на блюдах, в кузовках, в кошелках.

В центре села стоял богатый дом, срубленный «в лапу». Восемнадцать венцов из полуаршинных бревен, охлупень с диковинным коньком, опустившим конскую голову книзу, словно конь-работяга тянул с большим напряжением тяжелый воз, узорчатая причелина, украшенная кружевной резьбой, замысловатые наличники, глухой забор с царскими воротами выделяли дом среди соседних, вросших в землю, срубленных «в обло» неуклюжих избенок. Это дом зажиточного хозяина Дмитрия Степановича Дремова.

Звякнув кольцом калитки, громко простучав каблучками сапожек по тротуару и ступенькам высокого крыльца, в дом вбежала девушка.

— Кто проспал в пасху заутреню, того завтра водой окатим, — защебетала она, видя, что обитатели дома еще не собираются в церковь.

Два дюжих парня, сидевшие с опущенными головами в передней на скамейке, даже не подняли на нее глаз. Из боковушки вышла хозяйка дома. Девушка не узнала ее. Прежде статная, высокая, моложавая,

несмотря на немолодые годы, она впервые согнулась, будто пригнетенная к земле тяжелой ношей.

— Ты, Дунюшка? — с нежностью и болью в голосе поприветствовала она девушку. — Наказал нас господь бог в Христов день, кормилец наш, Дмитрий Степанович, преставляется...

Девушка схватила рукой конец платка и вместе с пальцем закусил его острыми зубками.

— А-а-а, — слышался ее приглушенный стон.

Парни на скамейке даже не шелохнулись. В сенях хлопнула дверь. В избу вошел старший сын Дмитрий.

— Сядни и батюшку для исповеди не сговоришь, — чуть слышно сказал он матери.

— К черту тогда попов! — слышался хворый мужской голос из боковушки. — Исповедоваться буду перед семьей: женой любимой и сыновьями...

Хозяйка бросилась в комнату к умирающему мужу.

— Не гневи господа, Митрий Степанович! — взмолилась она.

Сыновья последовали за ней. Дунюшка, чувствуя себя лишней, неслышно выскользнула из избы.

— Слушай меня, госпожа моя Галина Федоровна, слушайте и вы, сынки Дмитрий, Степан и Иван...

Дмитрий Степанович Дремов заговорил тихо, спокойно, словно был не на смертном одре, а вел задушевную беседу в семейном кругу, какие часто бывали и раньше в зимние вечера. Только прежде отец рассказывал о тайге, об охоте, повадках зверей и птиц, а ныне рассказал о том, что всю жизнь скрывал даже от самых близких людей.

Никто, кроме него, Дмитрия Дремова, не знал о золотом водопаде. В ту памятную весну, когда подраненный козел привел Митьку к золоту, намыл он в ручье пудишка два драгоценного песка. Попадались и самородки, угловатые, неровные, величиной с молодые кедровые орехи. Внезапно разбогатев, решил Митька играть в открытую. После троицы, когда ошалелые от беспробудной пьянки чалдоны с тупой головной болью отлеживались по домам, появился он в Убугун прямо к старосте Каинову.

Ввалился он в хату в ту пору, когда Кирьян Савелович вылазил из подполья со жбаном холодного кваску

для поправки головушки, отяжелевшей от праздничной гулянки. Видно, не было дома ни хозяйки, ни племянницы (кончился срок ее заточения), коли самому хозяину пришлось о себе беспокоиться. Как стоял он в подполье на лестнице, на полтуловища возвышаясь над полом, так и замер, прижав жбан к груди, увидев врага своего в собственном доме.

А Митька давно уже решил, что лучше худой мир, чем добрая ссора. Не видел он другого пути, кроме как «купить» дядю Кирьяна всемогущим золотом.

Трудно было сломить характер. Не в правилах таежника первому искать примирения, идти на поклон к заклятому врагу. Другого выхода не было. И уступку свою Дмитрий расценивал не как смиренную покорность, а как неизбежность, своеобразную уловку, наподобие звериной, когда загнанный в тупик сохатый не кидается ожесточенно на своего преследователя, а делает короткую передышку, чтобы накопить силы для решительного броска и разящего удара.

Перекрестившись в угол, где под образами скупом мерцала лампадка, Митька нехотя поклонился старосте.

— К вам, дядя Кирьян, с повинной.

Позиция, занимаемая старостой, была не из выгодных, поэтому его словами была всепрощающая фраза:

— Повинную голову и меч не сечет.

Митька вытащил из-за пазухи кожаный кисет, не торопясь развязал тесемку, словно собирался закурить. Потом, как бы забыв о первоначальном намерении, тяжело стукнул кисетом о стол.

— Вот, дядя Кирьян, какой табачок растет в тайге.

Кисет свернулся набок. Мелкие золотые песчинки вывалились на грязный стол, в лужицу пролитого кваса, через выпавший сучок в столешнице посыпались на пол. Староста подскочил к окну, задернул занавеску, затем метнулся к двери, набросил крючок.

— Ты такими вещами, паря, не шути, — заругался он на Митьку. — Где взял?

— Велика тайга...

— А много ли взял?

— Подходяще. А еще больше осталось.

— Сдается, варначина, што ты какого-то старателя обобрал. Как бы снова в централ не угодил.

— Все в твоих руках, дядя Кирьян: и мое счастье, и твое богатство.

— Да што уж. Мы теперь вроде родня. Грешно на своих руку подымать.

Митька понял, что попал в цель...

Много золота после этого перекечевало в руки старосты. Пришлось немалую долю уделить и уездному начальству, какая-то толика осела и в личной казне губернатора.

«Леший с ним, с золотом, — думал Митька, — лишь бы отстало это клеймо «беглый каторжник» да получить бы право на вольную жизнь».

Сделать это Кирьяну Савеловичу с помощью золота не составило труда: сам он прежде хотел упечь варнака Митьку на каторгу, сам он теперь и вызволил его из этой горькой беды. К осени Митька переселился в Убугун и стал свободно появляться на улицах, не опасаясь встречи с односельчанами и с непримиримым с нарушителями царских законов урядником. К этому времени в центре села по заказу старосты Митьке срубили новый пятистенник, да такой, какого сроду не видали даже самые богатые убугунцы.

В нем он и зажил с Галей, наскоро обвенчавшись в местной церкви без торжества и пышности. «Худой поп свенчает, и хорошему не развенчать» — так говорят в народе. «Вот и крепче будет наша женитьба», — думал Митька, глядя на сморщенного старенького священника. Вскоре привез он домой и первенца своего Митеньку, разыскав его у Шестопалихи. Только Шестопалиха ни за что не согласилась жить в том селе, где все ее считали колдуньей. Митька наделил ее деньгами, и не проходило месяца, чтобы кто-нибудь из Дремовых не навещал старуху.

Вскоре у Дремовых появился второй сын, Степан, а там Галя подарила мужу еще одного сына — Ивана.

И вот, чуя, что часы жизни его сочтены, рассказывал теперь сыновьям Дмитрий Степанович о своей судьбе. Золота в Тургинской долине много, хватит на многих приискателей, говорил он сыновьям, а не показывал он места им раньше потому, что боялся: будет сыновьям от золота беда, не сумеют они воспользоваться богатством, начнут соперничать и ссориться. Не скрыл он сейчас и того, что многие из жителей села пытались вывести у него месторождение золота, особенно исподтишка подбирался к тайне золота Кирь-

ян. Но ни угрозами, ни слезкой не смог он узнать, откуда добывает золотой песок и самородки Дмитрий Степанович. Один только раз брал с собой в тайгу за мешками с золотым песком Дмитрий Степанович старшего сына Дмитрия, но тот с первого разу дорогу не запомнил.

— Вы уже подросли, большие вы у меня, — говорил Дмитрий Степанович, глядя тусклыми глазами с кровати на сыновей. — Открываю вам свою тайну, сумеете только ею воспользоваться с умом... Сам-то вот я не уберегся... Не хочу, чтобы вы мстили за мою смерть, но скажу вам, погибаю я через зависть и злобу каиновских подручных — Алехи и Петрухи... Подкараулили они меня в тайге и требовали отвести их к золотой жиле. Я отказался... Они шибко избили меня. Дубасили прикладами и пинали, думали, что умер я. А у меня хватило сил очнуться и добрести до дому, но отбили они мне нутро... Не жилец я на белом свете... Никому только, сыночки мои, не открывайте тайну золотого водопада. Он в Тургинской долине, за зимовьем. Прошу вас на кресте... на кресте поклясться...

Отец задыхался, но слабой рукой еще перекрестил сыновей, и тут голова его откинулась на подушку.

...На сороковой день после смерти отца, справив по христианскому обычаю поминки по усопшему, три брата Дремовых снарядились в тайгу — искать Тургинскую долину и зимовье отца. Дмитрию исполнилось двадцать три года, и он по праву старшего возглавил поход.

ДУНЮШКА

Давно уже сосватались молодые, и только болезнь Дмитрия Степановича, а после смерть его снова оттянули намеченную свадьбу. Росла Дунюшка сиротой у деда-пасечника на ближней заимке, часто навевалась в Убугун, принося богатеям мед и на вырученные деньги запасая деду и себе провизию в сельской купеческой лавке. Там и увидел ее впервые Дмитрий, когда она, истратив выручку от меда на хлеб, табак и соль, с затаенной завистью разглядывала выложенные на прилавок яркие шелковые ленты и косынки.

Дмитрий, рослый детина, для будней одетый франтовато — в картуз с лакированным козырьком, пиджак

городского покроя и хромовые сапоги, — зашел в лавку, широко распахнув двери, как заходят в торговые заведения люди с полным карманом.

Не баловал отец своих сыновей деньгами, но мать Галина Федоровна, после того как семья зажила в полном достатке, ни в чем не отказывала детям, особенно старшенькому Митеньке, который родился в нужде и печали и был дороже других детей изболевшемуся в тоске о нем сердцу матери. Не жалела она для него ни ласки, ни денег. Тем же потакала и младшим, Степушке и Ванюшке. Вымахали парни здоровенные, могутные. Работали они больше при доме, любое дело выполняя как забаву. Нельзя было назвать сыновей Дремовых лежебоками, отец приучал их к физическому труду, однако не было в них отцовского усердия и материнского терпения. Деньги, которыми тайком от отца, не знавшего им счета, наделяла сыновей мать, не были заработаны ими тяжелым потом, поэтому и спускались легко на баловство и лакомства. Остерегалась только мать, чтобы сыновья не пристрастились к хмельному зелью, да, видно, не усмотрела: младшие сыновья пошли не в отца — трезвого, рассудительного мужика...

Колокольчик, подвешенный к дверям лавки, звонко оповестил о приходе нового посетителя. Дунюшка быстро повернула голову на звонок и так же быстро отвернулась. Дмитрий успел заметить яркий румянец на белом лице, вздернутый носик и озорные синие лучики в широко открытых глазах. «Откуда такая красавица?» — подумал он, подходя к прилавку и громогласно, по-свойски приветствуя приказчика.

Расторопный малый предложил ему папиросы «Сафо».

— Городские, только что получены. — Изогнувшись через прилавок, приказчик поднес спичку к папиросе, торчащей в зубах Дмитрия, и, видя, что парень не сводит с девушки глаз, заговорщицки шепнул: — Интересно? С Житовой заимки. Кухтаря, пасечника, внучка. Дуней кличут.

А девушка, чувствуя обращенный на нее пристальный взгляд, не оглядываясь, перебирала быстрыми руками ленты и шелка. Дмитрий затянулся ароматным дымом во всю мощь широких легких, подошел неслышно к девушке сзади, выбрал самую яркую косынку,

набросил ее на плечи Дунюшки и, не отпуская из рук концов косынки, повернул девушку к себе.

— Как, подходяще? — спросил, заглядывая ей в глаза.

Он видел, как румянец, прежде заметный только на щеках, залил все лицо и открытую шею, как в озорных глазах появилась случайная растерянность, а на вздернутом носике запрыгала жилка. Все это длилось какое-то мгновение. Спокойствие снова вернулось к девушке, и она, ловко извернувшись, отскочила к двери. Косынка, свалившись с плеч, опала к ногам, голубой границей разделив молодых людей. Они стояли в двух шагах, откровенно любуясь друг другом, оба юные, красивые, здоровые.

— Возьмите, Евдокия Петровна, — поднимая с полу косынку, протянул ее девушке вынырнувший из-под прилавка приказчик. — Подарочек вам от Дмитрия Дмитриевича.

Дуня приняла из рук приказчика косынку и сумку с покупками. Тот, подскочив к двери, распахнул ее и, провожая покупательницу на крыльцо, доверительно зашептал ей в ухо, на все лады расхваливая нового знакомого.

А вслед мелодично звенел колокольчик на дверях. И долго еще отдавался его серебряный голосок в ушах Дунюшки, и не могла она разобрать, где колокольчик, а где сладкоречивые слова приказчика.

Дмитрий рассчитался за папиросы и косынку, вышел из лавки и, надернув картуз на лоб, крупными шагами направился домой.

СВАТОВСТВО

Галина Федоровна сама разыскала Дунюшку, раз-узнав, отчего старшой ее загрустил. Познакомилась мать с будущей невесткой (как она окрестила Дуню после первой встречи), пришлось ей по нраву взбалмошная девчонка, в характере которой уживалась отчаянная решимость и тихая покорность, веселое озорство и неожиданная задумчивость.

Отца не было дома, он снова ушел на промысел в тайгу, и Дмитрий верховодил в хозяйстве.

Когда Галина Федоровна вместе с Дунюшкой вошли в дом, застолье было в полном сборе и гулянка в раз-

гаре: среди бела будничного дня братья приканчивали второй штоф. Дмитрий сидел лицом к порогу, пил не пьянея, что еще больше злило его. Степан и Иван устроились напротив старшего брата, обнявшись, они несуразно бормотали слова протяжной чалдонской песни. Услышав, что пришла мать, младший поднялся из-за стола и, нетвердо шагая со стаканом русской горькой в руке, направился к порогу.

Рюмочка скляным-склянешенька,
Хозяин — сам пьяным-пьянешенек, —

пропел он хрипловатым тенорком, притаптывая ногой и не попадая в такт. — О, да тут какая красавица появилась, — заговорил он снова, увидев Дунюшку. — А ну выпей за наше здоровье.

Почему стакан отлетел в сторону, а брызги водки попали ему на лицо и рубаху, Иван не мог понять, пока не протрезвился. Вышибла у него стакан из рук Дунюшка, а подскочивший Дмитрий скрутил ему руки и уволок в спальню, чтоб там младший брат отлежался и успокоился. Не то он готов был рассчитаться со своей обидчицей, да вряд ли ему от этого поздоровилось бы.

А «обидчица» поджидала, когда Дмитрий уgomонит меньшого.

— Успокоил своего умника? — спросила она вернувшегося в переднюю Дмитрия. — Ну продолжай бражничай.

— Не смотри, что пью, а смотри, каков во хмелю, — возразил Дмитрий. — Да что тебе за дело до меня?

— А то и дело, что и тебе до меня, — вспылила Дунюшка. — Видно, брага слаще всего на свете, коли себя за ней забываешь. Нечего в духотище сидеть. Пойдем, проводишь меня, не то мне засветло и к деду не попасть.

Дмитрий покорно вышел из избы.

В сенях он на минуту задержался. А когда в дверном проеме показалась статная фигура девушки, он перехватил Дунюшку на полдороге, захлопнул дверь и в наступившей густой темноте почувствовал, как покорно прижалась к его груди любимая, еще минуту тому назад метавшая молнии и громы на головы провинившихся братьев. И столько в ее порыве было безыс-

кусственной нежности, искреннего волнения, что Дмитрий от неожиданности весь обмяк, безвольно опустил руки, не смея взаимным объятием ответить на неожиданную ласку. Задыхаясь, он беспомощно открывал рот. Ему казалось, что вместо освежающего воздуха он заглатывает кипящую смолу. Сердце его вырывалось из грудной клетки и, не находя выхода, билось в темнице учащенно и беспокойно. А Дунюшка ничего этого не замечала. Она сама в полубессознательном состоянии прижималась к Дмитрию. И не нужно было ей ни нежных слов, ни крепких объятий. Нужно ей было только ощущение близости и сознание, что рядом с ней он, Митенька, ее единственный, любимый и желанный. Так бы и простояли они, не считая времени, забыв обо всем окружающем их, если бы на дворе не залилась злобным лаем цепная собака.

— Кто-то идет, — пугливо встрепелась Дунюшка и потянула Дмитрия за руку из сеней во двор.

Они торопливо спустились со ступенек крыльца, стараясь не стучать каблуками, прошли по тесовым мосткам до калитки, поочередно нырнули в ее проем. На улице они разомкнули руки. Дмитрий пропустил Дунюшку вперед.

В окно видела Галина Федоровна, как шли будничной деревенской улицей поодаль друг от друга Дмитрий и Дунюшка. А материнское сердце уже предчувствовало праздник, большой веселый праздник, когда за богато обставленными столами собирается полдеревни.

— Ох и горько мне, — услышала мать натужный выкрик Степана, в одиночестве сидящего за столом. И в тон ему тяжело застонал за стенкой в полусне Иван.

ТРОЕ НЕ ОДИН

Верховые лошади неторопливо переставляют ноги. Впереди, опустив поводья, склонив голову, едет Дмитрий Дремов. Далеко позади остался родимый дом, там же осталось и сердце парня. Дунюшка, проводив братьев в путь, поселилась в доме Дремовых, стала верной помощницей Галины Федоровны.

Степан и Иван, идущие рядом, изредка нехотя перебрасываются короткими фразами, смысл которых сводится к одному: и что толку в этом походе? Хватает в доме денег, куда несут черти?

Если бы не решимость Дмитрия, настоявшего на выходе в Тургинские гольцы, вряд ли братья надумали бы встать на этот тяжелый и опасный путь.

Старый пасечник Кухтарь на резвом конишке то далеко отстанет, то галопом нагонит всадников. Тихая езда, монотонное покачивание в седле не в характере хлопотливого деда.

Кончилась проселочная дорога, и маленький отряд свернул в тайгу на охотничью тропу, по которой прошлым летом Дмитрий с отцом вывозили из тайги золото. В тайге всадники спешили: низко опустившиеся сучья, густые ветви заставляли их каждый раз кланяться зеленым барьерам, легче было идти следом за лошадьми, головами и боками раздвигающими колючие заросли.

Дмитрий вспомнил, как учил его отец внимательно приглядываться к таежным приметам, находить разнообразие в тысячах деревьев, ничем, казалось бы, не отличающихся друг от друга, по мхам, прилипшим к стволам лиственниц, или по сосновой кроне определить направление. Хоть и недолгой была эта наука, а вывел проводник свой маленький отряд к нужному месту, не запутался в дремучем лесу. И вот уже они в районе глубоких ущелий, на берегу Крутой, откуда не то что конному, а и пешему без риска свернуть голову не продвинуться ни шагу. Дед Кухтарь остается на неприветливой скале с лошадьми ожидать возвращения братьев с добычей. С высоты он видит копошащихся на берегу парней, не различая, где Степан, а где Иван. Только Дмитрия можно отличить от братьев, когда он жестом отдает команду. Первым делом братьям нужно переправиться на другой берег, а потом по приметам, рассказанным перед смертью отцом, выйти на неведомую тропу, петляющую по увалам, ущельям и долинам, миновать пересохшее староречье и среди сотен звонких таежных ручьев и ключей разыскать тот, плеск которого в заросших тальниками берегах отдает золотым звоном. Плот из бревен, связанных крепкими прутьяными хомутами, отчаливает от берега и, подхваченный потоком, вылетает на стрежень реки. Парни на плоту энергично работают гребями, а старому пасечнику кажется, что это они машут ему руками, прощаются, отправившись навстречу нелегким испытаниям...

Трое не один. И там, где Дмитрий Степанович не мог осилить своенравную реку, а был вынесен на легкой долбленке к порогам и выброшен на каменный остров, его сыновья благополучно переплыли на другую сторону, побороли неукротимое течение. Нагруженные тяжелыми заплечными мешками с ружьями, заряженными на хищного зверя, сошли они с плота на холмистый берег. Иван со Степаном завели полегчавший плот за выдавшийся носок берега через рябую от волнения шиверу и закрепили его на отстой в глубокой заводи, где ему не угрожали ни волна, ни ветер. Дмитрий проверил, надежно ли зачален плот. Его нужно было сохранить для переправы, на обратном пути строить новый плот будет не из чего, поблизости лес не растет, тайга синее у самого горизонта.

Братья позавтракали домашними припасами и двинулись дальше.

ОЖИДАНИЕ

Дед Кухтарь вернулся с голого, лишенного растительности скалистого берега в ближайшую таежку, смастерил себе шалашик из еловых палок и веток, поставил его на светлой поляне, поросшей сочной травой — готовым кормом для лошадей. Стреножив лошадей, дед на день отпускал их щипать траву на поляне, а сам забирался в шалаш и спал до заката солнца. Что еще было делать старику в многодневном ожидании ушедших на промысел парней? Известно, что сон — самое верное средство сократить томительные часы ожидания. А сколько времени займет у Дремовых поход к золотому водопаду — одному богу известно. Вот и решил старик днями спать, а ночами бодрствовать, оберегая лошадей от гнуса, дикого зверя и другой напасти.

Как только солнце скрылось за частоколом высоких деревьев, в лесу наступили сумерки. К шалашу они подбирались исподволь, от темной стены переплетшихся ветвями елок. В стороне заката небо еще полыхало, освещаемое последними лучами солнца, а с востока оно надвигалось словно грозовая туча — темно-свинцовое, тяжелое. Кухтарь скликал лошадей, связал их всех вместе, поставив близ шалаша, и развел костер такой вышины, словно собирался земным огнем поджарить пятки всем грешникам, томившимся в преисподней.

Время проходило однообразно: ночное бдение сменялось дневным отдыхом. Съестного было припасено на целую артель, и вдобавок к припасам дед постреливал на зорьке куропаток и рябчиков. За сушняком и валежником для костра далеко ходить не нужно, вода тоже рядом. И, по расчетам старика, уже недалек тот день, когда усталые парни, отягощенные богатой добычей, подойдут к шалашу и разбудят сонное молчание разбойничьим свистом.

Два дня ветер, налетая порывами, раскачивал вершины деревьев. Если смотреть на тайгу сверху, перед глазами встает картина разбушевавшегося зеленого океана. Огромные валы катятся по необозримому пространству, догоняют друг друга, сливаются один с другим, обрушиваются в глубокие провалы, вздыбливаясь навстречу ветру вихревым переплетением веток и бесформенных крон. А у подножия стволов, как на дне океана, тихо и спокойно в любую погоду. Сюда, под многослойную хвойную крышу, не залетают вездесущие ветры. Под это прикрытие перебрался с продуваемой всеми ветрами поляны дед Кухтарь с лошадьми. Умные лошади в темной чащобе повели себя беспокойно, вздрагивали при каждом новом посвисте ветра, сбиваясь в кучу в предчувствии недоброго. Большой огонь в густых зарослях разводить опасно, и Кухтарь согревал продрогшее тело у еле дышащего костерка.

Первые капли дождя, редкие и крупные, зашипели на головешках и раскаленных угольях. Кухтарь подбросил в костер валежник: нельзя дать ослабнуть огню. Костер высоко поднимал огненные руки, на лету перехватывая сначала капли, а затем и тонкие дождевые струи, не допуская их до земли. От дождя и холода дед укрылся в шалаш. На старика напала сонливость, веки тяжело сомкнулись, и он уснул.

Проснулся Кухтарь от громкого ржания лошадей, топота копыт, шума ожесточенной борьбы.

— Мать честная, никак рысь, — громко ругнулся старик. Он выскочил из шалаша и громыхнул вверх из берданы, отпугивая хищника, перезарядил на ходу ружье и бросился к лошадям. Ни лошадей, ни рыси.

Перепуганные нападением кони оборвали уздечки и умчались в тайгу.

До рассвета бродил по лесу опечаленный старик, скликал лошадей. Ни звука в ответ. Только совы дико похохатывали, откликаясь на человеческий голос.

ТЯЖКИЕ ИСПЫТАНИЯ

Расщелина в скале оборвала тропу. Кажется, и не широка она. Если пошибче разбежаться, можно перемахнуть на другую сторону. Но тянет назад заплечный мешок, и ружье не бросишь. А с таким грузом, чего доброго, окажешься на дне ущелья, и холодные камни нанижут твоё бездыханное тело на выставленные острые пики. Дмитрий отпрянул от пропасти: поблизости нет ни подходящего спуска, ни подъема.

— Пошли в обход, — предложил он братьям.

Поочередно склонились над бездной Степан и Иван. Беспорядочное нагромождение камней на дне и ровные отвесные стены. Какой сказочный богатырь гигантским мечом рассек гранитную скалу? Кто навеки оставил неизгладимый шрам на лице земли?

Да, нужно идти в обход. Но куда? Вправо или влево? Где конец неожиданному препятствию, где оно суживается так, что можно преодолеть его без риска? Право решать дано старшему брату, и он, не раздумывая, повернул на восток. Чутье не обмануло Дмитрия: расщелина исчезла так же неожиданно, как и появилась. Можно идти снова по намеченному курсу. Много дней шли братья по каменным плитам, на которых всякая растительность выкошена палящим зноем и с которых начисто выветрена земля. Ноги путников на голом плитняке не оставляли никаких следов, даже мелких царапин. Позади перевал, загородивший каменной спиной таежное раздолье. Впереди снежные пирамиды Восточного Саяна, опоясанные неподвижными облаками, и дымка тумана у подножия хребта, скрывшая зеленые куши заветной Тургинской долины.

Как безопасней и легче спуститься в долину? Где найти тот безымянный ручей, который доверчиво открывает свою тайну молчаливым камням, перегородившим русло? Как подслушать и различить ее в неугомонном таежном говоре? План, набросанный отцом на куске сыромятной кожи, на эти вопросы не давал ответа. Молчала и каменная пустыня. Дмитрий давно понял, что они отклонились от отцовской тропы, сбились

с пути и все их поиски обречены на провал. Нужно возвращаться к исходной позиции и все начинать сызнова. «Но как сказать об этом братьям?» — думал Дмитрий, крупно шагая вперед. Уверенные в своем вожаке, ничего не подозревавшие Иван и Степан не отставали от брата. Первое серьезное препятствие встретилось им у подножия горного увала.

Отдаленный приток Крутой вобрал в себя силу ручьев, сбегающих со всего склона на протяжении многих верст. Раскинувшись во всю ширь каменистой низины, он с упорной настойчивостью проталкивал свои струи между бесформенными валунами. Эти преграды, выступавшие из воды, разделили русло на десятки проток, в своем хаотическом течении закружили водовороты. Они сшибались и вновь разъединялись у очередного барьера, намывая глубокие воронки. Каждая струя вела себя по-своему, меняя направление, силу и даже окраску, и каждая была страшна затаенным коварством, которое нужно было разгадать, прежде чем ступить в воду. Песчано-каменистое дно просвечивало сквозь воду, отчего речка казалась мелкой, легкопреодолимой.

Первым вступил в нее Степан. Не успели братья последовать за ним, как Степан поскользнулся, взмахнул руками и погрузился с головой в прозрачную воду. Вынырнул он пятью саженьями ниже и спасся только потому, что встретил на пути торчащую из воды гранитную глыбу, на которую и выбрался мокрый, трясаясь от холода и испуга. Скользящий камень, на котором прилепился Степан, стоял недалеко от берега, но на такой быстрине вода могла уволочь черт знает куда. Трижды бросал Дмитрий конец веревки Степану, и только в четвертый раз тот ухватился за нее. Неприятно было повторное купание, но другого выхода не было, иначе жди на каменном пятачке рекостава.

Упираясь обеими ногами в крупный галечник и увязая по щиколотку в нем, Дмитрий и Иван насилиу вытянули Степана из речного плена на сухой берег. Нахлебавшись воды, Степан отплевывался, чертыхался и клялся больше ни шагу не сделать через сумасшедшую речку, обманувшую его своим кротким, чистым видом.

Одно дело клятва, а другое — необходимость. Подсушившись у костра и хлебнув для тепла крепкого чая, через два часа Степан снова шел с братьями искать брод. На всем протяжении реки русло ее выглядело

однообразно, повсюду торчали головы камней, основой прочно вросшие в речное дно. Издали казалось, что из воды выглядывают черные черепа, встречая приближающихся путников неразборчивым ворчаньем и злобыным шипеньем. Путники заночевали тут же, на берегу, так и не найдя подходящего места для перехода.

Утром Степан, не очухавшийся еще от купания на кануне, заартачился.

— К черту золото, жизнь дороже.

— А может, и правда, Митя, вернемся?

Дмитрий сидел лицом к потоку, не оборачиваясь на слова братьев.

— Как хотите, а я домой, — напрашивался на скандал Степан.

— Одного не отпустим, — сдерживал его Иван.

— А с вами сгинешь.

— Один-то и подавно.

— Пусть лучше мать сыра земля примет мои косточки!

От слов Степана младшего брата знобило, скользкий холодок, словно струйка студеной воды, пробирался за ворот, неприятно щекотал, прокатываясь по позвонкам.

Дмитрий решительно поднялся на ноги, достал веревку и торопливо обвязал себя одним концом.

— Пойдем все разом. Вяжись одной веревкой.

— Ты што? Всех решил погубить? — завопил Степан.

— Вспомните завет отцовский!

Если знал бы отец, что идут на верную гибель три сына его, преданные клятве, лег бы костями на их пути, грудью загородил бы дорогу, но шагу не дал бы шагнуть дальше.

Не было рядом с ними отца, было здесь только отцовское упорство, перелитое в характер старшего сына. Крепко стоят на ногах братья, связанные одной веревкой. Каждый шаг дается с трудом, стоит многих капель пролитого пота. Как струна натянута пенька. Дмитрий осторожно передвигает одну ногу, всем корпусом наклоняясь вперед, и рывком делает шаг. Братья повторяют его движения. Никак нельзя ослабить живую нить, связывающую трех человек воедино: могучий напор воды, яростную силу потока могут сдерживать только общие усилия. Каждого в отдельности стихия побо-

рет без сопротивления, сожмет в своих леденящих объятиях, расслабит волю и швырнет с силой, отдавая на растерзание алчущим новой жертвы камням. Шаг за шагом, медленно, как в сплошном тумане, когда идешь на ощупь, продвигаются три человека. Вода доходит до пояса, подступает к груди, тянется к заплечным мешкам, где порох, соль, спички. Идущий впереди протягивает руки к скользким каменным глыбам, обходит их, цепляясь негнушимися пальцами за малейшие шероховатости. За скользкими глыбами напор потока ослабевает, под их прикрытием короткая передышка — и снова тяжелые медленные шаги, словно люди идут не по воде, делающей шаги невесомыми, а волочат на ногах тяжелые, как пушечные ядра, ножные кандалы на многотверстных сибирских этапах.

НА ПОМОЩЬ

Две пары женских глаз уставились на Кухтаря с изумлением и испугом. Ни мать троих сыновей, ни невеста одного из них еще не знали, что случилось с золотоискателями. Но, видя перед собой еле живого старика, чуть ли не на четвереньках приползшего к крыльцу дремовского дома, без своих спутников, без лошадей и поклажи, женщины почувствовали недоброе. И если у старшей сердце заняло сразу о троих, младшая шептала слова, моля господа бога отвести беду от одного.

— Беда, хозяйшук, — прямо глядя в глаза Галине Федоровне, с трудом выдавил из себя Кухтарь.

— Сыны где? — строго спросила хозяйка.

— За сынов не скажу, а лошади сгинули.

— Что ты мелешь, старик? Где мои соколы?

— Дедушка, что с Митей? — заголосила Дунюшка.

После сбивчивого многословного рассказа Кухтаря женщины немного успокоились: прямая опасность кладоискателям не угрожала, и это вселяло надежду на благополучное возвращение из поиска.

— Да нешто ты мог подумать, что я о лошадях больше пекусь, нежели о детках родных? — отчитывала Галина Федоровна вконец растерявшегося старика, ожидавшего расправы за потерю лошадей.

Радовалась Дунюшка: скоро вернется ее жених с богатой поживой, тогда и свадьбу можно сыграть, выде-

литься в самостоятельное хозяйство, зажить своей семьей. Как ей хотелось сейчас прижаться к широкой груди Дмитрия, спрятать лицо, зарывшись в складках сатиновой рубахи, почувствовать прикосновение мужской руки, грубой и шершавой на вид, ласковой и нежной, когда она гладит голову, шею, покатые плечи, руки.

— Мамушка, Галина Федоровна, — взмолилась она, — дозволь нам с дедом новых лошадок. Мы вместе поедем встречать сынков твоих.

— Я и сама на крыльях полетела бы им навстречу, да вот крыльев не стало, старею, — вздохнула Галина Федоровна. — Лети, молодушка, лети, — добавила она ласково.

Медлить было нельзя. И уже на второй день старый Кухтарь с внучкой, вооруженные, ведя в поводу трех других лошадей для братьев Дремовых, выехали к прежнему месту.

«Каждую минуту Митя может возвратиться к переправе, — думала Дунюшка, нахлестывая и без того рысистого коня, — а мы еще не на месте».

Вот и поляна, а недалеко скалистый берег, с которого еле виден плот, заведенный Дремовыми за мысок и оставленный до возвращения.

— Все еще там, в тайге, — показывая внучке на далекие Саяны, сказал Кухтарь. — Не разминулись, значит, в дороге, поспели ко времени.

Что было говорить о сроке, когда уже прошло много времени сверх намеченного дня выхода братьев из тайги. Но поиски есть поиски, и, даже идя по самым точным ориентирам, нетрудно сбиться с пути, затеряться в таежной глухомани, где проходишь впервые, не зная сурового лесного характера, норова горных рек, повадок диких зверей.

Пожалел бы сейчас Дмитрий Степанович, что сызмальства не приучил сынов своих к тайге, видя, с каким трудом идут они вброд через клокочущий разлив, да поздно уже жалеть ему: не встать таежнику из сырой земли.

ПРЕГРАДА

Первым выбился из сил младший, Иван, шедший посредине.

— Не могу больше, братцы, — взмолился он и повис на канате, еле сдерживаемый усилиями братьев.

— Держись, Ванька, — больше для того, чтобы подбодрить, чем из строгости, крикнул Дмитрий, натягивая обеими руками крепкую веревку.

Степан, упершись ногами и наклонив корпус, сдерживал на веревке младшего брата с другой стороны. А тот, взбывчив голову, с глазами, налитыми от напряжения кровью, и в самом деле походил на молодого взбесившегося бычка, насильно ведомого на развязях, укрощенного болью, пронизывающей тело от каждого неловкого движения. Иван нащупал дно ногами и вновь обрел устойчивость.

— Не пройти дальше, Митя, — опять взмолился он, видя, что Дмитрий делает новый шаг в поток, встретивший его еще более яростными ударами.

Еще два шага, только два коротких шага. Пройдено меньше половины. Уже и Дмитрий качается, словно резкие порывы ветра клонят его к воде, следом за ним переставляет закованные негнущиеся ноги Иван, притормаживая у каждого препятствия, боком, одной рукой держась за веревку, а второй хватаясь за воду, замыкает шествие Степан. Шаг, еще шаг, еще... Правая нога Дмитрия, приподнятая для следующего шага, не нашла опоры. Яма. Дмитрий отдернул ногу и качнулся назад. Не ожидая, что канат ослабнет, Иван потерял равновесие и спиной плюхнулся в поток. Рывком сбило с ног и Степана и Дмитрия. Подхваченные быстринной, братья поплыли, усиленно работая руками. Ноги непрерывно задевали за донные выступы, но встать и удержаться на месте было невозможно. Ружья и заплечные мешки сковывали движения, веревка теперь служила помехой. Дмитрий одной рукой выдернул нож, висевший у пояса, и резанул по пеньке. Следом за ним так же освободился от веревки Степан. Иван начал захлебываться и сбросил с плеч ружье и мешок. Плыть стало легче, и он на несколько саженей опередил братьев. Вскоре его вынесло на отмель, он встал на ноги и радостно замахал руками, призывая к себе братьев. К Ивану они подплыли одновременно.

— Где ружье? — едва отдышавшись, спросил Дмитрий.

Иван, счастливый тем, что избавился от смертельной опасности, молча улыбнулся, стряхивая с себя водяные брызги.

— Щенки, — презрительно бросил Дмитрий. — Айда за мной!

До вечера братья еще три раза пытались найти брод и перейти реку. И каждый раз неумолимый поток отбрасывал их назад к берегу, останавливая переход или глубокой подводной расщелиной, или ослизлым дном, где ноги не держались, или непреодолимой силой воды, сшибающей с ног. Последняя неудача отбила охоту и у Дмитрия. Ночью, сидя у костра-дымокура, он лениво подбрасывал на горячие уголья сырые березовые ветки. Курил короткую трубку и думал о дальнейшем походе. Братья, измученные неравной борьбой с речным потоком, спали в обнимку прямо на траве, не смастерив даже простейшего шалаша.

Где они свернули с отцовской тропы, Дмитрий не мог вспомнить. По всем приметам, они уклонились на юго-запад. На схеме отца река, которая так и не пустила их на противоположный берег, не значилась. Если они даже и преодолеют ее выше, где русло должно сужаться, все равно дальнейший поиск пойдет вслепую. До сегодняшней неудачи признаться перед братьями в том, что они заблудились, Дмитрию мешало самолюбие. Теперь, не унижаясь, можно согласиться с настойчивыми требованиями братьев и вернуться домой, не добившись успеха. Что поделаешь, столкнулись с непреодолимой преградой. Дальнейшие попытки ни к чему: лбом каменную стену не прошибешь. Да и запасы провизии подходят к концу, пороху и дробу маловато, а тут еще молокосос такую глупость допустил. Дед Кухтарь тоже может панику поднять: прошли все сроки возвращения. Мать дома беспокоится. Каково ей после тяжелой утраты главы семьи еще о сыновьях думать, как бы с ними беда не стряслась. О Дунюшке Дмитрий думать боялся. Если все, о чем он передумал за короткую летнюю ночь, имело оправдание, то мысль о невесте казалась ему слабостью, которую мужчине простить нельзя. И все-таки он хитрил перед собой: гоня мысли о любимой из головы, он не мог выгнать ее из сердца, а сердце пуше всего просилось домой.

И когда заговорил он с братьями о возвращении, те не уловили в его голосе просящих, унижительных ноток, слова его не выдавали скрытых мыслей, а звучали убедительно, неопровержимо.

— Еще давеча, когда были мы с папаней в тайге,

просил я его, чтобы провел он меня по тропе до самого зимовья, — начал он издалека, не выказывая сразу, к чему клонит разговор. — Отказал мне папаня наглухо. В силенки мои не поверил. А я что, рази виноват, что молод еще был, неокрепший? Вот теперя и рассчитываемся мы за батино недоверие.

Братья не возразили ему ни словом. Усталость и страх перед новой опасностью сломили их, расслабили волю.

— Оно конечно, — невыразительно произнес Степан.

— Куда бы легче было, кабы знатье, где оно, это зимовье, — добавил Иван, ставя точку, словно кол в землю забив одним ударом топора.

— Вот я и думаю, самое время назад повернуть, пока не сгинули мы здесь, пока не завела нас нечистая сила в самые гиблые места, откуда и выхода нет, — уже не скрывая своих намерений, решил Дмитрий.

— Ты старшой, тебе и командовать, — согласился Степан.

— Я что? Я как и все. Мне противиться старшим не положено. — Иван облегченно вздохнул, уверовал в то, что их мытарства кончились. Еще немного, и Убугун встретит их после благополучного возвращения. И пусть они не достигли успеха, к их рукам не прилипло ни одной песчинки из отцовских золотых запасов, само то, что вернулись они в здравии и благополучии, есть самый ощутимый успех.

ВЫКУП

— Деда, никак кто-то там шевелится, — по десятку раз в сутки обращалась к старому пасечнику внучка, ни на минуту не сводя глаз с кустов на далеком берегу, откуда должны были появиться братья Дремовы.

И каждый раз Кухтарь вскакивал, складывая сухую ладонь крылышком, держа ее над седыми клочковатыми бровями, долго всматривался в безмолвную зелень кустарника и, огорченно махнув рукой, снова усталю опускался у костра.

Отчаявшись в безнадежном ожидании, Дунюшка подбивала деда переправиться через речку и пойти навстречу Дремовым. Она сама понимала безрассудство своего предложения, но бездеятельность, тоскливая и

однообразная, как унылое покачивание на ветру тальниковых прутьев, угнетала. Сознание собственной беспомощности для молодости страшно, а для влюбленной молодости — вдвойне. Особенно тяжело было ночами. Сон не приходил, наступало забытие с видениями, то дивными, желанными, то мучительными.

Откуда в этой глухой безлюдной местности появился человек?.. Дунюшка трет кулачками глаза, но человек не исчезает. Теперь она видит его совсем ясно: согнувшись так, что подбородок задевает руку, переставляющую суковатую палку, по поляне идет маленькая старушка. Она уже увидела сидящую на берегу девушку и идет прямо на нее. Дунюшка смотрит на старушку немигающими глазами и не может понять, то ли это старая добрая фея, то ли злая баба-яга.

— Ждешь женишка, золотинушка? — спрашивает старушка, останавливаясь и опираясь подбородком о посох.

Дунюшка отвечает без слов, одним взглядом.

— Променял тебя на золото женишок, — ехидно сообщает старая, — а золото на золото не меняют.

И снова вместо ответа тот же взгляд, безмолвный, покорный.

— Жив будет, а твоим не будет, — слышит она вкрадчивый елейный голос. И не знает, что подумать. «Был бы жив, был бы жив», — стучат в висках кровяные жилки.

— Ишь ты, уже и смирилась, — осуждает ее волшебница. — Все в моих руках...

Дунюшка силится что-то сказать, но не может произнести ни слова, и только хрип вырывается из горла. Она протягивает руки, молитвенно складывает их и падает на колени.

— Выкуп, — по-совиному клекочет старуха.

Дунюшка срывает с указательного пальца золотое обручальное кольцо, с кровью выдергивает из ушей дорогие сережки и с нескрываемой злостью бросает их к ногам старой.

— Все, все возьми, — наконец прорывается у нее голос, — только отдай любимого.

А кто-то сзади придерживает ее за плечи, успокаивает с детства родными словами.

— Ну, что ты, внучушка, разбушевалась. Нешто можно так. Вот и подарки жениховы поскидала в воду.

Трое суток Дунюшка металась в горячечном бреде. Придя в себя, она так и не поняла, во сне или наяву к ней приходила волшебница. И, только убедившись, что нет ни кольца, ни сережек, она решила, что все было на самом деле. А когда за рекой один за другим ударили два выстрела и дед Кухтарь закричал: «Упреждают! Наши идут!» — Дунюшка улыбнулась умиротворенно, как улыбаются люди, вернувшие потерянное счастье.

— Будя, маманя, поскитались, — отрубил Дмитрий, когда вся семья Дремовых сидела за столом после возвращения братьев с неудачного поиска. — Детям и внукам своим закажу, чтоб не гонялись за золотом, не бродяжничали.

— От Митеньки больше ни на шаг, — решительно заявила невестка.

— Не про нас тайга, — единодушно решили Степан и Иван, — обойдемся без золота, хватает этого добра в хозяйстве.

— И то верно, сынки, — согласилась со всеми Галина Федоровна, хотя в душе пожалела, что не отцовского склада оказались сыновья. — Бог вам судья, что не сдержали клятву. Пусть он сам будет хранителем тайны отцовского клада.

Галина Федоровна встала перед образами на лавку и под задник иконы Николы-чудотворца подсунула кусок сыромятины с чертежом, указывающим путь к дремовской золотой жиле. Дед Кухтарь трижды осенил лоб крестным знамением и с затаенным вздохом шаркал негнущимися ногами к лавке.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Отчаявшись пробиться через реки и ущелья к заветному месту, смирились с судьбой сыновья Дремова. Забыли в деревне о дремовском кладе. Не было больше охотников попытать свою фортуна в смелых поисках. Впрочем, легенда пошла гулять по Сибири, но мало ли ходит по селам всяких сказов и преданий, где истина перемежается с вымыслом, жизненное с фантазией? Однако нет. Неугомонные любители легкой наживы, понаслышавшись стоустой молвы, снаряжают од-

ну за другой партии, идут в одиночку, вдоль и поперек прочесывают Тургинскую долину.

Многочисленны пади и распадки в долине, занимающей площадь целого европейского государства. Ни примет, ни направления нет у золотоискателей. Бродят по чащобам и буреломам озверелые, голодные двуногие хищники, подстерегают друг друга в тесных ущельях, у речных излучин, на заросших травой охотничьих тропах. Неожиданный выстрел, короткая схватка — и один навсегда остается в таежных зарослях, а второй торопливо обшаривает карманы и перетрясает мешок убитого, довольствуясь скудной поживой — черствыми сухарями да горстью пороха.

А золото?

Золота нет ни крупинки.

И снова сквозь тайгу пробирается хищник, спеша подалее убраться от места преступления, боясь, как бы его выстрел не привлек к себе внимания другого хищника, у которого тоже не дрогнет в руке пристрелянное ружье. Ни поисковые группы, ни бродяги-одиночки не нашли не только клада Дремова, но даже и следов его зимовья. Самыми упорными оказались служащие иркутского богача Лопухова — Голиков и Шмидт. Более десяти лет провели они в верхнем течении реки Крутой, исследуя ее большие и малые притоки, выкопав сотни шурфов и старательских ям. Грохот орудий первой империалистической войны не докатился до подножий саянских хребтов. Вдали от живого мира не знали кладоискатели, что в России бушует революция, сибирские просторы захлестнула гражданская война. Именно в это время Голикову удалось найти старое зимовье, которое он посчитал за дремовское, и поиск завладел всем его существом. Для разворота дальнейших поисковых работ не хватало людей, инструмента. Голиков вышел из тайги за подкреплением. Каково же было его изумление, когда в первом же селе ему сообщили, что в Сибири властвуют Советы, а хозяин его Лопухов сбежал в Японию. Дело упрощалось: раз власть народная, значит, и добро народное. В этом же сельсовете Голикову дали людей на помощь, поддерживали продуктами. В зимовье к ожидавшему там Шмидту Голиков заявился не один. Кроме него, пришли красноармейцы Греков и Задорожный и рабочие, два брата Дремовы, те самые Дремовы — Степан и Иван, — которых в про-

шлом постигла неудача в поисках отцовского сокровища. Оказывается, есть живые свидетели истории дремовского клада, его прямые наследники. Легенда становится жизнью.

ЕЩЕ ОДНА ЭКСПЕДИЦИЯ

Тихон Петрович Голиков — человек беспокойный, хлопотливый, натура увлеченная. Сколько он убил времени и вложил средств, организуя поиски дремовского клада, и все бесполезно. И вот только сейчас проблеснула надежда: найдено старое зимовье Дмитрия Дремова, а от него, надо думать, до золотого клада рукой подать. Не мог удачливый золотишник, устроить свое жилье за тридевять земель от найденных сокровищ. Где-то здесь, на пяточке, они — богатейшие золотоносные жилы и вымытые водой россыпи золотого песка.

С твердой уверенностью возвращался к зимовью Тихон Петрович туда, где оставил он месяц тому назад флегматичного терпеливого компаньона, обрусевшего немца Иоганна Карловича Шмидта.

Голиков, единственный конный в отряде, вполоборота повернулся в седле. В застиранных, выгоревших на солнце красноармейских гимнастерках плетутся за ним Греков и Задорожный. Влас Греков слегка прихрамывает: не дает покоя пуля, застрявшая с гражданской в суставе голени. Пулю он схлопотал, преследуя семеновскую банду, от казачьего есаула, опередившего его с выстрелом. Остап Задорожный выглядит бодрее, подхватывает под руку Власа, когда он из-за хромоты не может осилить преграду, часто берет на свои плечи его поклажу, видя, что товарищ изнемогает от усталости. Только и сам он нет-нет да и остановится, забившись в припадке кашля. Ему в той же схватке с семеновцами, в которой он участвовал вместе с Власом, пуля прошла насквозь правое легкое. Вот иногда и напоминает о себе ранение, не дает шибко разбежаться по тайге. Оба они добровольцы, сами напросились в экспедицию, заявив в сельсовете:

— Мы за Советскую власть жизни не щадили. А сил и подавно не пожалеем. Пиши нас, товарищ председатель, в поиск бесплатно, за одни харчи работнем. Поможем Советской власти завладеть сокровищем, отда-

дим его на счастье нашему трудовому народу, пусть строит для детишек дворцы и для себя курорты и санатории.

После такого патристического заявления какой с них спрос?

Вся надежда у Голикова на братьев Дремовых. Здоровенные бугаи вымахали, не изработались, не изболелись. И не дает им покоя потерянное отцовское наследство. Как слышали, что формируется поисковый отряд, скараулили его, Голикова, на улице Убугуна, высказали свое желание, прозвучавшее как ультиматум, испытать свой фарт в поисках батинного клада. Сторговались не то чтобы на кабальных условиях для казны, но и очка не пронесли, при любом исходе экспедиции немалый барыш себе выговорили. И обижаться нельзя, так как им надлежало выполнять самую тяжелую физическую работу. Сами-то они со Шмидтом хотя и приучены к трудным походам, но их выносливости хватает только на поиски, а на рытье шурфов, промывку грунта нужны помощники. А от красноармейцев толку почти никакого. Но кому-то надо и кашеварить, и бельишко постирать, и хозяйство посторожить.

Самое важное то, что экспедиция вышла на дальнейший поиск с ведома и благословения государственной власти и есть в ней люди, способные перенести любые испытания, встретить опасность лицом к лицу и отразить ее.

НА ПОДСТУПАХ К СОКРОВИЩАМ

Шмидт встретил на пороге зимовья.

— Прифет, Тихон Петровитш, — облобызал он Голикова. — Пока нитшего нофого, — развел он руками на вопрос начальника экспедиции, — целый месяц шли пролифные тошты, нос нельзя был фысунуть са порог.

Голиков познакомил Шмидта с новыми поисковиками.

— Отшень карашо, — умильно закатил глаза к небу Иоганн Карлович. — Рат могущественным и сильным помощникам.

— Времени у нас в обрез, не успеешь оглянуться, как зима припутает. Завтра же выходим на поиск. Соображения у меня такие.

Голиков поделился намеченным планом. Все в нем было предусмотрено: район поиска, время работы на

разных участках, кто с кем пойдет, кто за что отвечает. Говорил Голиков спокойно, нисколько не навязывая своего плана. Но никто не смел и слова сказать в противовес. И хотя начальник вроде бы советовался с членами экспедиции, получилось так, что ни одна его задумка не встретила возражения и дополнить к плану что-нибудь более толковое было трудно. И план стал в своем первоначальном варианте уже не соображениями начальника, а четко разработанной директивой.

На другой день Голиков вышел в поиск, взяв с собой Степана. Шмидта сопровождал Иван. Красноармейцы Греков и Задорожный остались хозяйничать в зимовье.

На первом привале Голиков спросил у Степана Дремова, разводившего костер:

— Сказывал ты, Степан Дмитриевич, что не впервые в этих местах. Как же это вы оплошали, не прошли по отцовской тропе до цели?

— Доседова мы не добрались. Раньше нечистая сила свернула нас с пути истинного, завела в тупик. А все Митька. Это старший наш брательник виноват. А можа, и сам батя не во всем правым был? — Степан рассказал о неудачном походе, который чуть не погубил их всех троих, а главное, навсегда отвалил от попыток повторить таежную одиссею.

— А как же сейчас решились? Смолоду и силенок и азарту было поболе.

— Может, силы было и боле, да ума не хватало. Митька-то он упрямый был, пер напролом. А надо было идти по уму, по-ученому. На вас вся надежа, Тихон Петрович. И еще на дядю Ганю. (Так братья по-своему перекрестили на русский манер Иоганна Шмидта.) Люди вы ученые. И хватка у вас таежная. Одно слово — техники по золоту.

В котелке забурила вода. Тихон Петрович бросил в котелок щепотку заварки, засыпал порошок сухого молока.

— И все-таки, Степан Дмитриевич, я никак не могу поверить в то, что тайга до такой степени перепугала вас своей суровостью, что вы навсегда забыли в нее дорогу. Тут что-то не то.

— Матушка наша покоенка, Галина Федоровна, еще воспротивилась нашим попыткам. А тут еще не ко времени война завязалась, сперва германская, а за ей

гражданская. Митьку нашего беляки порубили. Один он изо всех нас троих в солдаты угодил: при царе был белым, при Советах красным. А за нас с Ванькой матушка большой откуп дала тем, кто набирал рекрутов. Этим и жизнь нам сохранила.

Голикова поразила простота избавления от солдатчины. Матушка большой откуп дала. Откуда у простолюдинки, познавшей нужду и горечь обид, купеческие замашки? Природный инстинкт? Да, конечно. Даже приматы — дикие животные и птицы — бывают весьма изобретательными в своей материнской заботе о детенышах, проявляя удивительную выдумку и хитрость ради спасения своих выкормышей. А у старших Дремовых это в крови. И отец, попервости придавленный судьбой, зажив в благополучии, передал наследникам право на безбедную жизнь, оставив огромное наследство. Мать тоже пошла на сделку с совестью и крупные материальные жертвы, лишь бы сынки ее остались живы-здоровы, памятуя о бесполезной гибели старшего. А самим парням хоть бы что: ровесники их и односельчане кровь на фронтах проливали, гибли под пулями, теряли руки и ноги, а то и голову сложили. А этот вот Степка самодовольно заявляет: матушка откупом денежным жизнь им с Ванькой сохранила.

А может, так и должно быть? Жизни их стоят для государства многих миллионов рублей, если в их руках тайна отцовского клада. Не мог Дмитрий Дремов унести ее в могилу, не вяжется это с его заботливым отношением к сыновьям. Стоит, однако, прощупать Степана с этих позиций.

— А что, отец не передавал никаких вам рисунков места, где он нашел золото? Или, может, рассказывал о каких-либо особых приметах своего открытия? — на очередном перекуре спросил Тихон Петрович.

Степан, с хрустом распрямляя усталые плечи и давась от глубокой затыжки едким дымом самокрутки, настороженно поглядел на Голикова. Скрытая усмешка его, запрятанная в прокуренные усы, как бы отвечала на вопрос, простой и наивный: «Было бы знатье энтото места, дак давно бы без вас обошлись. Кому энтто надоть делиться добычей, выкраивать лишний пай на всю кумпанию?»

Ответил Степан ничего не значащими словами:

— Сказывал батя: ему навроде поблазнило, что с

горы в каменную чашу льется расплавленное золото. Стало быть, по ручьям надоть искать, там, где они скатываются с гор.

«И без тебя известно, что воскресенье — праздник, — с досадой подумал Голиков, не удовлетворенный ответом. — От такого жлоба откровения не жди. Своекорыстие привело его сюда, в Тургу. И младший брат у него такой же».

Не обнаруживая своих подозрений, поднялся с валуна, сказал, потягиваясь, испытующе:

— Что-то устал с непривычки. Может, на сегодня хватит?

— Как прикажете. Только до заката далеко. Можно и работнуть еще малость.

— Тогда пошли. Давай спрямим дорогу, срежем петлю с ручья. Авось и выйдем к золотой чаше?

— На авось в тайге не надейся. Этому-то папаня успел нас обучить, — торопливо пояснил он свое резкое возражение, опасаясь, как бы Голиков не принял его слова за грубость.

Густой кустарник не давал проходу, нехотя расступался и снова сдвигался за спинами. Ориентируясь по солнцу, Голиков и Дремов вышли к почти отвесному скальному склону.

У БЕЗЫМЯННОГО ОЗЕРА

Вторая группа поисковиков — Иоганн Карлович Шмидт с Иваном Дремовым — взяла направление в противоположную сторону. Сонливость и добродушие Шмидта как рукой сняло. Он шел впереди, напролом, с топором в руке, в нужных случаях действуя им решительно и быстро, прокладывая себе и спутнику дорогу сквозь чащу. Иван едва поспевал за ним, проклиная и тайгу, и золото, и свое корыстное решение — заработать малость золотишка детишкам на молочко.

— Ифан, не отставай. Стесь делать нетшево, — объяснил Шмидт свою торопливость, — тут фсе на сто рас втоль и поперек хошено-перехошено.

— Куда же мы тогда ждем, дядя Ганя? — остановился Иван.

— Ити, ити за мной, — на ходу обернулся Шмидт, — там са лесом, — он неопределенно махнул рукой, — есть маленький осерко. Такой софсем круклый осерко. Ф не-

ко фпадайт три рутшейка, три маленький рутшейка. Один рутшеек я хотиль. Нитшеко не находиль. Пайтем секотня второй рушеек.

Подробную информацию Шмидта Иван оценил одной фразой: дурная голова ногам покоя не дает. Только пробурчал он еле слышно, так чтобы Иоганн Карлович не заподозрил скрытого сопротивления помощника своему предложению. Иван покорно последовал за Шмидтом, заметно прибавив шагу...

Озеро, по краям заросшее осокой, с камышовыми островками посередине, оказалось не таким уж маленьким, каким его представлял Иван со слов Иоганна Карловича, не называвшего его никак иначе, как «осерко».

Иван выстрелом навскидку вспугнул стаю диких уток, шумно поднявшихся над водой, рябоватой от ветра, и перелетевших в отдаленные от берега недосыгаемые камыши. Подранок-утка на взлете обессиленно взмахнула крыльями, тут же сложив их, отчаявшись оторваться от воды.

— Есть одна! — торжествующе выкрикнул Иван. — А я думал, смазал, — не скрывая самодовольства, поглядел он на Шмидта, разуваясь и закатывая штаны до колена.

— На ужин сгодится, — сказал Иван несколькими минутами позже, выходя из воды, держа жертву за шейку. — Жирная, вкусная.

— Отлишний фыстрел, отличный стрелок, — похвалил немец Ивана, взглянув на него настороженно, словно перед ним стоял не парень-сибиряк, а легендарный Вильгельм Телль.

Иван припрятал утку в заплечный мешок, обулся, прихватил ружье, поклажу, встал перед Шмидтом в просительной позе: таперича куда?

Они пошли вдоль плавной излучины озера, по песчаному приплеску, расписанному крестиками следов перелетных птиц. Через каждые пятьдесят-сто шагов Иоганн Карлович, шедший впереди, спугивал стаи уток, гусей, журавлей, на лету поднимавших над прибрежными песками бурю из белоснежного пуха. Иван инстинктивно сбрасывал с плеча ружье, сдерживая себя от искушения послать заряд дроби вслед улетающим птицам. Бесполезная трата пороха; при таком обилии непуганых птичьих стай на озере запастись дичью не имело смыс-

ла, всегда можно при необходимости добыть свежинку.

В следующий раз Иван вскинул ружье, заметив не птиц, а одинокий шалаш, сложенный из пихтовых веток на крутом изломе озера, где мелколесье подступало к самой воде. Он вздрогнул, словно увидел не простейшее строение, служившее надежным приютом для заблудших рыбаков и охотников, а страшного зверя, встав на дыбы, преградившего ему дорогу. А может быть, это одно из пристанищ его отца, походный привал в районе клада? Увы, нет. Слишком свежий лапник на стенах шалаша.

— Ай, яй, яй, — услышал Иван за спиной насмешливый голос Шмидта, — такой смелый бурш испукался софсем простой шалашка. Это мой шалашка, стельный собственный рука, кокта я хотиль лефый приток.

— Ты так, дядя Ганя, меня можешь заикой сделать. Упреждать надо про такие штучки, — недовольно поморщился Иван. — Однако пора и на обед затабориться, — подходя к шалашу и оценивающе взглянув на его внутреннее убранство, предложил он.

Трое суток провели Шмидт с Иваном Дремовым в тайге, на ночевку неизбежно возвращаясь к шалашу. Обследовали и правый и средний притоки озера, уводившие их по горным бесконечным распадкам к белесым отрогам Тургинского хребта. Нет, не мог так далеко от своего зимовья найти клад Дмитрий Дремов. Вернулись поисковики в дремовское зимовье измученные, усталые. Ничем не обрадовала их и первая пара, бесполезно пробродившая эти дни в предгольцовой зоне.

В ДОЖДИ

Ливневые дожди, которые Голиков с неясным предчувствием ожидал со дня на день, захватили экспедицию в зимовье. В лесу, окруженном куполообразными холмами, участок неба для обозрения ограничен. Только что вовсю светило солнце, не предвещающая ничего плохого, как вдруг из-за северных вершин холмов хищными птицами налетели стаи рваных облаков, затмили небо зловещей чернотой и тут же обрушили на лесистые склоны, в змеевидный распадок потоки дождя. Поисковики сбились на нарах, с надеждой вглядываясь в запотевшее от влаги оконце, едва пропускавшее тусклый

свет посеребрившего дня. Задорожный подпалил растопку в печке, и в зимовье запахло жилым, от дыма, часть которого не попадала в дымоход и короткими выхлопами из печной трубы выстреливала в стены тесного помещения. Немного позднее обоняние защекотал мясной дух из чугунного котла, в котором закипал суп из свежей изюбятины, недавней добычи Ивана Дремова.

За стенами зимовья свирепствовала гроза. Греков и Задорожный, в гражданскую войну побывавшие под бомбежкой и под артиллерийским обстрелом, негромко переговаривались между собой, вспоминая боевые эпизоды. Воспоминания, навеянные несмолкающей грозой, были обыденными, не впечатляющими. И все-таки оба красноармейца старались доказать не нюхавшим пороха братьям Дремовым, да и геологам Голикову и Шмидту, что самая страшная гроза, где бы она ни застала человека, по сравнению с военной грозой так себе, пустяк, испытание страхом слабонервных.

— Попали мы как-то в окопах под обстрел немецкими брзантными снарядами, — начал Греков. — Они, подлые, в воздухе рвутся на мелкие осколки прямо над головами. А окоп-то открытый. И самого мелкого осколка хватит, чтобы тебе башку прошибло насквозь.

— Не скажи, Влас Романович, — вторил Грекову Остап Задорожный. — А еще больше ужаса от фугаса. От него не убежишь. Догонит взрывной волной и так шмякнет об землю, что и неделю не очухаешься, если вообще дубаря не нарежешь. А выживешь, так от контузии по гроб жизни не оправишься.

Голиков, чтобы не слышать пустопорожних пересудов бывших фронтовиков, выходил из зимовья, прислонившись к стене, укрывался от ливневого потока, смотрел с надеждой на небо, в его северную часть, откуда началась гроза, ожидал, что она, так же как началась, так без предупреждения и окончится.

Порывы ветра расплескивали брызги, загоняя геолога с улицы в прогревшееся помещение. И хотя гроза утихла, но радости прекращения ее буйств Голикову не принесло: полил затяжной унылый дождь, то обрушиваясь на землю с силой тропического ливня, то морося мелкими дождинками, назойливыми и щекотными, как укусы мошкеры...

На третий день вынужденного безделья Степан не выдержал.

— Пошли, Ванька, дичину каку-нибудь подстрелим. Свеженинки хотца. Дожж навроде поутих.

— И то верно, паря, — согласился Иван, сползая с нар и берясь за одежду.

— Какая по такой погоде охота, — запоздало вмешался Голиков, — зазря только вымокнете.

Но братья его уже не слышали, — выскочив за порог. И не охота их интересовала, а нужно было им совет держать.

Для видимости они отошли версты три. Выбрали местечко посуше. Дождь на время прекратился, и ветер вылизал шершавым языком влагу с колодин, замостивших торфяную подстилку возле давно высохшего староречья. В ливни старая протока ожила от прилива в ее каменистое русло дождевой воды. Братья закурили из одного кисета, дымом отгоняя тучи гнуса, поднявшегося из травы, куда их забило дождем.

— Ну, че, Ванька, дальше робить-то как будем? — по праву старшего начал разговор Степан.

— Думаю, нам отколоться надоть от этой вшивой команды, — не замедлил с ответом Иван. — Толку с них как с чечетки перьев. Эти бывшие вояки — нахлебники и дармоеды. А начальнички барчуки, белоручки.

— Дык што, заявим Тихону Петровичу по всем правилам или как?

— А для ча заявлять? Вот наладится погода, и поминай нас как звали. Аванс мы свой, поди, отработали. Долгов не имеем. А расчет полный тайга-матушка заплатит, если подфартит, таперича мы не шибко нуждаемся в советах. И Тихон Петрович и дядя Ганя нам ни почем.

Иван, увлекшись рассуждениями, не заметил, что Степан его не слушает давно. Он уставился жадным взглядом на староречье, в котором прохлынувшая за эти дни вода начисто промыла прежде покрытое илистым налетом каменное дно, высветила его до яркого блеска.

Степан неуверенно шагнул к поразившим его своим цветом камням. Наклонясь, он потерял равновесие и плюхнулся в воду. Только увидев рядом с собой брата, он понял, что вынудило его потерять равновесие: это же Ванька, опережая его в броске к сверкающим камушкам, сшиб его с ног.

— Мое! — дико закричал Иван, горстями, без разбо-

ру хватая со дна реки сверкающие разноцветные камушки и набивая ими полную пазуху.

— Твое? — поднявшись на ноги, метнулся к нему Степан. Он схватил его обеими руками за отвороты зипуна, выволок на берег. — А ну вытряхивай все, — рванул он одежду так, что зипун разъехался и обнажил волосатую грудь брата. Камни посыпались под ноги, словно крупные градины.

Иван вырвался из рук брата, упал на землю, не обращая внимания и не чувствуя боли от пинков, которыми щедро угощал его Степан, ползал по берегу, подбирая рассыпанные камни, выковыривая ногтями те, что они за время схватки втоптали в песок, повторяя неизменно с каждым прихваченным камнем:

— Мое, мое...

Степан, захватив брата за ворот зипуна, волоком потащил в воду. Визжа и матерясь, Иван отбивался ногами, тщетно пытаясь вывернуться из цепкого захвата, в силе он уступал старшему namного. А тот, обезумев от вероломства младшего, ослепленный блеском золотых самородков, не слушая его угрозы и мольбу, тащил на глубину. Стоя по пояс в воде, он окунал брата мордой в поток, не давая ему вывернуться, чувствуя, что тот, обессиленный борьбой, потерял сопротивление и вот-вот захлебнется.

ПЕРВЫЕ САМОРОДКИ

— Прекратить, — услышал Степан требовательный окрик с берега. Он приподнял голову. На берегу с винтовкой, нацеленной ему в грудь, стоял Голиков.

— Что здесь происходит? — передернул затвор Тихон Петрович. — Объясните, пожалуйста.

Под угрозой оружия Степан сник, безмолвно выволок на берег недвижимое тело невольного утопленника.

— Проучить решил брательника, шибко разбаловался, — равнодушно пояснил Степан.

— Ты же его убил, негодяй, — наступал на Степана Голиков.

— Ниче ему не сдеется, — повернув на грудь брата, беспечно возразил Степан. — Немного лишку воды хлебнул. Так это мы сичас. — Он надавил брата в спину, вызвав рвоту и обильное выделение воды. Заявил твердо: — Через час отойдет.

— А это что? — только сейчас заметил Голиков, как из разжатой руки Ивана выкатились цветные камушки.

— А то самое, че ищем все мы, а нашли сами одни.

— Золотые самородки?

— Они самые, — выкрикнул Степан. — Они-то чуть и не довели нас до смертного греха.

— Так, так. — Спокойствие вернулось к Голикову. — А точно ли это золото?

— Кто солот, какой солот? — слышался голос Шмидта, подоспевшего к месту происшествия. — Сейтшас посмотрим, — сказал он, доставая из планшета лупу и принимая из рук Тихона Петровича драгоценные камушки.

Три пары глаз, нацеленных на Шмидта, по-разному выражали ожидание результатов его исследования. В напряженном взгляде Голикова виделось нетерпение, надежда на близость завершения трудного поиска, на его благополучный исход. Степан смотрел скрытно, равнодушно, как бы считая, что первенство открытия клада принадлежит ему, только ему одному, а все остальные тут ни при чем и могут по одному отваливать в сторонку. Жадностью засветился тусклый взгляд Ивана, быстро пришедшего в себя от магического воздействия золота. Глаза его словно повторяли неизменное: «Мое, мое...»

— Отшень карашо, — сказал Шмидт, отведя лупу от глаз, после того как тщательно исследовал каждый камушек. — Это солотой опманка, — показал он на ото-двинутую в сторонку грудку камней, — верный спутник солот. А это, — подбросил он на ладони два небольших самородка, — настоящий солот.

— Не густо, — протянул к самородкам руку Степан, — но для начала сойдет.

— Что значит не густо? — встал между ним и Шмидтом Голиков. — Поймите, друзья, что мы близки к завершению поисков. Только теперь я понял свою ошибку. Мы искали по ручьям и речушкам, забыв, что старица — это бывшая река и тоже может быть золотоносной. Надо полагать, что в истоке этого пересохшего русла и есть та самая золотая чаша, в которую с крутой скалы льется благородный металл, как о том поведал своим сыновьям на смертном одре кладоискатель Дмитрий Степанович Дремов.

Казалось, восторгу поисковиков не будет конца. Об-

шая удача приглушила озлобленность Степана и алчность Ивана. Вместе с геологами они дурашливо приплясывали, оставляя ичигами глубокие вмятины на прибрежной отмели, дважды пытались приподнять на руки Иоганна Карловича, чтобы подбросить его вверх, но оба раза безуспешно: грузный немец страшно боялся щекотки и в руки не давался.

Затянувшееся веселье прервал хлынувший заново дождь. В одно мгновение он взбурлил и замутил воду в протоке, скрыл от глаз поисковиков галечные россыпи на дне старицы, остудил горячие головы веселящихся.

— Всем возвращаться в зимовье, — скомандовал Голиков. — Будем ждать перемены погоды. Грекову и Задорожному пока ни слова, — неожиданно для самого себя добавил он.

Братья Дремовы согласно кивнули головами. Шмидт словно и не слышал последних слов начальника, но Голиков знал, что повторять ему нет нужды, немец давно прослыл как образец дисциплины.

ВДОЛЬ СТАРИЦЫ

Почти на неделю непогода задержала поисковиков в зимовье. А когда небо прояснило и в седловине гор показалось солнце, оно не принесло с собой тепла, а светило по-осеннему холодными колючими лучами. Волна студеного воздуха хлынула в глубокий распадок, заполняя пустоту, разливаясь по лесным чащам, покрывая тонким хрупким ледком водную поверхность озер и рек.

— Это ненадолго, на днях придет оттепель, — успокоил помощников Тихон Петрович, выходя из зимовья. — В эту пору всегда над Тургинскими Альпами проходит циклон арктического воздуха.

— Коли так, тагды впору и в путь, — требовательно сказал Степан.

— Куда в путь? — не понял Голиков.

— А туда, куда снаряжались, — ответил Степан, опасно поглядывая в сторону бывших красноармейцев, так и не посвященных в тайну открытия клада.

— Понятно. Я не возражаю. Раз есть ваше согласие, — Голиков ткнул пальцем в грудь Степана и кинул взгляд на Ивана. — Вернее, даже не согласие, а пред-

ложение. Я его только приветствую. После завтрака выходим. Вчетвером. Берем провизию на неделю...

После полудня поток холодного воздуха, подхваченный северным ветром, уплотнился, застудил до каменной твердости землю, ледяным мостом соединил берега старой протоки. Только в заберегах кое-где синела вода да частые бурливые полыньи прорезали русло голубыми лезвиями. К вечеру дошли до клочковатого болота, широко раскинувшего непроходимые топи в обе стороны от берегов староречья.

Голиков пояснил спутникам:

— Теперь ясно, откуда появилась старица. В межень, когда приток воды в болото нормальный, оно всю ее поглощает и не дает выхода в русло. Поэтому оно и пересыхает, а дно зарастает травой, покрывается илом. И только в половодье, в пору ливневых дождей и таяния вечных снегов в вершинах Саянских хребтов, старица оживает. При этом сила потока настолько велика, что он проносит через болото даже золотые самородки.

— Это теория или практикum? — усомнился Шмидт.

— Теория, подкрепленная практикой, — парировал Голиков. — Иначе откуда бы в старице появились те самые камушки. И я не знаю, следует нам возмущаться или восхищаться действиями природы. Смотрите, как она надежно охраняет свои сокровища. Казалось бы, что мы уже готовы окунуть руки в золотую чашу Дмитрия Дремова, извлечь из нее пригоршни золотых самородков. Ан нет. Природа выставила перед нами новую преграду, перекрыла дорогу непреодолимым болотом. Я лично не рискну и шагу ступить в эту вонючую жижу.

— Та, фы прафы, хотя и риск плакаротный тело, — согласился Шмидт.

Угрюмо кивнули головами братья Дремовы.

— Строим шалаш, заночуем здесь, — предложил Голиков. — Утро вечера мудренее.

ТРАГЕДИЯ У БОЛОТА

Когда успели сговориться Степан и Иван, чтобы выполнить свой жестокий умысел на этот раз без осечки — одним им известно. Только не увидели следующего утра, хотя оно и мудренее вечера, ни Голиков, ни Шмидт. Мертвыми, подло убитыми увидел их утранный

рассвет, скатившийся розовой волной по склону голубой сопки. Он расплылся по болоту, пролился в старицу, заглянул в неживые глаза мертвецов. Ночью братья Дремовы прирезали обоих геологов тихо, молча, так что ни один из них не почувял приближения гибели, не вскрикнул. Затем, разmozжив им ружейными прикладами головы, Дремовы вынесли свои жертвы из шалаша, уложили рядком на сырую землю. Утром, привязав тяжелые валуны к ногам, утопили остывшие трупы в старице, в ближайшей от берега полынье.

— Что таперича решаем? — спросил Иван.

— Решаем? — переспросил Степан. — А вот че. Двоих уже порешили. Еще двое осталось. Очередь за имя. Отступать поздно.

— А золотишко?

— Золотишко теперя от нас никуда не уйдет. Все наше. Все. От этих крупинок, — Степан тряхнул кожаным кисетом, куда припрятал изъятые уже у мертвого Голикова самородки, — до целых мешков золота. Только потерпеть надо до весны.

— Неужто зазимуем в тайге?

— Эта забава нам ни к чему, — возразил Степан. — Выйдем из тайги, пока еще не поздно. Переждем дома время до тепла. А по весне, тайно, без свидетелей, вернемся сюда. Батин клад там, за болотом. Уж болотину как-нибудь минуем или вплавь, или в обход.

— А про этих что скажем? — Иван боязливо глянул на старицу, надежно, навеки упрятавшую трупы геологов.

— Придумаем про них каку-нибудь историйку. Всяк знает, тайга не мед, всякое в ней может приключиться.

— И про вояк наших?

— И их туда же, под одну гребенку. К слову скажем, утонули. Или погибли в горах от каменного обвала.

— Толково. Дельно. Однако пошли в зимовье...

В зимовье братья Дремовы вернулись за полночь. Греков и Задорожный спали.

— Что так запозднились? — зашевелился во сне Задорожный.

— Спи, — уклончиво ответил Степан.

Иван растопил печку, разогрел жаркое, сварил чай. Братья перекусили, как после тяжелой работы, запили еду густым наваристым чаем, переглянулись.

— Пора? — спросил глазами Иван.

— В самый раз, — шепотом ответил Степан.

Загасив копилку, братья заползли на щары, расклинив спящих красноармейцев так, что те оказались по краям. И здесь все обошлось без суеты и спешки, без выкрика и стога.

Утром Дремовы вынесли трупы Грекова и Задорожного из зимовья и захоронили их в каменной осыпи у склона скального отрога...

В ту же осень братья Дремовы вернулись в свое село одни, уверяя, что остальные участники поиска погибли во время горного обвала и похоронены под грудой каменных обломков.

Возможно, что эта версия была бы принята за истину, если бы младший из Дремовых, Иван, будучи зело пьяным, не похвалялся собутыльникам, что, мол, они таперича единственные хранители тайны отцовского клада, а также его неоспоримые наследники. После этого в Убугуне, в окрестных селах и даже в Иркутске поползли упорные слухи о свершенном в далекой тайге жестоком убийстве. Позднее в Тургинские Альпы была направлена комиссия, которая обнаружила следы убийства Голикова и его спутников. Следствие доказало, что братья Дремовы решили завладеть «отцовским кладом» безраздельно и, когда им показалось, что цель близка, убили остальных участников похода. Однако, не желая зимовать в тайге, они были вынуждены вернуться домой без крупинки золота. Более того, геологи Голиков и Шмидт, стоявшие на верном пути к сокровищу, уже не могли никому сказать ни слова.

Накопившиеся факты и архивные материалы почти с достоверной точностью доказывали существование «дремовского клада» в районе Тургинских Альп. Но сколько бы ни выходило геологических экспедиций в район предполагаемого месторождения золота, все они возвращались с пустыми руками.

О «дремовском кладе» начинали забывать. Сыновья Дремова Степан и Иван отбывали срок. Старший Дмитрий еще раньше сложил буйную головушку за Советскую власть. Но где-то по земле ходят внуки, правнуки удачливого кладоискателя. Почему не слышно их решительного голоса, разве для них не дорога память старшего в роду, не дороги его сокровища? Молчали потомки Дремова. Казалось, навсегда умолк говор золотого во-

допада: И вдруг совершенно неожиданно в одной из областных сибирских газет появилась статья известного геолога горно-металлургического института Максима Харитоновича Котова «Дремовский клад». В статье подробно пересказывалась легенда о значительном месторождении золота, открытом бывшим беглым каторжником Дмитрием Дремовым и бесследно потерянном после смерти его первооткрывателя. Рассказывалось и об экспедициях, выходивших и ранее, и в последующие годы в Тургинскую долину на розыски дремовского золота.

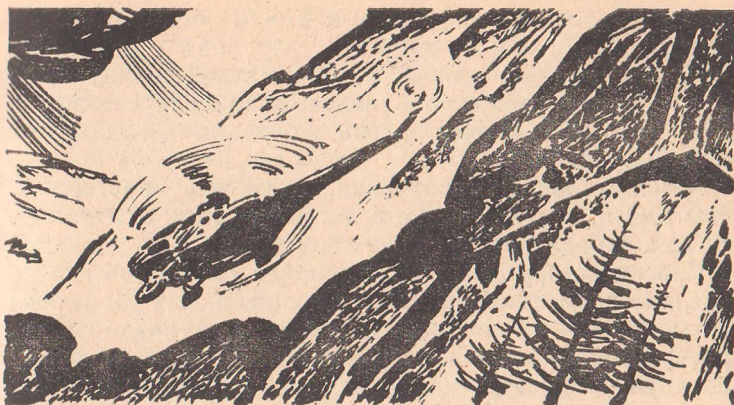
Статья, излагавшая подробности о безуспешных поисках клада во все времена, заканчивалась бодро и интригующе: «И все-таки «дремовский клад» существует!»

Часть третья

ПОИСКИ

«ДРЕМОВСКИЙ КЛАД» СУЩЕСТВУЕТ

В тесных комнатах областного Дома учителя заканчивались шахматные соревнования на первенство города. Шел последний тур, в котором волей судьбы встретились оба претендента на титул чемпиона города: профессор-геолог Максим Харитонович Котов и молодой историк, аспирант университета Костя Голубев. Противники перед решающим туром имели одинаковое количество очков, и последняя партия выигравшему вместе с желанной единицей приносила первый приз. Костя, играя черными, построил непробиваемую пешечную «каменную стену» в сицилианской защите. На третьем часу игры профессор Котов, страшный суеверным противникам своей гроссмейстерской фамилией, для обострения игры пожертвовал Косте ладью за коня и попал в худшее положение.

В это время на турнир пришла внучка профессора Люба. Постоянный тренер и консультант деда по шахматам, Люба, оценив позицию, обомлела: дед продувает. И кому! Какому-то нескладному парню с длинными руками боксера и с веснушками во все лицо, словно у деревенского балалаечника.

А «балалаечник» сделал очередной ход, и, видимо, неплохой, так как после этого он глядел на противника торжествующе, энергично потирая руки. Внезапно он перевел взгляд на худенькую светловолосую девушку,

наклонившуюся к профессору и что-то шептавшую ему вопреки турнирным правилам.

Что дальше творилось на шахматной доске, Костя не мог понять: девушка целиком завладела его вниманием. «Это называется любовь с первого взгляда. Крепись, Голубев!»

А непреклонный противник, пользуясь растерянностью Кости, вторгся конем в лагерь черных, отыграл качество и забрал у него три важные пешки.

Совсем по-другому уже выглядела Люба, она снисходительно поглядывала на болельщиков, как бы говоря: «Полюбуйтесь на нового чемпиона». А когда Костя дрогнувшим голосом произнес неизбежное «сдаюсь» и протянул профессору широкую, как лопата, ладонь, Люба громко чмокнула деда в колючую щеку и поздравила с победой.

Костина манера игры понравилась Котову.

— С кем не бывает, — утешал он поверженного партнера. — Заходите на квартиру, отыграетесь.

Костя поспешно записал телефон и адрес профессора.

После этого Костя часто забегал на квартиру к своему противнику «поблицевать», сыграть одну-две легкие партии. Если профессора не было дома, Костя не огорчался, шахматную компанию ему составляла Люба. Во время игры она угощала его крепким чаем с малиновым вареньем, рассказывала смешные институтские истории, советовалась, какие новые книги прочесть, и как-то незаметно подружилась с молодым ученым, скучала, когда он уезжал в командировку и по неделе в тихой квартире не слышно было его голоса, радовалась редким открыткам, посланным с дороги. Когда Костя прочел в газете о «дремовском кладе», статья заинтересовала его не с позиций геолога, а своим интригующим сюжетом и обнадеживающей концовкой.

«Любопытно, откуда у Максима Харитоновича такая уверенность в подлинном существовании клада Дремова», — думал он, медленно шагая по направлению к дому профессора. Максим Харитонович по годам годился Косте в деды, однако это не мешало им часто вечерами, отставив шахматные доски, вести бурные споры в основном на международные темы. И чем споры горячее разгорались, тем холоднее становился чай в наполовину опустошенных стаканах.

И сейчас, зная хитрость своего старшего товарища, Костя был уверен, что тот попытается уклониться от разговора о «дремовском кладе» и прямо на пороге встретит его какой-нибудь ошеломляющей новостью, услышанной по заграничному радио...

— А дедушки нет дома, — открывая дверь Голубеву и не дожидаясь его вопроса, заговорила Люба. — Проходите, Константин Васильевич, — пропуская гостя вперед, торопливо добавила она, словно боялась, что Костя не решится переступить порог, когда хозяина нет дома.

Любе, единственной и полновластной хозяйке в доме одинокого старика, было девятнадцать лет. Приехала она к деду из захолустной деревушки, затерянной в предгорьях Восточного Саяна. За пять лет жизни у недавно овдовевшего деда она успела закончить среднюю школу и два курса горного института, где Максим Харитонович заведовал кафедрой. В институт дедушка с внучкой ходили вместе. Максим Харитонович при выходе из подъезда сразу отправлял неизменно ожидавшую его зеленую «Победу». В любое время года он ходил пешком, тренируя свои смолоду привыкшие к тяжелым переходам ноги. Люба не поспевала за энергичным стариком, переходила на своеобразный галоп, вприпрыжку следуя за Максимом Харитоновичем, помахивая портфельчиком и на ходу пересказывая ему самые любопытные происшествия. Утрами дед бывал неразговорчив, а Любе казалось, что он внимательно, не перебивая, слушает ее, и это вполне устраивало словоохотливую девушку. Снова встречались они уже поздно вечером. Люба успевала приготовить ужин (обедал Максим Харитонович в студенческой столовой). Ужин всегда был в меру горяч, даже когда Любы не оказывалось дома. Тепло сохраняли духовка и термос. И Максиму Харитоновичу казалось, что он в далекой экспедиции под шатром палатки пьет ароматный кофе, налитый из термоса, и ест запеченный в костре картофель в «мундирах». Пользуясь отсутствием внучки, Максим Харитонович за ужином перечитывал газеты. Заслышав Любины торопливые шаги в коридоре, он быстро убирал газеты в сторону, в спешке оставляя на них масляные и кофейные пятна. Любе ничего не стоило разоблачить деда, и она, укоризненно качая головой, принималась читать ему сначала нотации, а потом газеты, пока он заканчивал ужин.

После ужина Максим Харитонович долго еще работал в своем кабинете. Люба слышала размеренные его шаги, легкое покашливание и редкий шелест бумаги.

Так было и незадолго до появления в газете его статьи о «дремовском кладе».

Люба уже управилась с нехитрым хозяйством и, забравшись с ногами на диван, лениво перелистывала «Курс минералогии», готовясь к очередному семинару. Зажав губами упавшую со лба прядь светлых волос, она рассматривала рисунки и не слышала, как дверь кабинета отворилась и на пороге появился Костя Голубев.

— И все-таки «дремовский клад» существует! — сказала она. — И мы его разыщем!

Она усадила Костю на диван.

— Дед заразился этой мыслью, — и восхищаясь и жалуясь, говорила Люба. — На старости лет собирается в экспедицию, хочет повторить свои поиски.

Костя не сомневался, что если старый геолог что-нибудь надумал, то будет по его!

— А вы, Любочка, готовитесь?

— Мой рюкзак всегда собран. А деда одного я никуда не отпущу. Он ведь без меня совсем как ребенок.

И Люба стала рассказывать о рассеянности дедушки. На днях, возвратившись вечером из института, он решил обрадовать внуку. Переступив порог, дед, как он это делал часто и раньше, приказал ей:

— Закрой глаза, открой рот. — Люба крепко зажмурила глаза, широко раскрыла рот и приблизилась к деду. Долго бы ей пришлось стоять в неудобной позе, если бы она не догадалась: опять что-то приключилось! Открыв глаза, Люба увидела, что дед вместо гостинца смущенно вертит в руках кассовый чек. Свой замысел угостить внуку шоколадкой он осуществил только наполовину — уплатил деньги. Тут его захлестнула новая мысль, пришла в голову нерешенная научная гипотеза, которая повела Максима Харитоновича от кассы не к прилавку, а домой.

Когда Люба торопливо собирала чай, шелкнул замок в коридоре, и дверь открылась. Максим Харитонович почти бегом направился в кабинет. Увидев Костю, геолог торжественно произнес:

— И все-таки «дремовский клад» существует!

Более двух часов просидели друзья в уединении. На этот раз сам Максим Харитонович завел разговор о

золоте, о Восточном Саяне, о «дремовском кладе». Подробно рассказав Косте то, что не укладывалось в рамки газетной статьи, геолог на прощанье сообщил, что его предложение об организации розыска «дремовского клада» принято и после утверждения Москвой он во главе группы научных работников и студентов уходит в Восточный Саян. Костя поздравил старика и крепко пожал ему руку.

АСПИРАНТ ГОЛУБЕВ

«Какая твердая убежденность в своей правоте, какая страстность доказательств! — восхищенно думал Костя о профессоре, неторопливо шагая к дому. — Порой кажется, что Максим Харитонович просто фанатик. Геологи всегда были, есть и будут следопытами, — вспомнил Костя слова профессора. — В тайге остается немало следов: затески на деревьях, разрушенные зимовья, стреляные гильзы. Надо искать следы истории, скрытые в архивах судебного делопроизводства, интересоваться рассказами старожилов, передаваемыми из уст в уста, перечитывать письма и документы, на счастье сохранившиеся у родственников и односельчан. И в этом вы, мой юный друг, как историк, должны мне помочь. Было бы бессмысленно включать вас в экспедицию: нам нужны специалисты другого плана. Каждый человек у нас на счету. Однако и здесь, не выезжая из областного центра, вы можете быть полезным нашему делу».

Профессор говорил так, словно видел в Косте сообщника по розыску «дремовского клада». И, пожалуй, в этом не было ошибки, зажечь Костю увлекательной идеей никогда не составляло труда, и сейчас он уже воспламенился.

«Будь уверена, Любушка, и там, в дремучей тайге, ты каждый миг будешь чувствовать тепло крепкого рукопожатия верного и преданного друга».

Занятый размышлениями, Костя не заметил, как оказался у подъезда своего дома. Но тут же решительно повернул назад.

Медлить преступно. Сейчас же в областной архив, запросить дело братьев Дремовых...

Седенький архивариус сквозь очки взглянул на запрос и недоверчиво перевел взгляд с бумаги на Костю.

— Уголовщиной интересуетесь, Константин Василь-

евич? — с оттенком фамильярности в голосе спросил архивариус. — Уж не повестушку ли детективную решили сочинить? Теперь это модно.

Тон вопроса не удивил Костю. Архивариус знал его еще студентом. За все годы учения в университете и аспирантуре Костя никогда не занимался уголовными делами. Другое дело — археология или древнее зодчество. Это была родная стихия молодого ученого.

Увлечение пришло в семнадцать лет. Костя участвовал во всех экскурсиях по памятным местам Сибири, занимался раскопками, искал писаницы и наскальные рисунки близ бурятских стойбищ, а через пять лет, окончив университет, был зачислен в аспирантуру на кафедру истории. Избрав тему научной работы — «Деревянное зодчество в Сибири», — Костя объездил всю область, разыскивая архитектурные памятники домостроения. Братский, Илимский, Усть-Кутский остроги, первые зимовья, положившие начало крупным сибирским городам, села в одну улицу на берегах рек, сохранившиеся в глухих деревнях часовни и молельни — древняя история народа оживала под пытливым взглядом исследователя.

«Чертежную книгу» Семена Ремезова, первого собирателя памятников деревянного зодчества, изображения строений, сработанных государевыми плотниками, Костя Голубев рассматривал часто и с большим удовольствием, хотя чертежи эти походили на рисунки, сделанные дошкольником без особого старания.

Костя мог неделями бродить по извилистым улицам сел, где каждая изба, погреб или баня повторяли друг друга и в то же время в деталях неповторимо отличались, как были различны характеры, интересы и достаток их строителей и хозяев. «Умели раньше строить с фантазией и риском. Попробуйте нынче построить дом без единого гвоздя, а сколько их таких, еще добротных строений, сохранилось в сибирских селах».

Материал для научной работы накапливался постепенно. Систематизировать и обдумывать все увиденное в стремительных поездках приходилось долгими ночами, когда коммунальная квартира, где Костя имел небольшую комнатку, умолкала до утра.

В Костиной комнатке уживались в тесном соседстве аккуратность и беспорядок. Всегда ровно заправленная постель, прибранный стол, свежий воздух и никаких по-

сторонних шумов. Беспорядок создавали книги, захватившие всю свободную территорию и выживающие своего владельца из комнаты. Не успевал Костя сделать генеральную уборку, как книги словно выползали из разных углов, высовывались из-под кровати, ломились через стеклянные дверцы шкафа. В расходной части Костиного бюджета покупка книг занимала чуть ли не половину. Сдерживать от этих затрат Костю было некому: у него не было ни родителей, ни родственников, ни близких друзей. Воспитывался он в детском доме, куда двадцать три года назад его, восьмимесячного, привез участковый уполномоченный милиции Василий Петрович Голубев. Он же дал Косте свои фамилию и отчество, рассчитывая усыновить его, когда мальчишка подрастет. Дважды приезжал добряк участковый к названому сыну с гостинцами и игрушками, часами просиживал он у кровати, где в тепле и чистоте лежал милый его сердцу маленький человечек. Но так и не довелось ему услышать детского лепета, увидеть первых шагов малыша: пистолетная пуля насмерть подсекла уполномоченного Голубева на одной из операций по ликвидации воровской банды. Тщетными оказались все попытки Кости разыскать хотя бы одного живого родственника: в этом ему не могли помочь ни органы милиции, ни персонал детского дома. Единственно, что ему удалось узнать у старой воспитательницы, помнившей, как его принесли, завернутого в рваную мешковину, — это то, что одет он был в розовую распашонку с вышитыми по вороту крестиками.

Постоянные поиски в архитектуре, в истории и даже в своей родословной воспитали в Косте усидчивость, упорство, привычку доводить начатое дело до конца. В истории с «дремовским кладом» Костя видел интригующее начало, загадку для исследователя.

Узнав от профессора, что многое о «дремовском кладе» можно почерпнуть в уголовном деле братьев Дремовых, находящемся в областном архиве, он зашел туда, чтобы ознакомиться с интересным делом.

Архивариус подал ему пухлый том, аккуратно переплетенный, с пожелтевшими от времени бумагами. Даже беглый просмотр их увлек молодого историка. Протоколы, свидетельские показания, справки, скрепленные печатями с первым советским гербом, расписки заинтересованных лиц, заявления и квитанции — все материа-

лы судебного производства, торопливо записанные корявыми буквами следователя или выведенные каллиграфическим почерком писаря с дореволюционным стажем, разжигали фантазию Кости, заставляя осмыслить и систематизировать просмотренные бумаги.

«Надо читать все сначала и подряд», — решил Костя.

ДЕЛО БРАТЬЕВ ДРЕМОВЫХ

На следствии братья Дремовы Степан и Иван до поры до времени держались стойко, уверенные в том, что никаких доказательств предъявленной им вины не существует, а следы преступления скрыты за тридевять земель, в глухом урмане.

А следователь на допросах без нажима, методичски, медленно, но верно воспроизводил все подробности трагедии, разыгравшейся в Тургинской долине.

Протоколы допросов Степана и Ивана Дремовых написаны коротко и просто. Никакой судебной казуистики, подвохов и ловушек дореволюционного судопроизводства. Костя узнал, что следствие вел бывший слесарь паровозного депо, сибирский красный партизан, доморощенный советский юрист Роман Гордеевич Глухих. Начало биографии Романа Гордеевича Косте доверительно сообщил дотошный архивариус, в молодости работавший вместе с Глухих в народном суде. Он же сообщил и адрес бывшего следователя.

— На пенсии он. Отдыхает. Вы к нему на квартиру наведаетесь. Интереснейший человек и неутомимый рассказчик.

Костя последовал совету архивариуса, и вот он на квартире старого юриста.

И раньше Костя часто проходил мимо этого нового четырехэтажного дома, со сказочной быстротой выросшего на берегу великой сибирской реки. «Дом старых большевиков» — называли его в городе.

Историк по профессии и романтик по призванию, Костя не мог побороть в себе чувства благоговения перед зачинателями революции в Сибири, когда переступил порог квартиры Глухих. Он рассчитывал увидеть сухонького старичка со впалой грудью, прикрытой ватным жилетом, и с тонкой жилистой шеей, укутанной теплым шарфом.

— Мне бы Романа Гордеевича, — обратился Костя к плотному мужчине в защитном френче, с седой шевелюрой, открывшему ему дверь.

— Я Роман Гордеевич, — глуховатым голосом ответил мужчина. — Чем могу служить?

Архивариус оказался прав: Роман Гордеевич целыми вечерами (днем ему часто приходилось участвовать в суде народным заседателем) страстно, увлеченно рассказывал бесчисленное количество историй из следственной практики. Костю интересовала только одна, связанная с братьями Дремовыми. И то, чего ему недоставало для полной ясности в архивных материалах, дополнил живой рассказ.

— За дело Дремовых долго никто не хотел браться. Улик никаких, одни подозрения. И если бы дело не было связано с золотом, гуляли бы братья-разбойники на свободе. Арестовали их сразу, как только из Тургинской долины пришел охотник-соболятник, случайно наткнувшийся на трупы убитых золотоискателей.

Первым «раскололся» младший — Иван, — продолжал Роман Гордеевич. — «Мы, — говорит, — только мы хозяева этого золота. За него батя голову положил и мы сами чуть не сгнули. Так нешто дадим пришлым людям поживиться ни за что ни про что, без драки отступимся от своего богатства? Нет, не имеем права отойти от дела. Оно покойным батей завещано нам». — «Темная твоя голова, — разъяснял я ему. — Это раньше были купцы да богатеи хозяева. А теперь все наше, народное. И твоя доля не пропала бы в общем государственном котле. А теперь ни себе, ни людям». — «Про это нам ничего не известно, — оправдывался Иван. — То, что батю Каинов сгубил, знаем. Так каиновская родня и сейчас при власти и поныне мутит воду».

Долго я думал над судьбой братьев Дремовых. Отец Дмитрий всю жизнь искал счастья для себя и для семьи да так и погиб, не изведав его щедрот полной мерой. Старший сын, Дмитрий, в отца уродился — смелый, решительный. Скорее интуитивно, чем сознательно, пошел он в партизанский отряд и в восемнадцатом сложил голову в неравной схватке с семеновцами. А эти два — Степан и Иван — как в поле обсевки. Никогда ни храбростью, ни порядочностью не отличались. Помощниками к Голикову сами напросились: дескать, дав-

но собираемся поискать отцовский клад, да спутья все не было. С тайгой и с Тургой знакомы, знаем кое-что поболее других. Перед выходом весь дом перетрясли, все искали план Турги, оставленный отцом в наследство, да так и не нашли. Видно, Дмитрий знал, что не след доверять тайну братьям, куда-то вовремя перепрятал чертеж, и теперь для людей он навсегда потерян. Попробуй отыщи его.

Из следственных материалов и рассказов юриста выяснилось, что Дмитрий Дремов и его семья жили в селе Убугун, в предгорье Восточного Саяна. Там и нужно искать родню Дремова, которая наверняка расскажет много интересного, даст ключ к раскрытию тайны «дремовского клада».

Костя через Глухих запросил Убугунский сельсовет о дремовских родственниках и в ожидании ответа решил несколько дней отдохнуть.

Однако отдыха не получилось, помешали неподвижные дела, неожиданные встречи.

ОГОРЧЕНИЕ ЛЮБЫ

Костя ходил по городу как очумелый, натываясь на прохожих и с опаской обходя сверкающие серебряной краской только что поставленные по обочинам тротуаров фонари-светильники. Не раз он слышал проклятия и видел недвусмысленную жестикуляцию шоферов, когда, зазевавшись, чуть не попадал под колеса автомашин. На центральной улице его дважды оштрафовал один и тот же милиционер за нарушение правил уличного движения, пригрозив, что в следующий раз отправит в отделение, где штрафом не отделаешься.

У книжной витрины, где Костя рассматривал новинки, его увидела Люба и, схватив за рукав, увлекла за собой.

Они уселись на скамейке в маленьком скверике, открытом солнцу, ветрам и взорам любопытных. Люба не дала даже слова произнести Косте, сбивчиво и торпливо высказывая свою обиду на деда, отказавшего ей в поездке с партией золотоискателей.

— Я и снаряжение себе приготовила, — захлебывалась Люба. Следовал подробный перечень всех экспедиционных принадлежностей. — Закалилась по системе йогов...

Люба продемонстрировала несколько дыхательных упражнений, уморительно сморщив при этом свое милое личико и требуя от Кости повторения за ней всех ее движений.

— Изучила курс иглотерапии...

Костя испуганно отодвинулся, опасаясь, как бы юная приверженка китайской народной медицины не вздумала провести над ним опыт лечения уколами.

— И вот все старания пошли прахом, — горестно заключила Люба. — Ведь не ради себя старалась, а ради дела.

— Не огорчайтесь, Любушка. — Костя полез в карман за блокнотом. — Дайте мне телефон начальника геологического управления. Я ему позвоню, попрошу вмешаться.

— Бесполезно, — опустила голову Люба. — Надо знать характер деда.

— И все-таки...

Костя выдернул из бокового кармана распухший от времени и записей блокнот и стал безуспешно искать в нем чистую страничку. Чего только не было на страницах блокнота: высказывания свои и чужие, забавные случаи из жизни, анекдоты и поговорки, чисто практические записи — адреса и телефоны, денежные долги, книги, которые надо было приобрести, даты, часы совещаний и консультаций.

В поисках места для записи Костя обратил внимание на дату, обведенную жирной чертой.

— Любушка, — закричал вдруг он, — через двадцать минут меня ждут на кафедре, а я в тапочках и майке!

Костя сорвался со скамейки с такой скоростью, которая не вызывала сомнения, что за двадцать минут он успеет сбежать домой и переодеться. О своем обещании помочь Любе он тут же забыл.

ПЕРВЫЕ ДНИ

Максим Харитонович сидел на корточках у костра, деревянной ложкой помешивал в ведре густо, до черна заваренный чай и негромко напевал полюбившуюся таежным странникам незамысловатую песенку:

На березовом костре
Чай варили мы в ведре.
Чай, настоящий на ветре,
На коре, на комаре.

Лагерь проснулся с первыми лучами солнца. Молодые помощники профессора заранее заготовили дров для костра, наполнили ведро звонкой ключевой водой, подвесили его над пылающими сучьями и теперь энергично плескались в ручье, смывая с заспанных лиц ночные сны. Священную обязанность заваривать утренний чай Максим Харитонович добровольно взял на себя. «Первая кружка чая должна взбодрить организм на целый день, — поучал он молодежь, — и поэтому всегда по утрам надо пить настоящий ароматный крепкий чай». Возможно, что это правило было более обязательным для стариков, молодежи достаточно несколько вольных упражнений и небольшой пробежки, чтобы получить зарядку бодрости на весь день, однако Максим Харитонович и был в таких годах, которые называют не старческими (боже упаси сказать такое в присутствии профессора), а преклонными.

Второй месяц маленький отряд золотоискателей разведывал ручьи по распадкам Тургинской возвышенности. Кроме Максима Харитоновича, в отряде было четыре человека. Первым помощником он назначил Григория Петровича Головина, инженера геологического управления, несколько лет до этого проводшего в поисковых партиях в Якутии. Два студента горного института — Сашко Швец и Игорь Колосовский проходили преддипломную практику. Проводником служил охотник из присаянского села Семен Сумкин.

Предложенный профессором на ученом совете геологического управления план сплошного обследования района Тургинских гор не получил поддержки — слишком много неудач потерпели предыдущие поисковые группы. Отказать профессору совершенно не решились и поэтому согласились на выход небольшой партии в составе четырех-пяти человек. Этим и объясняется то, что, несмотря на большую любовь и привязанность к внучке, Максим Харитонович не включил Любу в отряд, где каждый человек на счету, нужны крепкие, физически выносливые люди, способные перенести не только тягости таежной жизни, но и взять

на свои плечи солидный груз в прямом смысле этого слова.

Еще задолго до выхода в экспедицию члены ее усердно поработали над картой Тургинской долины.

Максим Харитонович поднял все геологические архивы. Григорий Петрович встретился со многими участниками поисковых партий, ранее выходивших в Тургу за золотом, и тщательно уточнил разведанные места. Сашко и Игорь занесли на карту все полученные сведения. И хотя на карте оставалось еще много «белых пятен», выбор первоначального маршрута определился сразу, Максим Харитонович длинным пальцем ткнул в район верхнего течения Шулака: «Начнем отсюда».

Отряду не пришлось пробиваться через непреодолимые преграды, форсировать водные рубежи, рисковать жизнью на головокружных кручах. Новенький вертолет геологоуправления за два рейса перебросил всех членов экспедиции, включая проводника и все ее снаряжение, в заранее намеченное место.

Портативная рация, надувная резиновая лодка, навигационные приборы, концентраты, скорострельное оружие, новейшие геологические инструменты облегчали трудности таежного похода. И все-таки это была тайга, злая, своенравная, неизведанная...

У костра лихая прыть:
Зашумит — и нечем крыть.
Подходи к костру, ребята,
Чай готов, извольте пить! —

дребезжал негромкий тенорок профессора, и последние слова звучали как команда: у костра собирались все члены экспедиции, и старый кудесник, словно сотворяя священнодейственный обряд, разливал дымящийся чай в алюминиевые кружки.

— А теперь по местам, — первым заканчивая чаепитие, больше по привычке, чем по необходимости, говорил он.

В приказе никто не нуждался, каждый твердо знал распорядок, свое место и свои обязанности. Сегодня в тайгу пошли Головин с Сашком Швецом и проводник Семен Сумкин. Максим Харитонович с Игорем Колосовским остались в лагере обрабатывать пробы вчерашнего поиска.

Сашко Шве́ц родился на Украине. Правда, он не запомнил родного села, где в светлой мазанке на берегу пруда выросло несколько поколений Швецов, домовитых землепашцев, приросших к своему клочку земли и хатке под вишенками. Смутно помнил Сашко бесконечные шляхи, душные от гаревого дыма, страшные от рева пролетающих над головой немецких самолетов. От бомбежки скрывались в лесу. Толпы беженцев бросали повозки с добром, наскоро схватив ребятшек и самое ценное из вещей и с трудом перебравшись через кювет, искали спасение от убийственных взрывов и вездесущих бомбовых осколков под кронами дубрав. Лес гостеприимно открывался для беженцев, подставляя под разрушительный огонь зелень кудрявых вершин, загораживал бурыми стволами людей от смертоносных осколков. Мать крепко прижимала Сашка к шершавой коре толстого дерева, прикрывая его маленькое тельце своим. На всю жизнь запомнилось мальчишке холодное прикосновение неподвижного дерева, длинные ветви, сурово нависшие над головой.

Вот и сейчас, прислонившись спиной к обгорелому пню, Сашко думал о лесе, вспоминая дубравы Украины, сравнивал их с сибирской тайгой. Там, в родных местах, где известен каждый клочок земли, каждый кустик и от одного дерева к другому протоптаны тропки, невозможно не только заблудиться, но даже надежно спрятаться, играя в «сыщики-разбойники». А попробуйте изучить сибирскую тайгу. Только прирожденные таежники вроде Семена Сумкина рискнут углубиться в лесные дебри без компаса и провожатого, а горожанам страшно и сунуться. Стоит отойти десяток шагов — и сразу заблудишься в замысловатом таежном лабиринте, каждая тропка которого ведет в такие глухие тупики, где ненароком можно повстречать избушку на курьих ножках или логово Кащея Бессмертного.

Сашко твердо усвоил одно правило: в таежных переходах инициатива вредна. Уж коли оставил тебя на одном месте, не трогайся с него, а терпеливо жди, когда вернется старший группы — Григорий Петрович, ушедший с Семеном Сумкиным вверх по ручью на рекогносцировку.

Такие выходы повторялись через день. Максим Харитонович взял себе в помощники Игоря Колосовского, а Сашка закрепил за Головиным. Попеременно они выходили парами разведывать окрестную местность, за несколько дней осматривая площадь в радиусе до десяти километров, рыли шурфы, брали пробы, искали сохранившиеся следы старых разработок. И только проводник Семен Сумкин каждое утро проверял свое ружье, пополнял боезапасы и, забросив за плечи мешок, в определенный час, когда солнечные лучи начинали поглаживать верхушки сосен, загородивших вход в палатку, покидал табор. Он шел не оборачиваясь, зная, что за ним следуют спутники.

Когда они останавливались, останавливался и Семен, чувствуя, что внимание профессора привлекла какая-нибудь незаметная постороннему глазу деталь или Головин берет образцы для исследования. Чутко вслушиваясь в шорохи полуденной тайги, Семен ходил с ружьем наперевес, готовый в любой момент отразить неожиданное нападение. Тайга вела себя спокойно. Так же спокойно заканчивался и этот день, когда Сашко раздумывал о лесных контрастах, ожидая прихода товарищей, оставших его у исходного пункта. Но день еще не кончился...

Когда Сашко открыл глаза, тряхнул головой, отгоняя неожиданно подкравшуюся дремоту, ему показалось, что задремал он всего на мгновение. Тогда почему же солнечные лучи не прочесывают сверкающими щупальцами притихший в полуденной дреме лес, а еле-еле касаются верхушек деревьев? А где же Григорий Петрович с Семеном? Почему они задержались дольше положенного срока? Сашко прислушался. Тихие всплески ручья успокоили Сашка. «Возвращаются», — подумал он и тут же усомнился: друзья ушли в верховье ручья, а всплеск слышался внизу. «Проверим, что за подозрительный шум», — решил Сашко, направляясь к единственной созданной природой запруде. Раздвинув кусты, Сашко застыл от удивления — в прозрачной ключевой воде стоял на задних лапах медведь, вглядываясь в каменистое дно. Резкий взмах сильной лапой, бурный всплеск — и оглушенный серебристый ленок выброшен на берег, где, извиваясь, как на раскаленной

сковородке, уже подпрыгивали на камнях несколько крупных рыбин. А «рыболов» высматривает в воде новую жертву, выбирая покрупнее, и с прежней живостью повторяет свои манипуляции.

Сашко медведей знал только по картинкам и детским сказкам. И, как это заведено исстари, во всех сказках медвежье племя выводилось добродушными зверями, немного неуклюжими и подчас глуповатыми, от которых хоть и не было большой пользы, но и вреда от них люди не видели. И все-таки это был живой, а не сказочный медведь, хищный зверь, который может не ограничиться постным блюдом из сырой рыбы, а вдруг да пожелает разнообразить свои меню им, Сашко. Парень хотел незаметно улизнуть, но было уже поздно, медведь заметил его и не только заметил, а заинтересовался невиданным доселе таежным обитателем. Что было на уме у медведя, когда он решительно направился в сторону Сашка — или возникло безобидное желание рассмотреть поближе незнакомца, или он хотел помериться силами, — об этом знал только зверь, но никак не Сашко. Парень всерьез перетрусил и дал стрекача. Сашко бежал, перепрыгивая через полусгнившие колоды, ломая на ходу ветки, грудью раздвигая подрост. Шум и треск, создаваемый им же самим, казался шумом погони и подхлестывал еще больше. Ему уже казалось, что за ним гонится не один медведь, а все звери тайги с единственной целью — настичь и разорвать на куски.

«Только бы не выдохнуться», — подгоняла его устрашающая мысль. А бежать становилось все труднее, дыхание прерывалось, сердце билось, как паровой молот.

Ноги вынесли Сашка на открытую поляну. Теперь можно оглянуться, но для этого надо остановиться, потерять дорогие мгновения, а с ними, может быть, и жизнь. И снова мелькают кусты, шиповник рвет рукава и полы выбившейся из-за пояса рубахи, ветки отвешивают крепкие оплеухи по бокам и шее. Сашко больно ударяется лбом о нависшее дерево, падает, раскинув руки, и в тот же момент что-то тяжелое наваливается ему на спину, вонзая острые когти в обессилившее, размякшее тело, задирает на голову рубаху.

В плацкартном вагоне Косте места не досталось. «За неимением гербовой пиши на простой», — подумал юноша, приобретая билет в общий вагон. Труднее всего было на посадке. Сотни студентов вместо каникул разъезжались по колхозам помочь в уборке урожая, хотя пора косовицы хлебов еще не подошла. Своих университетских студентов на вокзале не было. Перед самым отходом поезда, когда в вагоне были заняты не только полки, но и все проходы, Костя протиснулся в тамбур. Вскоре он пробрался в вагон и, пристроив свой чемоданчик между полок, уселся на него. О сне нечего было даже и помышлять, да и стоило ли располагаться на ночлег, когда до станции назначения было всего несколько часов. Чтобы не свалиться со своего шаткого сиденья, надо было балансировать руками при сильных толчках, когда поезд останавливался или трогался с места.

Костя вслушивался в неумолчный говор студентов, ловил отрывки фраз, слова песен. В одном конце вагона пели:

Ой ты, дорога длинная,
Здравствуй, земля целинная...

В другом — низкий девичий голос заводил:

Огней так много золотых
На улицах Саратова...

И все умолкали, зачарованные душевной песней...

— Ох и отосплюсь я после зачетов, — со сладкой зевотой в голосе высказывал кто-то свое сокровенное желание.

— Не спать едем, а вкалывать, — возражал юношеским баском ему сосед.

— На Луну все вакансии заняты, осталась одна на Юпитер.

— Мат в два хода...

И снова:

Скоро ли я увижу
Свою любимую в степном краю...

Костя не ввязывался в разговоры. В командировку он ехал без желания, хотя значилась она научной. Еще несколько часов тому назад он сидел в скверике с Лю-

бой, выслушивая ее жалобы на деда, а тут на тебе — сразу поезжай в какую-то глухую таежную деревню и восполняй пробел в своей научной работе исследованиями эволюции перехода от четырехстенных домов к пяти- и шестистенным именно в той единственной деревне, где расположен колхоз «Заря».

Подспудно Костю угнетала мысль: Люба огорчена, а он, вместо того чтобы ее утешить, сорвался как оглашенный и даже не простился. К тому же еще обманул, обещал позвонить в геологоуправление, а сам...

Не все было ясно и с дремовским делом. На запрос, посланный в Убугун о родственниках Дремова, ответ не поступил, но он мог прийти каждый день и принести такое, что могло бы повлиять на успешное окончание экспедиции профессора Котова, который в тайге ждет не дожидается от него, Кости, наводящих к «золотому водопаду» ориентиров.

ДОРОЖНОЕ ЗНАКОМСТВО

Бодро шагающего по проселочной дороге Костю подобрал попутный грузовик. Машина затормозила, когда Костя отскочил к обочине дороги, отмахиваясь от поднятой тучи пыли, как от полчища мошки. Одна из девушек, сидевших в кузове, приняла чемодан и услужливо протянула руку, предлагая помочь взобраться в машину.

Девичья помощь в такой несложной операции показала Косте оскорбительной, и, желая показать свою ловкость, он уперся одной ногой в колесо, ухватился за борт и резким толчком перебросил тело в кузов. Красивого приземления не получилось. Правая нога зацепилась за борт, и Костя плюхнулся на дно кузова. Машина по сигналу второй девушки тронулась, и Костя, неловко балансируя, поднялся на ноги.

— Таня, — протягивая руку для знакомства и с трудом сдерживая смех, проговорила услужливая девушка обескураженному путешественнику.

— Костя, — не сказал, а простонал неудачливый пассажир, с опаской поглядывая на свои руки в ссадинах и занозах.

— Что, кости не в порядке? — обернулась от кабины до того молчавшая девушка, и в ее вопросе почувствовался профессиональный интерес.

— Нет, кости в порядке, а вот руки подгуляли. Это зовут меня Костя. Голубев Костя.

— Ну что ж, займемся руками, — роясь в чемоданчике, все с тем же интересом ответила девушка и властным голосом (выдающим начинающего эскулапа) приказала Косте сесть на скамейку рядом с собой.

Но Костя успел уже прийти в себя.

— Простите, доктор, входя в ваш кабинет, я по рассеянности не обратил внимания на бронзовую табличку с вашей фамилией и инициалами.

— Зовите меня Кухтарева. А в неофициальной обстановке — Ольга.

Костя не мог понять, к какой категории отнести сложившуюся обстановку, и все время, пока Ольга Кухтарева с поразительной ловкостью вытаскивала из его ладони занозы и заливала ранки йодом, старался молчать. Мысленно он чувствовал себя на приеме у врача, следовательно, в официальной обстановке. И в то же время звать этого милого медика сухо и официально «товарищ Кухтарева» у него не поворачивался язык. Исподтишка Костя разглядывал девушек. Таня — смуглая, худенькая, с круто изогнутыми бровями над большими черными глазами, отчего лицо ее казалось постоянно изумленным, — успевала вовремя подать Ольге йод, вату, пинцет. А та спокойно, словно перевязка шла не на тряской машине, ныряющей по ухабам и рытвинам, а во врачебном кабинете, делала свое дело. Округлый овал лица, в меру полные руки, теплый серый взгляд вызвали симпатию. Мягкие прикосновения пальцев Ольги успокаивали боль.

— Это сестра, доктор? — спросил Костя, указывая на Таню, когда Ольга заканчивала врачебную процедуру.

— Однако вы тонкий физиономист, — ответила Ольга. — Да, Таня моя родная сестра.

Тщеславие не позволило Косте исправить ошибку Ольги. Видя согласованные действия двух девушек, он решил, что Таня медицинская сестра.

Машина петляла по просеке в сплошном зеленом туннеле, где кроны деревьев почти смыкались над головами пассажиров. Солнце не проникало на заросшую травой малонаезженную дорогу, и лужи от прошедших дождей стояли здесь неделями даже в сухую погоду. Потоки воды, выбрасываемые из-под колес, казались раскину-

тыми крыльями гигантской птицы. Таня каждый раз отскакивала от борта на середину кузова, как только поднимался фейерверк брызг. При этом она тихо вскрикивала, еще круче поднимая брови и еще больше расширяя круглые глаза.

— Вы до Убугуна? — возобновляя прерванный разговор, спросила Ольга.

— Чего, чего? — удивленно посмотрел на нее Костя.

— Ну, до села, где расположено правление колхоза «Заря»?

— Разве это село называется Убугун?

— А что в этом удивительного?

— Это не удивительно, а умопомрачительно. — Костя вскочил со скамейки.

— Больной, спокойно, — схватила Ольга юношу за руку. — Завтра в девять утра на перевязку, а пока...

Слова Ольги прервал резкий толчок. Машина, на полном ходу врезавшаяся в лужу с невидимой предательской ямой, остановилась как вкопанная.

Шофер, невозмутимый, как все шоферы, привыкшие к дорожным неприятностям, выглянул из кабины и равнодушно произнес:

— Без трактора не выскрестись. Пойду-ка за помощью в шестую бригаду к Силантьеву, он здесь где-то поблизости пары поднимает.

— Погоди, Яша, я с тобой, — слышался голос доселе невидимого пассажира, и из кабины вывалилась грузная фигура в брезентовом плаще, полувоенном картузе и охотничьих броднях.

— Вы, девушки, полюбезничайте с кавалером, а я скоро.

— Кто это? — спросил Костя, когда чавкающие в луже шаги удалились.

— Председатель колхоза «Заря» Каинов Савва Елизарьевич.

Глаза у Кости расширились: Убугун... Каинов... Кухтарева... Масса совпадений... Может быть, это все назойливо кажется после знакомства с делом Дремовых?

Ведь, как известно, жили братья в Убугуне, отца их погубил деревенский староста по фамилии Каинов, а девичья фамилия жены старшего брата, Дунюшки, была, кажется, Кухтарева. Или это день совпадения не-

обыкновенных случайностей, или судьба выводит его прямо на тропу удачи.

— Савва Елизарьевич — человек веселый. Выдумщик необычайный, советую познакомиться, — попыталась заинтересовать Ольга Костю.

Костя протестующе мотнул головой, ему не до веселья, хотя настроение торжественно-приподнятое. Какие могут быть сейчас байки и забавы, когда он приближается к Убугуну!

Немного помолчав, Костя решил идти напрямую. Изобразив на лице таинственное выражение, он произнес заговорщическим тоном:

— А вы знаете, что ваше село Убугун таит ключ к старинной загадке?

Подвижная, любопытная Таня вскинула брови. Ее желание услышать сенсационную новость было понятным без слов, Ольга заметила равнодушно:

— Ничего в Убугуне нет, кроме грязи по колено да бабьих сплетен.

Обескураженный скептицизмом Ольги, Костя замолчал. Настороженный взгляд Тани молил его продолжить.

Но Костя не торопился. Он ждал, когда в сером Ольгином взгляде сверкнет хотя бы одна живая искорка.

— Видите, девушки, — обратился он сразу к обеим сестрам, хотя явное любопытство проявляла только одна младшая. — Уж если человек прикоснулся к тайне, он не может чувствовать себя свободным. Слово «тайна» говорит само за себя.

Как показалось Косте, маневр его удался. Ольга подняла до этого безучастные глаза и прямо посмотрела на Костю. «Сейчас она начнет умолять меня раскрыть тайну», — промелькнуло в Костиной голове.

— Какая еще тайна, — удивилась Ольга Кухтарева, — мы, например, правнучки легендарного Дмитрия Дремова. Слыхали о таком?

Появись сейчас перед глазами Кости сам беглый каторжник Дмитрий Степанович Дремов, он был бы менее поражен, чем поразили его строгие слова Ольги. И, странное дело, они не разочаровали его своей прямотой и резкостью. Встреча с девушкой, ее откровение — это, быть может, те недостающие звенья в деле братьев Дремовых, которые дадут ему, Косте Голубеву,

аспиранту-историку, ключи для раскрытия тайны, помогут экспедиции профессора Котова разыскать потерянный клад.

— Вот и хорошо, — проговорил он торжественно, — мне кажется, что вы, Ольга, посланы мне самим богом. Теперь-то мы разыщем «дремовский клад»!

— Ой ли! — засмеялась Ольга.

Вдали послышался размеренный шум тракторного мотора. С каждой минутой шум нарастал, председатель колхоза и шофер спешили на выручку застрявшей в грязи машине.

«Еще немного — и я буду там, откуда начинается тропа к золотому водопаду», — думал с азартом Костя. Он и впрямь уже решил, что в Убугун он едет не с миссией научного освоения архитектурного наследия, а для розыска клада Дремова.

Раздвинув кусты, на обочину выполз маленький юркий трактор. Бесстрашно перевалив кювет, он встал перед машиной. Тракторист подал шоферу конец металлического троса с крюком. Трос натянулся как струна; машина долго раскачивалась в такт рывкам трактора, затем неуверенно тронулась с места. Шофер с дьявольской быстротой и ловкостью, переключая одновременно скорость, крутил баранку, стараясь вывернуть передние колеса машины из разбитой колеи на твердую почву.

Наконец это ему удалось, машина встала на твердый грунт, готовая сорвать старт. Над бортом показался картуз Саввы Елизарьевича, из-под козырька которого насмешливо мерцали прищуренные глаза.

— Откуда, хлопчик? — по-хозяйски спросил он Костю, обескураженно умолкшего.

— Из Иркутска, — повернул к председателю голову Костя.

— Рады завсегда гостям. Однако сейчас недосуг, покалякаем как-нибудь опосля. Поехали, Яша, — открывая дверку кабины, сказал он шоферу.

Фары автомашины выбрасывали свет далеко вперед: мелькали придорожные изгороди в четыре жерди; запыленная листва, потеряв свой первозданный зеленый цвет, уныло качалась на невысоких прутьях. Из-за поворота показались огни большого села.

— Вот мы и дома, — сказала Ольга. — Дом колхозника в переулке, — добавила она. — Будет время — заходите, познакомлю с дремовской родней.

Последние слова Костя услышал, когда грузовик тронулся. Он быстро рванулся вдогонку, но, убедившись в бесполезности своей попытки, направился к светлым окнам, манившим на ночлег.

ВО СНЕ И НАЯВУ

Несмотря на позднее время, дежурная Дома колхозника не спала. Костя подчеркнуто вежливо поприветствовал ее, извинился за поздний визит, справился о ночлеге.

— Выбери любую комнату, милый, — певучим голосом предложила дежурная, — хошь ту, в которой райкомовцы ночуют, хошь ту, где проезжие шофера спят, — она поочередно распахнула обе двери, ведущие в спальные комнаты, отличающиеся внутренним убранством и количеством коек.

Костя выбрал «райкомовскую». Его выбор в пользу «райкомовской» решили приглянувшиеся ему зеленые плюшевые одеяла с крупными затейливыми цветами, которыми были застелены кровати, и ночная лампа на тумбочке в изголовье одной из них.

— Рассчитаетесь утресь, — не спрашивая ни фамилии, ни документов, сказала дежурная, пожелав заезжему гостю спокойной ночи.

Ночь спокойной не получилась. Встревоженный массой совпадений еще в дороге, он, теперь окунувшись в мягкую постель, долго не мог уснуть, перебирая в памяти все, что сказала ему Ольга Кухтарева.

«Убугун... Каинов... Кухтарева...», «Каинов... Кухтарева... Убугун...» — повторял он пересохшими губами, пытаясь связать в единую цепь ставшие ему только сегодня известными звенья. Но звеньев было недостаточно, цепь все время разрывалась, и это мешало Косте уснуть. Усилием воли он заставил себя смежить веки и применить испытанное средство, способное убаюкать любого, действующее безотказно, как снотворное: «Один верблюд идет... два верблюда идут, — шептал он в полудреме. — Три верблюда идут...»

Костя оторвал голову от подушки. В дверном проеме, освещаемый со спины светом из коридора, стоял человек. Костя кулаками протер глаза. Тщетно, видение не исчезало. Потом он вскочил с кровати, прибли-

зился к человеку, с явным намерением выяснить отношения.

— Зачем приехал? — спросил человек глухим голосом.

Костя молчал. Он потерял дар речи, онемел. Его попытка ответить незваному гостю захлебнулась, из гортани вырвался петушинный клекот. И вдруг его осенило. Ведь это же Дмитрий Дремов собственной персоной. Тот самый убугунский фартовый золотишник, который открыл тургинские сокровища. Таким он и жил в его представлении с самого первого дня, после того как профессор Котов поведал ему о тайне «дремовского клада». Острове́рхая шапка, поношенный охотничий зипун, ичиги выше колен, прокалывающий взгляд серых глаз, дымчатая борода и пепельные усы, властные движения человека, не привыкшего подчиняться другим.

— Дай руку, — глухо сказал Дмитрий Дремов.

Костя хотел отдернуть руку, но не успел. Прикосновение руки Дремова было мягким, легким. Он как бы приглашал следовать за собой. И Костя пошел.

Выйдя из Дома колхозника, они сразу оказались в глухом лесу. Сплошная темнота преградила дорогу, и лес казался совсем непроходимым. Дремов раздвинул лапчатые ветви ельника, и путники вышли на поляну, залитую солнцем. Поляну пересекал светлый ручей, по берегам которого росли цветы, крупные красные цветы, напоминавшие канны, которыми Костя любовался в крымских парках, отдыхая как-то на Черноморском побережье.

В центре поляны, в позе трех граций, тесно прижавшись друг к другу, о чем-то своем, сокровенном шептались: внучка профессора Котова Люба и сестры Кухtareвы — Ольга и Таня.

Дмитрий Дремов без задержки провел его мимо девушек, не обратив на них никакого внимания. Стоило Косте оглянуться назад, и видение исчезло, на том месте, где шептались девушки, стояли три великолепных сосны, раскинув приветливо, словно для объятий, ветви, опушенные хвойными ресницами.

А Дремов звал его за собой дальше, торопя нетерпеливыми немymi знаками.

«Залп!» — крикнул Дремов, когда Костя приблизился к нему, и по этой команде вспыхнул гигантский фейерверк, подобный которому Голубев видел только

однажды в Москве, когда на Красной площади отмечали годовщину Дня Победы. Только этот фейерверк был еще грандиознее. Бесчисленное множество ракет непрерывно стартовало из-за гребня леса и, описав крутую параболу, опускалось на солнечную поляну. Ракеты опускались уже не разноцветными блестящими, а тонкими струйками расплавленного золота.

— Золотой дождь, — недоуменно поглядел Костя на Дремова. — А где же золотой водопад?

Дремов, протянув руку в сторону заснеженных вершин Тургинских Альп, тихо шевельнул губами:

— Там.

Утром Костя долго вспоминал подробности дивного сна, восстанавливая в памяти все его детали. Сестрам Кухtareвым о ночном видении он решил не рассказывать.

ПЕРВАЯ РАЗМОЛВКА

Семену Сумкину не нужно было пояснять ничего. Когда вернулись они с Григорием Петровичем к месту, где оставили Сашка с лишним грузом, проводник сразу обнаружил следы медведя-рыболова и понял причину исчезновения младшего товарища. Он тут же установил, что паника Сашка оказалась ложной: медведь преспокойно поужинал рыбой, недоеденную часть улова он собрал в кучу, рассчитывая на утренний завтрак, завалил ее валежником и отправился восвояси. Семен указал Григорию Петровичу на свежие следы. Мох, прижатый медвежьими лапами, еще не успел распрямиться, вмятины следов отстояли одна от другой совсем близко.

— Хозяин-то не испугался, не то что паря Сашко, — показывая на ошипанную черемшу и брусничник на пути медведя, сказал Семен.

Григорий Петрович и сам видел, что медведь шел не торопясь, останавливался около свалившихся деревьев, сдирал с них гнилую кору, доставал из-под нее приютившихся там муравьев и жучков.

— Завтра, Петрович, медвежатиной полакомимся, скараулим мишку, когда он завтракать к ручью придет.

— Не о том говоришь, Семен. Надо Сашка разыскивать.

— Да он, поди, уж давно на таборе, штаны сушит, — ехидно заметил проводник.

— Сашко тайги не знает, ему одному и до табора не добраться.

— Однако надо проверить. Сейчас в сутеми его и следов не найдешь.

Григорий Петрович несколько раз с небольшими интервалами выстрелил в воздух, рассчитывая, что Сашко затаился где-нибудь поблизости и выйдет к ним на звуки выстрелов. Тайга отвечала глухим эхом.

— Я останусь здесь на ночевку, а ты иди до табора, проверь, нет ли там Сашка! — скомандовал Семену Григорий Петрович. — Если нет, к утру все сюда.

Семен скрылся в ночной тайге, а Григорий Петрович до утра бодрствовал у неяркого костерка, временами постреливая холостыми патронами.

Сашко не объявлялся. Не оказалось его и в лагере. Максим Харитонович, Игорь и Семен, утром придя к месту исчезновения Сашка, ничего не могли сказать определенного.

Разыскивать Сашка по следам, оставленным на податливом таежном грунте, по изломам хрупких ветвей ушли Семен Сумкин и Игорь Колосовский. Профессор и его помощник остались у злополучного ручья, чтобы исследовать пробы, накануне взятые Григорием Петровичем и вызвавшие интерес у Максима Харитоновича своим необычным цветом.

— Не будем терять времени, — стараясь казаться спокойным, проговорил профессор, вооружаясь портативным микроскопом.

Спокойствие давалось с трудом. Григорий Петрович скорее ощущал, чем видел мелкую дрожь сухих жилистых рук старика, когда Максим Харитонович передавал ему очередную пробу для наклейки ярлыка и записи результатов в журнале.

Рудопроявлений золота не обнаруживалось. Геологи решили отдохнуть. Прикурив от одной спички короткие трубки-носогрейки, прозванные таежниками «трубкой-душегубкой», так как дым из нее предназначался для уничтожения комаров и мошки, геологи заговорили.

— Чую я, Григорий Петрович, — начал профессор, — что крутимся мы вокруг да около «дремовского клада», и не землю нам рыть надо — всю тайгу не перекопаешь, — а искать приметы, оставленные беглым каторжником, его зимовье, старательские ямы, бутару, скребки.

Собеседник молча кивал головой, как бы соглашаясь с профессором, хотя в мыслях у него было совсем другое.

Свое участие в экспедиции Головин расценивал как практическую работу для подготовки кандидатской диссертации. Всякое отклонение от намеченного плана лишало его возможности собрать нужный материал.

«В Саянах — вся периодическая таблица Менделеева, — напутствовал Головина один из наиболее ярых оппонентов Котова. — Внесите свою долю в доказательство этого утверждения — и степень кандидата у вас в кармане. Со стариком не церемоньтесь. Строго и последовательно проводите свою линию. Информлируйте управление, всегда встретите поддержку».

Эти слова Головин воспринял как инструкцию и сегодня готов был дать первый бой профессору Котову. Однако, пока Максим Харитонович не выложил всех своих доводов, в спор вступать было рано.

Удача Дремова вряд ли повторится. Природа щедро одарила его за пережитые годы скитаний, открыв его глазам золотой водопад. Нынче золото с неба не падает, в поисках добычи на фортуна не надейся, а сам не плошай. За десятки лет в Тургинских гольцах, подверженных повышенной сейсмичности, произошел ряд изменений наружной структуры скальных поверхностей, водопад переместился, нашел себе новое русло, золотоносный ручей пересох, и время — неутомимый и старательный работник — медленно, надежно укрыло сокровище толстым слоем из песка, гравия и глины.

Григорий Петрович молча смотрел в землю. А профессор продолжал говорить тихо, размеренно, как будто находился в студенческой аудитории и консультировал внимательных слушателей по любимому предмету:

— Есть у меня хороший друг, молодой аспирант Костя Голубев. Историк. Фанатически любит свою профессию, его любимое занятие — копаться в архивах. Пишет диссертацию «Русское деревянное зодчество в Сибири». Готов часами простаивать возле «горбатого дома» в Иркутске, изучая архитектурные линии мастеров плотничьего дела семнадцатого века. Каждое лето мотается по самым отдаленным селам и деревням в поисках новых образцов деревянного строительства. Вид сторожевых башен Братского острога для него

приятней созерцания металлических ферм Эйфелевой башни. Вот он нам поможет...

«К чему завел еще этот разговор старик?» — с досадой думал Григорий Петрович, пощипывая тонкими губами корневнице сладковатой на вкус травки папоротника.

— Не вижу связи между золотом и зодчеством, кроме совпадения первых двух букв, — впервые возразил профессору его молчаливый собеседник.

— К поискам «дремовского клада» нужен не только геологический, но и исторический подход. Представьте себе, Григорий Петрович, этот фанатик решил перебрать все архивы полувековой давности, связанные с именем Дремова, его сыновей и последователей, и заявил, что с максимальной точностью укажет место зимовья беглого каторжника, не выходя из своей квартиры.

— Любопытно, — резюмировал Григорий Петрович. — Что же заставило вас сейчас вспомнить о предположении вашего юного друга?

— Мысль о том, что Костя во многом прав, а я пока не воспользовался его помощью.

Григорий Петрович удивленно посмотрел на профессора. Только преклонение перед авторитетом и возрастом Максима Харитоновича удержало его от мысли, что старик спятил с ума. Однако азарт спорщика порой не считается с авторитетами, и возражения невольно вырвались из уст Григория Петровича.

— А не кажется ли вам, профессор, что неудачи поисков плюс исчезновение одного из членов экспедиции, за которого мы все в ответе, приводят вас к ошибочным выводам?

— За Сашка я почему-то не опасаюсь. Сейчас зверь его в тайге не тронет, с голоду не погибнет. Семен разыщет его. Что касается неудач, так мы не первые и не мы последние. Если бы все поиски геологов слагались только из сплошных удач, каждый бы старался стать таким удачливым геологом.

— Все же я не согласен с вами, профессор, что нам нужно изменить методу дальнейших поисков. Наше управление интересуется геологическая карта Тургинской долины. Чем больше заполним «белых пятен» на ней мы, тем легче будет продолжать поиск последующим партиям.

— Экспедицией поручено руководить мне, и позволъ-

те... Впрочем, я ничего не меняю, кроме того, что хочу воспользоваться помощью историка Голубева...

Неизвестно, как бы продолжался спор двух геологов, когда старший уже перешел на безапелляционный тон начальника, а младший продолжал сопротивляться, если бы он не был прерван появлением на берегу ручья вчерашнего медведя-рыболова, испугавшего до смерти Сашка. Зверь, неуклюже переваливаясь с боку на бок, пробирался к месту захороненных им припасов рыбы.

Григорий Петрович схватил двустолку и бросился к медведю. На ходу передергивая затвор винтовки, следом за ним поспешил Максим Харитонович. Не ожидая опасности, медведь встал на задние лапы, с любопытством разглядывая бегущего к нему человека. Заряд, угодивший прямо в грудь зверю, разъярил его. Уже не любопытство, а отместка обидчику подстегнули медведя. Григорий Петрович видел бурую шерсть, кровавыми клочьями повисшую на могучей груди, чувствовал отвратительный запах, вырывающийся вместе с хриплым ревом из разинутой пасти, почти физически ощущал на своем теле растопыренные когти, темным ожерельем окружившие широкие лапы. Нажав спусковой крючок перед самой мордой взбешенного зверя, геолог не услышал выстрела. Прозвучал он позже и откуда-то сбоку. Падая, подминаемый тушей мертвого зверя, Григорий Петрович не видел своего спасителя. Страшная тревога в глазах Максима Харитоновича сменилась ухмылкой.

ДОМ С «ЦАРСКИМИ ВОРОТАМИ»

Председательский «газик» дважды предупреждающе просигналил, но человек, стоявший посреди дороги, даже не шелохнулся.

Савва Елизарьевич, открыв дверцу машины и высунувшись до пояса, грозно крикнул:

— Что за памятник нерукотворный здесь объявился?

— Гражданин, вы здешний? — вопросом на вопрос ответил человек, стоящий на дороге, и, вдруг смутившись, извинился: — Простите, товарищ председатель.

— А, это ты, хлопец, — выйдя из машины и протянув Косте руку, дружелюбно проговорил Каинов. — Что это ты так загляделся на врачихины окна, аж сигналов не слышишь.

— Так это дом Ольги Архиповны?

— Ее, ее, по наследству от прадеда достался.

Костя будто очнулся ото сна. Ну и домина: охлупень с диковинным коньком, узорчатая причелина, украшенная кружевной резьбой, глухой забор с «царскими воротами». Этот дом показался ему уже давно знакомым, он издавна жил в его воображении. Чертовски повезло: это то, чего не хватает для научной работы, — редкий экземпляр, архитектурная находка. На какое-то время Костя забыл о «дремовском кладе», о Любе, покинутой им в городе, об экспедиции, блуждающей в тайге, не видя вокруг себя ничего, кроме высокого дома, не слыша даже сигналов автомашины.

Савва Елизарьевич торопился. И все-таки любопытство задержало его еще ненадолго.

— Я и не спросил, по каким делам приехал ты в наши края, — обратился он к Косте, протягивая открытый портсигар.

— Спасибо, не курю, — отклонил угощение Костя. — А приехал по архитектурным делам, научный работник я.

— Ну что ж... Вечерком заходи в правление, покалякаем. Может, чем полезен буду.

— Заранее признателен, — прижимая руку к сердцу, раскланялся Костя и долго еще стоял возле Ольгиного дома в клубах едкой пыли, взвихрявшейся под колесами беспрерывно снующих автомобилей.

Из очарования его вывел звонкий голос Тани:

— Здравствуйте, Константин Васильевич! Как хорошо, что вы сами нашли наш дом. Пойдемте, я вас завтраком накормлю.

Костя попытался отказаться:

— Спасибо, Танюша, я уже перекусил в Доме колхозника. Да и неловко заходить к вам, Ольга Архиповна будет недовольна.

— А ее и дома нет. Она уехала на срочный вызов в Хармыган. Проездит не меньше двух дней. Даже бабушку и тетку прихватила с собой погостить у родственников. В доме я совсем одна.

— Тогда пойдемте.

Пока Таня жарила яичницу, Костя неторопливо обошел комнаты, занося в блокнот их расположение, изучил устройство сеней, обследовал потолочные балки, слазил в подполье, с улицы зарисовал узоры на кар-

низах и облицовочные украшения окон. Наконец ему потребовалась лестница и электрический фонарик, чтобы осмотреть стропила и чердачные перекрытия.

— Потом, потом, — запротестовала Таня. — Глазунья готова, прошу к столу.

ОБМАНЧИВАЯ НАХОДКА

С чердака Костя смотрел на сгорбленные крыши старых домов, покосившихся банек, длинных сараев, сеновалов. Крытые почерневшими от времени дранинами, они выглядели мрачно. На фоне темных крыш, словно воскресный день среди будней, выделялись редкие светлые островки шиферной кровли.

— Это сельсовет и правление колхоза, — показывала Таня, стоявшая рядом с Костей на чердаке, — а это дом председателя.

Но Костю уже не привлекали крыши. Он вглядывался поверх них в далекие Саяны. Светлый прозрачный воздух скрадывал очертания горных вершин, сливался с вечными снегами, осевшими на острых пиках.казалось, горы обезглавлены и начинаются с середины, с глубоких безжизненных кратеров.

Мглистая дымка опоясала подножие хребта, струилась в распадки, клочьями цепляясь за гигантские выступы на горных склонах.

Где-то там кочует от привала к привалу Максим Харитонович со своими помощниками, оставляя после себя лишь следы костров да колья от палатки. А может быть, он сию минуту стоит на берегу заветного ручья, торжественно вознеся руки к зениту, словно подставляя их под струи золотого водопада, набирая полные пригоршни желтого металла. Старик, наверное, улыбается, как бы желая сказать всем своим незримым оппонентам: «Кто был прав? А все-таки «дремовский клад» существует!»

Костя так уверовал в свои предположения об удачливом завершении поисков профессора Котова, что на какое-то мгновение отрешился от своих надежд открыть загадку водопада. Архитектурные находки вновь увлекли историка.

— Танюша, светите мне фонариком, а я буду рисовать, — сказал он, устраиваясь как можно удобнее с блокнотом на коленях.

Таня покорно выполняла Костины просьбы: резвый лучик фонаря, как солнечный зайчик, перебегал со стропильных ног на потолочные балки, ввинчивался в пересечения вертикальных стоек и подкосов, равнодушно скользил по шершавой поверхности глинобитной заливки. Костя менял позицию, и снова светлый лучик метался по чердаку.

— А что там в углу навалено? — спросил Костя, заканчивая зарисовки и складывая блокнот.

— Я и сама толком не знаю. Посмотрим.

— Э, да тут священные реликвии! — удивился Костя.

— Точно, — подтвердила Таня. — Помню, как-то Ольга брала отсюда иконы и лампадку для спектакля в клубе, да, видно, не все унесла, еще остались.

Ради любопытства Костя разглядывал мученические лики святых, поднося иконы к чердачному окну. Иссошенные постом лица, опущенные долу глаза, молитвенно сложенные руки, мишура и позолота, полированные рамы с запыленными стеклами и навсегда въевшийся дух ладана. Единственный раз Костя был в церкви по поручению комсомольской организации института — убедиться, что действительно один из комсомольцев венчается с «рабой божьей» по-православному. И снова пахнуло на него духом, донесшимся как будто из потустороннего мира. Икона, которую он держал, вывалилась из рук. Рассохшееся дерево разлетелось в щепки, изображение Николая-чудотворца отделилось от рамки, святой сердито смотрел из-под нависших седых бровей на вероотступника.

Ругая себя за неловкость, Костя стал собирать развалившуюся по частям икону.

Неожиданно руки его натолкнулись на кусок мягкого картона, таившегося за спиной чудотворца.

— Это еще что за штука? — спросил Костя, расправляя на коленях находку.

— Н-не знаю, — почему-то испуганно ответила Таня, не отводя фонарика от Костиных рук.

— А ну-ка мигом вниз! — опережая спутницу, устремился Костя к лестнице.

Надпись, нанесенную на кусок картона, понять было трудно: какие-то черточки на ней сходились и расходились, кружки и крестики, расположенные без всякой системы, еще больше запутывали загадку. Как быть? Может, здесь изображена схема, указывающая дорогу

к «дремовскому кладу»? В следственном материале по делу братьев Дремовых есть показания, что такой рисунок был сделан отцом и владел им только старший брат Дмитрий. После неудачного похода братьев в Тургу мать их Галина Федоровна спрятала рисунок за икону, но в последующем ни Степан, ни Иван не могли его найти, хотя перед выходом с отрядом Голикова перерыли весь дом.

Неужто к Косте пришла удача?

Но сколько ни бился Костя над расшифровкой загадочной надписи и рисунка, понять ничего не мог.

Распрямить и выровнять кусок картона без ущерба для изображения можно было только в мастерской реставратора, а прочесть, расшифровать надпись — в криминалистической лаборатории. Костя аккуратно запаковал находку в плотный конверт и в тот же день отправил ее с подробным письмом Роману Гордеевичу Глухих. Юристу он верил, но все же не удержался и сделал в конце письма маленькую приписку: «Надеюсь на вашу помощь. Результаты жду телеграфом в Убугуне».

Каково же было разочарование Кости и Тани, когда Глухих на четвертый день сообщил по телефону, что присланная ими загадочная надпись представляет бесспорный интерес для ученых-богословов. На карточке — несколько строчек одной из забытых библейских легенд Ветхого завета.

«ЧАЛДОНСКАЯ ШУТКА»

Медленно продвигались по тайге Семен и Игорь, опасаясь потерять еле заметный след Сашка. Игорю, городскому жителю, воспитанному в интеллигентной семье, лес был знаком только по выходам в детские годы за грибами и ягодами, и то в сопровождении родителей, в районе собственной дачи, где даже при большом желании невозможно было заблудиться.

Он шел след в след за Семеном, часто останавливаясь, когда проводник вглядывался в окружающие предметы, разыскивая следы, оставленные Сашком. Вот вмятая в землю кованым каблуком Сашка трава, сдвинутый с места камешек, обломанный сучок, ободранная кора на ветке, лафтак от его рубахи, вырванная с мясом пуговица, сбитый носком ботинка свежий гриб, след ноги, провалившейся по колено в сгнившую колоду.

Страницы одному ему понятной книги перелистывал Семен, вслух читая их содержание Игорю. С чувством заметного превосходства разъяснял он, что значат все эти знаки, заменяющие в тасжной рукописи буквы, слова и целые предложения.

Игорь удивлялся простоте тасжной азбуки и, огорченный своим невежеством, сравнивал Семена с известными следопытами, сошедшими со страниц произведений Фенимора Купера, Арсеньева и Пришвина.

Неожиданно след оборвался на поляне. Редкая трава, вчера примятая ботинками Сашка, смоченная утренней росой и подсушенная солнцем, распрямилась. Других следов не было.

Решили сделать привал, не разжигая костра, подкрепиться сухим пайком, прихваченным в дорогу, и продолжить поиски. Сидели молча, грызли сухари и отламывали маленькие ломтики шоколада. Семен, привалившись на бок, решил отдохнуть. Сомкнув ресницы, он дремал, пригретый солнцем. «Сейчас я сыграю с ним «чалдонскую шутку», — решил Игорь, вспомнив безобидную забаву, о которой он слышал от старых геологов. Взведя курок, он поднес приклад ружья к самому уху Семена и нажал спусковой крючок. Выстрел грохнул гулко, пробудив полуденную тишину. На лице Семена не дрогнул ни один мускул, словно выстрел раздался не над самым ухом, а где-то за тридевять земель. Семен медленно открыл глаза, повел зрачками на Игоря и спросил равнодушно:

— Ружье-то чем было заряжено, дробью или картечью?

— Дробью, — ответил удивленный юноша.

— То-то я слышу — не шибко громко, — переворачиваясь на другой бок, заметил Семен.

«Ну и выдержка! — думал Игорь. — Такого не застанешь врасплох». Незаметно сон подкрался и к нему.

Проснулся он от страшного грохота и от неожиданности подскочил на полметра над землей.

— Осторожней прыгай, паря. Так под заряд можешь угодить, — услышал Игорь смешливый голос Семена. Он стоял рядом с дымящейся двустволкой в руке. Игорь понял, что «чалдонская шутка» вышла ему боком.

Спать больше не хотелось, и Игорь завел разговор:

— Завидую я тебе, Семен, и твоей выдержке. А как легко ты ориентируешься в лесу. Мне бы такие навыки,

я бы вовсе из тайги не вылазил, все клады земные раз-
ведал бы.

— А по мне, так в городе труднее, как это ты ска-
зал, иринтироваться. Сам я в больших городах не бы-
вал, а вот дед мой как-то в Москву ездил на слет охот-
ников, в тридцатом, что ли, году. Лопатину* справила
ему бабка: чембары** новые, фуражку, — еще с япон-
ской осталась, — чирки колесной мазью смазала. Вот
из-за этой мази вся сурьезность и получилась. Зашел
дед у вокзала в трамвай, чтобы ехать по адресу, а от
чирков дух чижолый пошел. Ему кондукторша и гово-
рит: «В вашей обувке, дедусь, только пешком ходить или
извозчика нанимать», — а сама звоночек за веревочку
подергала, остановила трамвай, дескать, слезай — при-
ехали. Дед думает, с извозчиком связываться резону нет,
в тайге в жизни не плутал, а тут и подавно. Пойду-ка я
по железякам, куда ушел трамвай, глядь, и доберусь к
месту. Идет дед бодро, с рельсов глаз не спускает, куда
они сворачивают, туда и он. А ходил в ту пору трамвай
по кольцу. К вечеру дед дал полного кругалья, верст три-
дцать за день отмахал, хорошо еще на малое кольцо
попал. Глядь, снова знакомый вокзал. Подошел дед к
окошку, справил билет и той же ночью домой укатил.
Чудно ему показалось в большом городе опосля тайги.
Там кажинный кустик как родной, ни одна тропка не
подведет, не выдаст.

— Значит, полного кругалья дал? — переспрашивал
Игорь, даваясь от смеха. — Что же он не спросил нико-
го, куда ему ехать?

— Привычка такая чалдонская. Разве в тайге кого
спросишь? Все надо самому выходить да высмотреть,
вот он и ходил. Однако, паря, хватит байки слушать.
Вот ты мне скажи, где дальше искать Сашка?

Игорь недоуменно пожал плечами:

— Уж если ты не знаешь, так я подавно.

Семен вернулся к тому месту, откуда след Сашка
терялся.

— Выскочил он на поляну здесь. На открытом месте
человек будет перебегать поляну, где лес всего ближе.

— Но здесь поляна почти круглая!

* Лопатина — рабочая одежда.

** Чембары — просторные шаровары, надеваемые для работы
на промысле, в них помещаются полы шубы и т. п.

— Значит, Сашко и не сворачивал никуда, а перемахнул лужайку напрямик. А ну-ка беги! — крикнул Семен, подталкивая Игоря в спину.

Игорь пытался вообразить, что за ним гонится страшный зверь, и за две минуты добежал до опушки леса.

— Стой! — крикнул ему издали Семен, а сам, прикрыв локтем глаза, чтобы только не видеть Игоря, тоже перебежал поляну. Остановился он в трех метрах правее Игоря.

— Вот здесь и будем искать продолжение следа, — уверенно проговорил он, вглядываясь в просветы между деревьями.

— А чего искать-то, — неожиданно для Семена возразил Игорь. — Вот он, Сашкин ботинок, торчит из муравейника.

ПАРТИЗАНСКАЯ ВЕСТОЧКА

«С чертежом ничего не вышло. Но остались старики — дремовская родня», — подбадривал себя Костя после неудачи.

В его блокноте появился короткий список людей, с которыми нужно было побеседовать в первую очередь. Среди них значились: сродная бабушка Ольги и Тани, внучка пасечника Кухтаря Евдокия Дремова; Савва Елизарьевич Каинов — председатель колхоза, внучатый племянник старосты Каинова; Анна Григорьевна Дремова, жена сына Дмитрия Дмитриевича, убитого в тридцать пятом кулаками. Остальные родственники и односельчане были молоды и к реальности существования «клада» относились с не меньшим скептицизмом, чем Ольга.

Бабушка Анна Григорьевна уехала в Хармыган. Пока остался один председатель колхоза.

Вечером Костя с Таней сидели в колхозной конторе, ожидая возвращения из районного центра Саввы Елизарьевича Каинова.

— Как же так получается, — недоумевал Костя, — отпрыск старосты-миroeда и вдруг первое лицо в колхозе?

— Что ж тут странного? — вмешался в разговор Кости с Таней партторг колхоза Михаил Иванович Губанов, заглянувший в контору на огонек. — В старой Сибири

в каждом селе было не больше двух-трех фамилий. Стало быть, все родня промеж собой. А вот по доходам, по зажиточности далеко не родня. Та же племянница Кирьяна Савеловича Каинова Галя кусок хлеба в будни не каждый день имела. А что касается Саввы Елизарьевича, так он чист перед народом: в годы коллективизации сам родичей раскулачивал, в войну Отечественную кровь свою пролил и ордена боевые заслужил.

Костя слушал размеренную речь Губанова и дополнял ее своими размышлениями. «Действительно, творится невероятное с теми же братьями Дремовыми: старший смелость и решительность унаследовал от отца, ушел в партизаны, голову за Советы сложил. А что средний и младший? Дошли до бандитизма. Сознательно или случайно — не поймешь. Может быть, в них сильней проявилось наследие каиновского рода, мать-то Галина Федоровна — урожденная Каинова, хотя сама такая женщина, на которую в пору только молиться».

А Губанов продолжал, обращаясь к одному Косте:

— Вот вас, архитектора, вдруг заинтересовал «дремовский клад». Что вы в первую очередь видите в золоте: личную славу, богатство, интересы государства?

— Разумеется, интересы государства, — твердо сказал Костя.

— К чему я и клоню разговор, — продолжал парт-орг. — Трудовой подвиг сложнее боевого. Бой — это вспышка, мгновение. Подвиг в труде — это каждодневное напряжение, осмысленная цель, раскованная инициатива, поиск и вдохновение. — Губанов хитро взглянул на Костю. — Вот я и думаю, не хочешь ли ты, молодой человек, быстренько совершить трудовой подвиг...

— Я ищу документы, свидетельства о дремовском водопаде, — вспылil Костя, — и вовсе не считаю свой труд подвигом!..

— Ну, ну, не сердитесь, — сказал Губанов. — Во время войны я хотел подвига, стремился на фронт, бомбардировал военкомат заявлениями, пока в райкоме не пресекли. Хлеб был нужен фронту. А в гражданскую я был красным партизаном.

Парторг явно акцентировал на словах «красным партизаном». Этого не мог не заметить Костя.

— А где вы партизанили? — решил он изменить тему разговора.

— Здесь, в Сибири. Ушли мы из Убугуна в начале восемнадцатого на пару с Дремовым.

— С Дмитрием? — не сдержался Костя.

— Да, с Дмитрием Дремовым. Стёпка и Ванька, его братья, как говорится, сдрейфили, хотя и грозился Митя рассчитаться с ними, если к белякам переметнутся.

В нетерпении Костя перебил собеседника:

— А как погиб Дмитрий Дмитриевич, вам известно?

— Погиб он не при мне. В госпитале я был, когда Митю семеновцы порубали. Недавно мы нашли место его гибели. Пионеры ходили в краеведческий поход и наткнулись на забытый партизанский окоп. Среди стреляных гильз, найденных в окопе, одна оказалась туго запыжованной. Вскрыли, а оттуда вывалился истлевший заплюснутый клочок бумаги. Пролежал в патроне сорок лет. Мы ведь уже старики...

— Что же было в записке? Не завещание ли там Дмитрия Дремова? — спросил Костя.

Михаил Иванович достал записную книжку, надел очки и торжественно прочел:

— «Помяните нас добрым словом... Нас одиннадцать партизан. Семеновские белобандиты окружили, а у нас патронов нету, пойдем в атаку в штыки...»

Голос старого партизана дрогнул. Минуту он сидел, прикрыв полусогнутой ладонью глаза.

— Неужто помогла дактилоскопия? — спросил Костя.

— Дактилоскопия тут ни при чем. Остались живые свидетели: бабка Авдотья, когда ее нынче сводили к окопу, опознала место, где тогда нашли изуродованный труп ее мужа Дмитрия, а с ним и его безвестных друзей. Только через два дня красногвардейцы выбили семеновцев из Убугуна и с почестями похоронили в братской могиле героев. Видел на площади обелиск?

Костя утвердительно кивнул головой.

— Это и есть могила Дмитрия Дремова.

«Так вот он какой, старший сын золотоискателя!» — восторженно думал Костя.

В Костином сознании утвердилось ясное представление: «Дмитрий, больше всех знавший об отцовском кладе, не мог унести тайну с собой в могилу. Не мог! Не такой был Дмитрий! Искать! Искать! И еще раз искать!»

— А не оставил ли Дремов завещание, связанное с

месторождением золота? — с надеждой в голосе спросил Костя.

— Вряд ли, — сухо ответил Губанов. — Все его заветование в записке: «Помяните нас добрым словом». А про золото, пожалуй, одни разговоры...

Костя понял, что в «дремовский клад» здесь перестали верить. Слишком много разочарований претерпели его искатели, и все это происходило на глазах убогунских жителей.

Губанов достал пачку «Севера», пальцами размял тугую папиросу и, глядя мимо Кости в темный проем окна, зажег спичку.

На улице послышался шум автомашины, тормознувшей у самого крыльца, стук дверцы и тяжелые шаги в коридоре.

В контору вошел Савва Елизарьевич. Председатель быстро, одним взглядом окинул присутствующих и позвал к себе в кабинет Губанова.

— Остальные по домам, — скомандовал он, хотя остальными были только Костя и Таня.

— Мне бы с вами поговорить, Савва Елизарьевич, — с мольбой в голосе попросил Костя. — Приглашали ведь...

— Потом, потом, хлопец. Не до высоких материй мне сегодня, райисполком повышенное задание по хлебосдаче преподнес. Надо с партийным секретарем посоветоваться.

Костя и Таня вышли из конторы.

ЗАБЫТЫЙ ПРИИСК

Сашка рядом с ботинком не оказалось, порванные шнурки объяснили причину, почему ботинок так поспешно расстался со своим владельцем.

— Ну, раз сам взял след, води дальше, — предложил Семен. Вглядываясь в окружающие предметы, Игорь осторожно пошел вперед. Скоро они вышли туда, где и увидели сидящего у дерева Сашка... Дерево, падая, к счастью, уперлось в землю сучьями. Сашка только слегка прижало стволom да укололо мелкими ветвями, которые к тому же задрали рубаху на голове. Ничего не видя, только чувствуя тяжесть и острую боль, Сашко решил, что медведь настиг его, рвет и душит.

Где-то он слышал, что при нападении медведя нужно

притвориться мертвым. Сашко затаил дыхание, и сразу стало легче. Долго лежать в неудобной позе неподвижно было трудно, Сашко шевельнулся. Нападения не последовало. Тогда он еле заметными движениями стал высвобождать из-под туловища руку. На это потребовалось по меньшей мере полчаса. Еще больше времени ушло на то, чтобы освобожденной рукой сдвинуть с головы рубаху. Открыв один глаз, а затем второй, Сашко понял, что никакого страшного зверя нет и поблизости, а перепугался он оттого, что придавило его упавшим деревом. Выкарабкаться из-под лесины не составило труда. Возвращаться к ручью в наступившей темноте было невозможно: Сашко потерял направление. Тут же на месте пришлось заночевать. Утром Сашко решил, что самое верное — ждать, когда за ним пришлют проводника. Искать дорогу самому — это значит еще больше удалиться от лагеря, усложнить поиск Семену Сумкину.

Мучила жажда, и Сашко решил спуститься к ручью, звонкий тенорок которого заманчиво манил издалека. Сашко наклонился к воде. Одной рукой опершись о берег, он в другую, сложив ее лодочкой, набирал полную пригоршню воды и опрокидывал в рот. Утолив жажду, Сашко оторвал руку от опоры и вдруг насторожил взгляд. То, на что он опирался, оказалось не камнем. «Скребок. Старательский скребок», — промелькнуло в голове Сашка. Точно такой же он видел в институтском музее на кафедре геологии: заржавленный, истлевший от времени. Сашко бросился вдоль ручья, торопливо оглядываясь, разыскивая дополнительные подтверждения того, что здесь добывалось золото.

«Шурфы. Один... Другой... Третий... — Сашко лихорадочно подсчитывал количество шурфов. — Все как в книжке — и продольные, и поперечные», — радостно отметил он. Нетерпение охватило его. Бежать навстречу своим спасителям — снова собьешься с пути. Ждать, когда они пожалуют сюда, не вмоготу.

«А дремовский ли здесь «клад» захоронен? — вдруг усомнился он. — Для чего Дремову понадобилось делать проходки, ведь он не заявлял участка? А черт его знает для чего! Придет начальство, разберутся».

Он ждал у ручья до полудня, пока не подоспели к нему на выручку Семен и Игорь.

— Оставайтесь здесь, а я пойду за профессором, — оценив обстановку, распорядился Семен.

В ожидании остальных членов экспедиции друзья обследовали оба берега ручья в том и в другом направлении, убеждаясь все более и более, что здесь в давние времена велась добыча золота. Чего-нибудь большего не мог сказать даже Игорь — отличник курса, парень с аналитическим мышлением.

И друзья с нетерпением ждали профессора, его помощника Головина, незаменимого в решении практических вопросов, а с ними и решительного поворота в поисках экспедиции.

ПРАВНУК ЗОЛОТОИСКАТЕЛЯ

— Оленька, милая, приехала! Как я о тебе скучала! Таня прямо с порога бросилась на шею сестре, открывшей ей дверь.

— Что-то трудно верится, — глядя на входящего вслед за ней, Таней, Костю, ответила Ольга.

— А где бабушка, тетка?

— Уже спят. Ну, давайте ужинать. Без тебя, Таня, то есть без вас, — неуклюже поправилась Ольга, — не хотелось начинать.

Костя ел без аппетита. Скрытая неприязнь Ольги перерастала в открытую насмешку. И черт знает, откуда это у нее?

Костя наконец перевел дух. Настроение было испорчено окончательно, разговаривать не хотелось. Он потянулся за кепкой.

— Куда среди ночи, да еще после приема лекарства? — неожиданно подобрела Ольга. — Ложитесь в боковушку, постель налажена.

Костя прижал к сердцу руку, театрально поклонился и удалился на отведенное ему для ночлега место.

Сестры еще долго гремели на кухне посудой, а потом до рассвета шептались, обнявшись в кровати, словно две подруги, встретившиеся после долгой разлуки.

Проснувшись, но еще не открыв глаз, Костя почувствовал обращенный на него испытующий взгляд. Казалось, кто-то изучает его, разглядывая сжатые пухлые губы, темные пряди волос, сбившиеся на правый висок, звездочки морщинок, посаженные у самых век.

Костя лежал не шевелясь. Хотелось переждать, когда уйдет на работу Ольга, и незаметно удрать самому, чтобы больше не приходиться сюда никогда.

«Но кто это буравит меня буркалами, что еще за наваждение?» Костя приоткрыл один глаз. В ногах у него сидела маленькая сгорбленная старушка. Костя открыл оба глаза, и они встретились с глазами старушки: одни — испуганные, другие — спокойные, немигающие.

— Проснулся, Митенька. Вот и хорошо. Вставай, сынок, я тебе кваску холодненького головушку поправить из подпола достала.

Старушка мелкими шажками засемила в кухню.

«Ничего не понимаю, — обалдело закрутил головой Костя. — Какой Митенька, при чем сынок, откуда старушка?»

Он снова закрыл глаза и быстро открыл их. Ничего не изменилось: те же пестренькие цветастые обои, коврик, вышитый крестом на стене, никелированные шишечки на спинке кровати, задернутые тюлевые занавески на окнах.

А вот и старушка спешит к нему с медным ковшом, с тем самым, из которого вчера Таня угощала его водой.

— За квасок, бабуся, спасибо, — Костя протянул старушке опростанный несколькими глотками ковш, — выручили вы меня, как мать родная.

— Признал, стало быть, мать родную, Митенька? Давно не виделись. Почитай, годов двадцать пять?

«Опять Митенька, — недоумевал Костя. — Видно, старушка не в себе... А где же девушки?»

— Анка, — звонко взвизгнула старушка, услышав, что дверь с улицы отворилась. — Поди сюда, глянь, какого гостя нам господь послал!

Раздвинув занавеску, в боковушку вошла женщина лет сорока пяти, в темном сарафане, в платке, надетом на голову и обмотанном вокруг шеи, с тусклыми глазами и бескровными губами. Она украдкой взглянула на Костю, и на какое-то мгновение лицо ее вспыхнуло неувядшей красотой. Руки протянулись вперед, и в этом невольном жесте прорвалась скопленная годами нерастратенная любовь.

И снова глаза Анны потускнели, в губах поблекла последняя кровинка, лицо покрылось пятнами.

— Нет... не он... не он... — Рука женщины скользнула по дверному косяку, тело обмякло, и она грохнулась на пол.

На шум из горницы прибежала Ольга.

— Бабушка, тетя, что с вами? Таня, камфору!

А бабушка Авдотья прижалась щекой к груди Кости, смотрела в лицо ему слезящимися глазами, негромко всхлипывала и причитала:

— Митенька, сынок пригожий мой... Счастье какое на старости лет... Вернулся... Из сырой земли вернулся... И все такой же, все такой же...

Костя боялся шелохнуться.

Сосредоточиться Косте не дала Ольга.

— Таня, живо в правление за Саввой Елизарьевичем. Без него тут не разобратся.

Когда председатель, откинув штору, вошел в горницу, он увидел городского гостя в окружении всего женского персонала дома, сидящего за самоваром. Костю заставили надеть оставшуюся от Дмитрия Дремова чистую синюю косоворотку с длинным рядом мелких пуговиц, нашитых от ворота почти до пояса и небрежно застегнутых только до половины. Непокорные вихры, смоченные водой, успокоились, но, видимо, ненадолго: несколько завитков уже начинали проявлять свой буйный характер.

«Как есть Митька Дремов, — подумал Каинов, коротко посвященный Таней в неожиданное открытие. — Как это я раньше не приметил?»

— Вот и хозяин в доме объявился, — торжественно приветствовал Савва Елизарьевич Костю и поочередно подал руку бабушке Авдотье, Анне Григорьевне, Ольге.

— Не верится, Савва Елизарьевич. Просто чудо какое-то, — оживленно заговорила Анна Григорьевна.

Каинов взглянул на говорившую и обомлел. Куда девались ее вечные черные одеяния, темный платок. На него смотрели веселые озорные глаза Анки Кузаковой, разнаряженной по-праздничному. Той самой Анки, которую, почитай, четверть века тому назад сватали все парни Убугуна, и все безуспешно. Без свах и попа обошлась Анна и записалась в сельсовете с дружкой его Митькой Дремовым. Справили они скромную комсомольскую свадьбу и уехали вместе в город на курсы трактористов. Вернулись через год. Всю весну и лето работали на одном тракторе в бедняцкой коммуне, а под осень стало Анке невмоготу. И однажды привез ее Митька на своем «фордзоне» прямо с поля домой бледную, измученную болью: ждала Анна первенца. Так неужели за столом сидит тот самый крикун, который чуть не загнал

мать в гроб при родах, а потом двадцать с лишним лет пропадал без вести?

«Он самый», — уверенно подумал Каинов и сел на стул, любезно пододвинутый ему хлопотливой хозяйкой.

Анна Григорьевна с нескрываемой нежностью смотрела на сына, а тот чувствовал себя неловко, еще как следует не освоившись с мыслью, что он, вечный детдомовец, наконец нашел мать и родных. Он суетливо прихлебывал крепкий чай из дедовой чашки, заедая его малиновым вареньем, которое беспрерывно подкладывала ему из банки на блюдечко мать.

— Все совпало: и бородавка на левом ухе, и родинка на ключице, — рассказывала Анна Григорьевна Каинову. — А еще и крестики на распахонке тоже подтвердились.

— Ну что ж, теперь дело, видно, за мной, — решительно вмешался Каинов. — За счастливую встречу, — и он поднял стакан водки.

Рассказ Саввы Елизаревича, перебиваемый и дополненный Анной Григорьевной, рассеял у Кости последние сомнения.

«СМЕРТЬ ЗА СМЕРТЬ»

У Дремовых в роду повелось — старшего сына называть Дмитрием. Так же называли своего единственного наследника Дмитрий Дремов и Дунюшка, сыгравшие свадьбу через год после смерти отца-золотишника. Парень удался в дремовскую породу, рос сильным и отчаянным. Тяжело пережил десятилетний мальчишка гибель отца в неравном бою горстки партизан с бандой семеновцев. На его могиле поклялись они вместе с дружкой Савкой Каиновым быть всегда беспощадными к врагам рода людского и скрепили мальчишескую клятву кровью, порезав ножом мякоть на руках и высосав друг у друга несколько капель крови. «Кровь за кровь! Смерть за смерть!»

Шло время, подрастали ребята.

Первыми в Убугуне комсомольцами стали Митька и Савка. Быстрые на решения, горластые, хваткие, заводили любого начинания, парни были на виду всего села, и не раз приходилось слышать им вслед угрозы и обидные слова от сельских богатеев и их прихвостней. Особенно старались Каиновы, племянники старосты Кирия-

на Савеловича, местное кулачье, отдаленная родня Савки.

С каким удовлетворением Митька, Савка и Анка, тогда еще не Дремова, а Кузакова, вломились с сельским исполнителем сначала к одному Каинову, а потом к другому и вытряхнули у них из амбаров лишний хлеб, оставив вместо набитых зерном многопудовых мешков квитанции о сдаче хлеба государству...

Весь Убугун любовался молодой парой Дремовых, когда они поженились. Митька водил по селу свой новенький «фордзон», грохотом и резкими сигналами разгоняя с улиц кур и поросят. Анка всегда сидела рядом с мужем, приветливо махая односельчанам косынкой, или что-то неразборчиво кричала, когда трактор проскакивал мимо высоких крепких шестистенников и приземистых амбаров.

Любовался Убугун молодой парой, да не весь.

Выкорчевали из села богатеев Каиновых, но остались каиновские корни, скрытые, скользкие, до поры прихитшие...

По накатанному зимнику, проложенному рекой, лошадь бежала рысью, свободно увлекая за собой легкую кошевку. Полная луна гналась за поздними путниками, неуклюже перепрыгивала через сосновые вершины прибрежного леса, переваливалась через глубокие седловины лесных полян. Ночная тень от леса падала до полреки, не захватывая дороги. Там, где левый берег изламывал русло, выдвигаясь каменистым мысом навстречу правому, дорога из снежно-голубой в лунном свете превращалась в темно-синюю, и лошадь сдерживала бег, опасаясь провалиться в неожиданную полынью.

Прикрывшись медвежьей шкурой, прижав к груди восьмимесячного Митьку, беспокойно дремала Анна. Дмитрий опустил вожжи, лошадь и без понукания не сбивалась с рыси.

«За вторым мыском сворот на Шалую заимку. Надо заехать, подкормить лошадку, а с рассветом дальше в путь», — думал Дмитрий, устало зевая.

Вот и сворот с реки на пологий берег. Дмитрий прикрутил вожжи к копылу, сошел с кошевки. Лошадь с рыси перешла на крупный шаг, тяжело переставляя кованные копыта, в такт каждому шагу размашисто качая головой. На склоне ни кустика. Весной, в ледоход, железная шуга тысячами скребков обдирает береговые

склоны, вырывается на поймы луговые, подрезает корни ближних деревьев. Сверни на миг с дороги — и провалишься по уши в глубокий рыхлый снег. Дмитрий идет следом за кошевой, едва за ней поспевая. На вершине склона дорога нырнула в густой низкорослый ельник. Путаясь в полах тулупа, Дмитрий ускорил шаг. Неожиданно кошева остановилась. На темном фоне ельника промелькнула короткая тень: «Неужели волки? — подумал Дмитрий. — В эту пору они часто подходят к заимке». Он бросился к кошеве, зашарил под шкурой, разыскивая топор. От резкого толчка проснулась Анна, приглушенно заплакал Митенька.

Лошадь рванулась и, ломая оглобли, круто повернула назад. Легкая кошева накренилась, свернувшись набок. Взбешенная лошадь протащила ее на одной оглобле до берега, вышвырнула где-то на полпути Анну с сыном, сорвала последний гуж и, освободившись от тяжести, ускочила по лунной дороге. Дмитрий успел выхватить топор, огляделся и, не видя опасности, сбросив с плеч тулуп, поспешил вслед за лошадыю. Не пробежал он и двадцати шагов, как услышал цокот копыт по накатанному снежному насту. Два всадника, сторожко озираясь, шли на мелкой рыси. Дмитрий спиной прижался к невысокой елке. Мохнатое дерево обхватило его колючими лапами, укрыло от чужих глаз. Всадники съехались, один из них достал кисет, закурил. При короткой вспышке огонька Дмитрий узнал Гришку Каинова — внука Кирияна и Криворучку с Шалой заимки. Встреча с ними на ночной дороге не обещала ничего хорошего.

— Ушел, — матерясь, заговорил Гришка.

— Никуда не ушел, не вишь, что ли, кошева на дороге.

Криворучка поднял руку, вытянул ее вперед, и Дмитрий увидел в ней куций карабин.

— Айда, посчитаемся, — дернул поводья Гришка, и жеребец, сделав свечку, крутнулся на месте и рванул вперед.

— Стой! — крикнул Дмитрий, отпрянув от елки, подстегнутый мыслью, что там, впереди на дороге, беззащитная Анна с Митенькой.

Криворучка увидел человека, выскочившего из ельника. «Куда же он с топором на двоих?» — злобно подумал он, узнав Дмитрия, и, почти не целясь, ударил из обреза.

Дмитрий упал.

Подскакал Гришка. Не останавливаясь, он выпустил пол-обоймы из нагана в темную фигуру на снегу, тут же на ходу развернулся и вместе с Криворучкой помчался в сторону кошевы.

Анна лежала без движения, оглушенная ударом. Она не слышала плач ребенка, ругань спешившихся всадников и очнулась только от страшного холода, проникшего под шубу. Голова гудела от ушиба. «Где Митенька?» — было первой мыслью Анны. Она вскочила на ноги, суматошливо забегала вдоль дороги, поочередно призывая сына и мужа. Никто не отзывался, только деревья потрескивали от мороза да отяжелевшие еловые ветви стряхивали с себя хлопья слежавшегося снега.

На рассвете она наткнулась на застывший труп мужа, укрыла его тулупом и долго сидела у его изголовья, рискуя замерзнуть насмерть. На счастье, ехали этой дорогой односельчане, которые и привезли Анну в Убугун, к матери Дмитрия. Похоронила Анна мужа и навсегда осталась вдовой.

А сынок Митенька как сквозь землю провалился, нигде не могли его найти ни живого, ни мертвого. И вот сейчас сидит он рядом с матерью, в окружении родни, здоровый и невредимый, пьет чай с малиновым вареньем, слушает сбивчивый рассказ Саввы Елизаревича и смотрит на мать ласковым, нежным взглядом. А бабушка Авдотья, для которой время, казалось, остановилось после гибели единственного сына, снова ожила и тихо повторяет одну и ту же фразу: «Митенька, сынок, вернулся».

Удивительное превращение Кости Голубева в Дмитрия Дремова — правнука первооткрывателя легендарного клада — заставило его задуматься.

«Родословная у меня вроде подходящая: прадед беглый каторжник, дед — красный партизан, отец — первый на селе комсомолец. Каждый из них оставил память о себе на земле, прославил свое имя. Чем же я, которому Советская власть дала все, от первого куска хлеба до аспирантского звания, отблагодарю ее за каждодневную заботу? Почему во мне не бунтует дух предков? — подзадоривал себя Дмитрий. О чем бы он ни думал, мысль его неизменно возвращалась к золотому водопаду. — Бабушка Авдотья хоть и слаба умом и памятью, но тоже подтверждает, что прадед оставил чер-

теж, по которому можно найти месторождение золота. Спрятан он был в иконе Николы-чудотворца. Но Никола такое чудо надо мной сотворил, что перед другими стыдно. Кажется, и задача несложная — уравнение с одним неизвестным. А попробуй найди это неизвестное. Решение только одно: чертеж достался деду Дмитрию. Вспомни, как его искали дедовы братья, когда собирались с Голиковым в Тургу. А нашли черта рыжего».

Дмитрий вспомнил о партизанском окопе, последнем пристанище деда.

«Нет! Нет! Не мог дед навсегда похоронить тайну золота. До последнего дня своей жизни он хранил ее, веря, что его потомки продолжат поиски. Только земле он мог доверить завещание отца. Надо искать чертеж там, где нашел свою смерть героический дед. И как только раньше никому в голову не пришла такая мысль? Да! Ведь в Убугуне никто в «дремовский клад» не верит.

СТРАННОЕ ДЕЛО...

Промедли одно мгновение или промахнись профессор Котов — и жизнь геолога Головина окончилась бы бесславно: разъяренный медведь беспощаден.

— Итак, на чем мы остановились? — спокойно, словно возвратясь после перерыва в аудиторию для продолжения лекции, спросил Максим Харитонович Головина.

Григорий Петрович недоуменно взглянул на профессора. Только что ему, Головину, грозила смертельная опасность, от которой удалось избавиться почти чудом. И как после этого можно говорить с таким вызывающим спокойствием? Что это — выдержка или старческое чудачество? Мелкая дрожь пробежала по телу геолога, расслабленные ноги подкосились, он неловко опустился на взрыхленную лапами медведя землю, рядом с его неподвижной тушей.

— Как только соберемся все вместе, решим, что делать дальше. Поиски надо форсировать, — продолжил Максим Харитонович, присаживаясь на корточки рядом со своим безмолвным собеседником.

— Э, да вы, батенька, не в себе, — словно только что заметив состояние Головина, сочувственно заметил профессор. — Ну ничего. Тайга ко всему приучит.

По совести сказать, встреча с медведем-рыболовом

перепугала руководителя экспедиции еще больше, чем пострадавшего геолога. Однако профессору хотелось подбодрить неудачливого коллегу, сделать вид, что такие происшествия для геологов обыденны.

— Дайте мне прийти в себя, — взмолился Головин. — Сейчас не до споров...

Когда Семен Сумкин привел Котова и Головина к месту старых разработок, опытные геологи сразу разочаровали умиравших от нетерпения и неведения студентов.

— Открытие Сашка интересно, — высказал профессор свое заключение после первого осмотра брошенных приисков, — но это не то, что нам нужно. Налицо следы, оставленные одной из многочисленных партий, проводивших поиск задолго до нас. Возможно, что это работа Голикова и Шмидта... Если это так, то район наших действий суживается, и мы почти у цели. В этом случае я еще раз буду настаивать на изменении метода поисков. Григорий Петрович, какие будут ваши предложения? — спросил профессор.

— Вы правы, профессор, нам нужно точно установить принадлежность разработок. В первую очередь исследуем все, что нас окружает, а дальнейшее решим в зависимости от результатов.

В тот же день табор перенесли на место прииска и всей экспедицией принялись за изучение окрестности. Работали дотемна. Через несколько суток Максим Харитонович с грустью отмечал, что с каждым днем поиски сокращаются на три-четыре минуты: дни становились короче.

Григорий Петрович с Сашко брали пробы грунта по ручью и в его песчаных берегах, копали приисковые ямы, промывали бесчисленные груды песка. Семен и Игорь осматривали ближние таяжки, взбирались на крутые гольцы, искали новые приметы посещения этих мест людьми. Максим Харитонович поочередно присоединялся то к той, то к другой группе. Вечерами, собираясь за ужином у костра, ели молча, сосредоточенно, вглядываясь в темный таяжный океан, в головни, шипящие от воды, льющейся на них через край котелка, избегая встречаться взглядами друг с другом. Угнетала не усталость, а неудачи.

Чаще других задумывался профессор. Если нынешняя экспедиция не принесет желанных результатов, не

обнаружит хотя бы каких-нибудь намеков на существование «дремовского клада», вряд ли ему удастся еще раз доказать целесообразность поисков на следующее лето. Такого удара по самолюбию ему не перенести — придется подать в отставку, забыть о таежных привалах у ночных костров, которые еще сохраняют задор молодости в начинающем дряхлеть теле, и, стало быть, придет пора, когда, погрузившись в кабинетную тишь, он будет днями корпеть над никому не нужными мемуарами и геологическими статьями.

Григорий Петрович после встречи с медведем у ручья работал хотя и старательно, однако без инициативы, во всем соглашался с профессором. Чувствовалось, что он ждал окончания экспедиции, как избавления от неприятной, силой навязанной ему работы. Именно теперь он убедился, что время берет свое и куда спокойнее сидеть в геологическом управлении в кабинете, не подвергать опасности свою жизнь.

Такое с людьми случается нередко. Особенно когда человека на каждом шагу поначалу подстерегает удача, чуть ли не насильно передает ему в первые руки щедрые дары. Так было с Головиным. Окончив геологический институт с отличием, Гриша Головин не польстился заманчивым предложением остаться в аспирантуре института, а со свойственным ему молодецким задором запросился в геологическую партию, согласившись поначалу из-за отсутствия вакансий на должность младшего коллектора.

К осени партия, успешно выполнив задание, вернулась в управление. Начальник партии сдал образцы пород и письменный отчет с картами и схемами, толково составленный младшим коллектором. Специалисты партии получили солидные премиальные, а Головин — благодарность в приказе.

Последующие годы Головин не поступал так опрометчиво, он уже знал себе цену как специалисту, за несколько лет вырос до начальника партии. Особенно успешно прошли его изыскания в Якутии, подтвердившие версию о сибирской алмазной платформе.

В геологическое управление Головин перешел, задавшись целью получить кандидатскую степень. Работа над диссертацией приближалась к концу, геолог неопровержимо доказывал, что алмазы на окраинах Сибири, в районах вечной мерзлоты, есть. Он рассчитал направле-

ние поисков алмазов, районы залегания, ориентировочные запасы. Казалось бы, как это часто бывает в научных диссертациях, посвященных геологическим находкам, исследования Головина настолько точно предсказывали место алмазных россыпей, что можно идти туда, брать лопату и грести драгоценные камни.

Пока Головин писал диссертацию, его соратники — геологи не дремали, а шли к алмазам.

Незадолго до защиты Григорий Петрович, собираясь в институт на консультацию, в утренних последних известиях по радио услышал сообщение, которое с великой радостью восприняли все радиослушатели страны, кроме него самого: в Якутии, в районе Нюрбы, задымила алмазная «трубка мира». И хотя в этом была немалая заслуга и поисковых партий, руководимых некогда им, Головиным, диссертация его терпела крах. И не потому, что гипотезы, высказанные в ней, были ошибочными, а потому, что, подтвердившись, они стали уже не открытием, а историей. Кому нужна диссертация, потерявшая новизну, практическую ценность, изжившая себя на корню! Головин на время покончил с научной работой, вернулся в геологическое управление, с алмазов переключился на золото.

Изучая геологическую карту Восточной Сибири, Головин искал закономерность расположения очагов месторождений золота и уже подумывал попросить для себя тему научной диссертации, касающейся этой, на его взгляд, актуальной проблемы. Крупнейший специалист Сибири по золоту профессор Котов, к которому обратился геолог Головин за поддержкой утверждения выбранной им темы на ученом совете, хитровато сощурил глаза, спросил:

— А вы о «дремовском кладе» что-нибудь слышали?

Головин, зная фанатическую увлеченность профессора легендами и старыми преданиями, знакомый с его публицистическими выступлениями в печати о сокровищах и кладах, скрытых в земных недрах, в том числе и о «дремовском кладе», ответил утвердительно.

— Как вам известно, на геологической карте место клада Дремова не обозначено, — сокрушенно сказал профессор. — А что может об этом сказать ваша будущая диссертация?

— Видите, Максим Харитонович, — в унисон профессору повел разговор Головин, не забывая при этом и о

своих выгодах, — я думаю, что, выведя графическую закономерность залегания коренного золота, можно выйти и на «дремовский клад», и на другие доселе неизвестные клады.

— То есть вы хотите сказать, что можно обойтись без поиска, а прямо на карте, путем домысла и расчетов, указать точку и скомандовать: «Копай здесь».

Профессор недоверчиво посмотрел на Головина.

— Не совсем так, Максим Харитонович, — чувствуя, что он вызвал недоверие профессора, возразил Головин. — Все это значительно сложнее. И дело не в домысле, а в научной разработке идеи, с привлечением многочисленных компонентов, продиктованных наукой и подтвержденных практикой.

— Вы мне совсем запылили мозги, — рассердился профессор. — Я возглавляю небольшую экспедицию по розыску «дремовского клада». Не согласитесь ли вы сопровождать меня в ней в качестве опытного помощника? Думаю, это не повредит, как вы говорите, научной разработке идеи.

После уточнения некоторых условий и обстоятельств Головин дал согласие.

Теперь он сожалел об этом, как человек, обманно втянутый в опасную авантюру и узнавший об этом тогда, когда уже ничего нельзя поправить и к отступлению дорога закрыта. Он охладел к своим идеям, и хотя действия его нельзя было отнести к саботажу, но и активными их тоже назвать было невозможно.

Исправно выполнял свои обязанности проводник Семен Сумкин. Ему шел приличный заработок; такого он не имел, промышляя охотой. А Сашко и Игорь на все события смотрели удивленными глазами, каждый день приносил им новое, тайга не скупилась, открывая перед молодыми практикантами новизну.

— Интересно, кто же тут побывал до нас? — продолжал спрашивать сам себя профессор.

ЗАГАДОЧНЫЕ БУКВЫ

Коротким свистом Игорь подозвал Семена к себе. На свист его откликнулись веселым чириканьем чечетки, передавая с куста на куст по всей тайге звуковую эстафету пробуждающегося дня. Солнце еще было заметно только на буреломных просеках и полянах, а в чаще

его косые лучи не проникали, запутавшись в сплошной листве, в переплетении хвои. Не торопясь, вразвалочку Семен вышел на опушку леса и встал между двумя стволами сосен, словно в открытых воротах, устроенных природой для выхода на поляну.

В нескольких шагах стоял Игорь, торжествующий, с непокрытой черной головой, и кричал:

— Смотри, Семен, избушка!

— Верно, паря, зимовье, — с невозмутимым спокойствием откликнулся Семен.

Разделить восторг Игоря ему не позволила прирожденная выдержка таежника: никогда ничему не удивляться.

— Дремовская избушка, — уверенно заявил Игорь.

— Больно ты, паря, прыток, — возразил Семен.

Не слушая его, Игорь со всех ног бросился к своей находке. Зимовье! Старое полуразрушенное зимовье с пустыми глазницами окон и двери. Крыша провалилась, стены сгнили — вот что увидел он, оглядев жилье.

Не обрадовал Игоря и внутренний осмотр помещения — на грубо сколоченном расшатанном топчане истлевшее тряпье. В безмолвном жерле каменки последний огонь угас несколько десятилетий тому назад, а ветер за эти годы начисто вылизал сажу и золу с пода и дымоходов, расшвырял по земляному полу бугры глины, высыпавшейся через щели в потолке.

— Да-а-а, — разочарованно протянул Игорь. — Пожалуй, здесь и правда делать нечего. Пошли, Семен.

— Вали, коли торопко, — услышал он равнодушный ответ. — А мне дело приспичило.

Игорь вышел из зимовья. Восторженное настроение сменилось унынием.

— Глянь-ка сюда, паря, — услышал он голос Семени. — Эвон чо я надыбал.

Глаза Игоря на минуту оживились. На дне картуза, который Семен обеими руками держал за козырек и околыш, Игорь увидел почерневшую стреляную гильзу, жестяную банку из-под консервов, черенок сломанного ножа, солдатскую пуговицу, коробку из-под табака.

— Пошли дальше, Семен. Нечего здесь терять время.

— Погодь малость. Срисуй-ка мне вот это еще.

Знаки, вырезанные острым ножом на стене, первоначально показались Игорю китайскими иероглифами.

Скопировав в блокнот линии точно так, как они были изображены автором, Игорь понял, что время, неумолимый корректор, стерло некоторые соединения черточек, трещины на бревне разделили детали рисунка.

«Да ведь это чьи-то инициалы!» — сообразил Игорь. Он быстро перерисовал изображение на другой листок и стал комбинировать различные соединения линий, чтобы получилось начертание букв. Две нарисовались довольно быстро.

— Те, Ге, — прочел из-за спины Игоря Семен. — Ловко работаешь, паря.

— Это чьи-то инициалы, начальные буквы имени и фамилии, — пояснил расшифровку Игорь. — А вот дальше что-то не по-русски выходит.

— Нерусских здесь не бывало, — уверенно заявил Семен. — Дале, однако, карта, как найти клад.

Неожиданная версия Семена поразила Игоря своей простотой и правдоподобностью. Воображение рисовало картину: старый набожный таежник, удачливый золотоискатель умирает в одиночестве в заброшенном зимовье. Еще немного — и тайну золотоносного месторождения он унесет с собой в могилу. «Только тебе, господи, доверю», — шепчут его чернеющие губы. Ага, вот и разгадка «Т. Г.». Это — «тебе, господи», а дальше стрелки и полукружье, указывающее путь к золоту.

— Ура, ура! — воскликнул Игорь, вызывая недоумение Семена, решившего, что студент свихнулся с ума.

— Айда, Семен, на табор, к профессору. Да запомни дорогу к зимовью.

Семен, пересыпав свои находки из картуза в охотничью сумку, бодро зашагал вперед. Следом за ним нетерпеливо семенил его спутник.

Вечером в областной центр была послана радиogramма.

«Радиogramма № 32/К

Начальнику областного архива УМВД

Прошу срочно радировать инициалы Голикова Шмидта служащих бывшего купца Лопухова убитых Тургинской долине 1920 году проходящих уголовному делу братьев Дремовых.

Профессор Котов».

Ответ на радиogramму профессора Котова пришел на второй день:

«Полное имя Голикова — Тихон Петрович, Шмидта — Фридрих Иоганн Карлович.

*Нач. сектора облархива УМВД
майор Правдин».*

АЛАЯ КРОВЬ САРАНЫ

Приближалась осень.

В природе чувствовалась скованность, сонливость перед осенней вспышкой, когда березы и осины в последний раз взметнут яркое пламя листвы, разнесут огненное зарево по всему лесу, забрасывая его багрянец на высокие кроны сосен, на пологие плечи елей, к подножию порыжевших лиственниц. Долго еще будет бесноваться холодное лесное пламя, обретая силу при малейшем дуновении ветра, и только дожди, вездесущие дожди постепенно собьют с хвойных деревьев прилипшие к ним языки пламени, зальют ползущий по траве и кустарнику огонь, втопчут его в вязкие мхи, забросят корой, хвоей, сучьями...

Двое идут по лесу, не придерживаясь тропы. Сухой репейник цепляется за одежду, цветочная пыльца оставляет на ней желтые полосы.

На невысокий пригорок девушка взбегает первой, останавливается на нем и, сдернув с шеи косынку, машет ею, привлекая своего спутника.

— Сюда, Дима! — кричит она.

Как трудно привыкать к своему новому имени.

— Сейчас, Танюша, — наконец откликается Дмитрий. Не торопясь подняться на пригорок, он стоит спиной к его подножию и не сводит глаз с лесного окоема, вглядываясь в непроницаемую, плотно сдвинутую стену леса.

— Отсюда шли семеновцы, — восстанавливает он в памяти рассказ Губанова. — А там, на пригорке...

И вот он на вершине склона рядом с Таней, милой сестренкой, проводницей к забытому партизанскому окопу.

Перед ними яма, густо поросшая травой, которая ничем не напоминает военный окоп. Будто вывернуло здесь ветровалом сосну вековую вместе с корнями, обнажилась земля, да ненадолго. В первую же весну принес сюда ветер семена разнотравья, и зацвела розовым первоцветом плодородная земля.

А вот и сарана.

Словно капли крови среди сплошных зарослей голубого востреца, горит алая сарана, как в той старой легенде, по которой растет сарана только там, где люди пролили кровь свою в борьбе с несправедливостью.

Твоя кровь и кровь друзей твоих, Дмитрий Дремов, на выющихся локонах сараны. Десятки лет питает ваша кровь, словно живая вода, корни и стебли цветка. И никто не смеет сорвать или сломать его, как не смеют забыть подвиг героев.

Саперной лопаткой Дмитрий осторожно снимает растительный покров со дна окопа, не задевая цветка. Стреляные гильзы, медная пряжка, дужка солдатского котелка — вот все, что земля подарила молодому искателю. Металлические предметы нагрелись на солнце. Дмитрий чувствует их теплоту. Кажется, что они через десятилетия пронесли и сохранили тепло человеческих рук, горячие прикосновения своих владельцев. А среди них был и дед Дмитрий.

Глубже копай, Дмитрий Дремов! Как ни тяжело было твоему деду, партизану Дремову, прятать свое сокровище, нельзя было не скрыть его от случайных людей. Знал он, что рано или поздно вырастет молодое поколение, вспомнят о героях гражданской войны, каждую пядь земли, политую кровью отцов, как святыню поднимут и перенесут в музейные залы. Вот тогда и откроется им тайна золотого водопада, скрытая в земле.

— Дима, ой, что это? — спрашивает Таня, увидев блеск стеклянного горлышка бутылки.

Дмитрий разбрасывает рыхлую землю, и вот драгоценная находка перед двумя парами любопытных глаз. Бутылка, и в ней что-то запрятано.

ПРОФЕССОР БОЛЕН

Професор думал сосредоточенно и долго, переводя взгляд с копии изображения, сделанного Игорем в старом зимовье, на тетрадный листок с радиограммой, сообщающей имена Голикова и Шмидта, перебирая в руках таежные находки Семена Сумкина. Сомнений не оставалось — загадочные буквы расшифровывались просто: «Т. Г.» — это Тихон Голиков, а черточки и полукружья при соединении их между собой давали не-

мецкие буквы FSCH, что соответствует инициалам Фридриха Шмидта. В зимовье жили служащие купца Лопухова и в память о пребывании в тайге вырезали на стене свои инициалы.

Бесплодный прииск у ручья также, по всей вероятности, открыли они, только значительно позже, когда вторично пришли в тайгу в сопровождении красноармейцев Грекова и Задорожного и проводников братьев Дремовых. Солдатская пуговица могла принадлежать одному из красноармейцев, клеймо на гильзе подтверждало, что оно сделано в первые годы Советской власти, а вот коробка из-под табака была явно дореволюционного происхождения.

Где-то здесь неподалеку разыгралась трагедия: братья Дремовы убили своих спутников, чтобы самим безраздельно завладеть отцовским кладом. Но, значит, и клад где-то здесь, недалеко. Весь следственный материал по делу братьев Дремовых был знаком Максиму Харитоновичу еще задолго до того, как им заинтересовался Костя Голубев, и это позволяло ему легко ориентироваться в исторических событиях. Вот сейчас встать и рассказать обо всем приунывшему Головину, этим славным ребятам — Сашку и Игорю. Но что даст им этот рассказ, кроме новых сомнений? «Дремовский клад» как был, так и остается загадкой. Реальны только горы пустой породы, гиблое старательское место. И неизвестно еще, на верном ли пути стояли Голиков и Шмидт? Может быть, зря они сложили свои головы, коли их убийцам не удался золотой фарт?

В раздумье ходит и Головин. «До каких пор будет продолжаться эта бессмысленная авантюра? — думает он, искоса поглядывая на одиноко сидящего профессора. — Каждый день подвергать себя опасности, а ради чего? Допустим, что мы нашли стоянку Голикова и Шмидта. А что дальше? Ведь разработки не дали ни грамма металла. Неужели профессору не ясно, что эти заброшенные прииски уже принесли разочарование какой-то одной из старательских партий, каких было десятки, зараженных дурацкой легендой о «дремовском кладе». Видимо, люди также натолкнулись на голиковское зимовье и, зная (после суда над братьями Дремовыми), что где-то в ручье около зимовья скрыто богатство, решили перерыть всю землю и делали это с воловьим упорством, лишь бы отсрочить горькое

разочарование в своих неудавшихся потугах на обогашение».

— Сашко! — неожиданно услышал Головин страшный вопль Игоря. — На помощь! С Максимом Харитоновичем неладное.

Профессор лежал на боку с поджатыми ногами, одну руку приложив к сердцу, а второй разгребая мох и царапая землю. Глаза его то закрывались, то открывались, виновато поглядывая на окружающих, как бы моля не осуждать его за то, что он, руководитель экспедиции, первым не выдержал суровых испытаний.

— Скорей сделайте ему искусственное дыхание, — распорядился Головин.

Студенты, готовые исполнять любой приказ ради спасения профессора, бросились к нему, Игорь расстегнул пуговицы вязаного жилета. Сашко попытался распрямить ноги больного, уложить его на спину.

— Вы што, загубить деда хотите? — сердито проговорил Семен Сумкин. — Еще ученые! Нешто можно хворого за руки и за ноги дергать. Воздуха ему больше надо и покой.

Семен рукой отстранил неудачливых помощников, наклонился ухом к груди профессора, пощупал его *люб*.

— Только покой! — удовлетворенно произнес он, поднимаясь на ноги. — Сердце у деда прихватило, вот и зашелся. К вечеру отпустит.

А ребята уже устроили подстилку из мягких веток в тени густокронной березы и осторожно перенесли профессора на импровизированное ложе.

— Игорь, перестраивай рацию, передай в Иркутск радиogramму. — Головин протянул Колосовскому листок из блокнота с текстом. Через несколько минут в эфир ушла тревожная весть о болезни профессора Котова.

«Радиogramма № 36/Г

*Начальнику областного геологоуправления
Заведующему облздравотделом*

Жизнь профессора Котова находится в опасности прошу срочно командировать вертолет ближайшего пункта врача-специалиста оказания неотложной помощи координаты следующей радиogramме нач. геологоуправления настаиваю отозвать экспедицию поиски ввиду бесполезности прекратить.

Головин».

«Телеграмма-«молния»

Село Убугун зав. больницей Кухtareвой

*Получение сего немедленно вылетайте вертолете Тургинскую долину оказания помощи профессору Котову
диагноз радируйте прибытии на место.*

Облздравотдел».

НОВАЯ ЗАГАДКА

Телеграмма гласила: «Срочно выезжайте Убугун участия поисках дремовского клада Котя». Люба Котова долго вертела в руках негнувшийся бланк с наклеенными полосками бумаги, слова на которых вызвали смятение в ее душе. Во-первых, что это за подпись «Котя»? Или это шалость телеграфа, или глупый розыгрыш товарищей-студентов, знающих, как она огорчена отказом деда включить ее в экспедицию. Но ведь какая это злая шутка. Люба уже почти утвердилась в этом предположении, решила не поддаваться на удочку коварным друзьям и даже никому не говорить о телеграмме — пусть их шутка прозвучит холостым выстрелом. В пестром ситцевом сарафанчике, подчеркивающим летний загар, в домашних туфлях, на босу ногу, она ходила по опустевшей дедовой квартире из комнаты в комнату, поливая рассаженные ею цветы, заполнившие все подоконники. Теплый полуденный воздух, профильтрованный в цветочной листве, врываясь в открытые окна, становился свежее. Голоса ребятишек, доносившиеся с улицы, изредка заглушал перезвон вечно спешащих трамваев. Голуби слетались к кухонному подоконнику, где для них молодой хозяйкой всегда было насыпано вдоволь зерна. Из дедова кабинета слышалась приглушенная музыка, по радио передавали утренний концерт.

Все шло по однажды заведенному порядку, нарушить который могли только непредвиденные обстоятельства. Так неужели телеграмма и есть одно из этих обстоятельств?

Люба позвонила на телеграф. Старшая телеграфистка подтвердила, что телеграмма с указанным ею номером принята сегодня ночью из села Убугун Присаянского района и в достоверности ее сомневаться не следует. Что касается подписи, то она сделает запрос.

Розыгрыш отпадал. Кто же мог быть в Убугуне? Только дед. Значит, он смиловился и решил подклю-

читать ее в экспедицию. Конечно, «Котя» — это искаженное телеграфом «Котов». Но почему «выезжайте», ведь дед никогда не величал ее на «вы». «А, мало ли искажений допускает телеграф, — успокоила себя Люба. — Надо срочно собираться».

Через минуту она уже звонила в справочное бюро вокзала узнать, когда отходит поезд в Убугун, и была огорчена, что подходящий поезд, останавливающийся на ближайшей от Убугуна станции (ничего себе ближайшая, если от нее надо еще ехать сто километров на машине), будет только вечером. Прежде чем снять телефонную трубку, Люба задумалась. Стоило ли сообщать этому вертопраху, как мысленно называла она Костю Голубева после неожиданного его исчезновения из садика, что она надолго покидает город? Счастливому человеку свойственно всепрощение. Люба была счастлива и простила Костю.

С кафедры университета, куда она с трудом дозвонилась, чей-то женский голос долго нравоучительным тоном разъяснял ей, что она, видимо, ошиблась, так как кафедра не справочное бюро. Люба представила желчное выражение лица престарелой дамы на другом конце провода, и ей стало не по себе от мысли, какое окружение у ее друга, парня хотя и ветреного, но в общем неплохого. Костина квартира не ответила. Больше звонить было некуда, разыскивать Костю в городе бесполезно. Нужно срочно собирать вещи в дорогу. На сборы много времени не требовалось: все было заготовлено заранее, когда Люба даже не допускала мысли, что дед не возьмет ее с собой. Наскоро уложив вещи в чемодан, Люба хватилась: как же она будет пробираться сквозь таежные дебри с чемоданом в руке? Нет, нужен заплечный мешок, удобный, аккуратный, не стесняющий движений, оставляющий руки свободными. Такой мешок отыскался в чулане. С многочисленными карманами и карманчиками, с десятками ремешков неопределенного назначения, с металлическими пряжками и пуговицами различной величины, он мог сгодиться не только для похода в тайгу, а даже для зимовки на Северном полюсе. Переложив из чемодана свой нехитрый багаж, Люба убедилась, что он не занимает и одной трети мешка. Подтянув заплечные ремни, Люба примерила свое походное снаряжение. Мешок, растянувшись вдоль всей спины, опустился почти до самых пят. С трудом девуш-

ка разгадала назначение ремней и пряжек. И мешок принял компактный вид, плотно прилег к худенькой спине Любы.

Никто не провожал девушку и не усаживал ее в поезд. Никто не встречал на незнакомой маленькой станции, откуда проселочная дорога вела в Убугун. Это не помешало ей через сутки с меньшими приключениями, чем это было с ее предшественником, оказаться там, куда вызывала телеграмма.

Рано утром Люба стояла на крыльце почтового отделения села Убугун, настойчиво тарабаня в не поддающиеся ее напору крепко сколоченные двери. Как документальное свидетельство она держала в руке развернутый бланк телеграммы. Убедившись в бесполезности своих попыток, Люба сняла с плеч вещевой мешок, опустила его на крыльцо и села рядом на последнюю ступеньку. Немного помедлив, она расстегнула самый большой карман мешка, вытащила оттуда краюху хлеба и кусок колбасы и, поочередно откусывая от того и другого, принялась завтракать, чтобы скоротать время до открытия почты. На запах колбасы из-под крыльца вылез лохматый пес, до того себя не обнаруживавший. Он уселся против Любы, склонив набок добродушную собачью голову с отвисшими ушами, и нетерпеливо постукивал хвостом. Люба отломил кусок хлеба и бросила псу. Тот на лету поймал подачку, затем выпустил ее и, зажав хлеб между лапами, укоризненно посмотрел на девушку. Люба поняла значение его взгляда, разделила колбасу и протянула псу один кусок. Укоризна в собачьем взгляде сменилась симпатией. Потеплело на душе и у Любы. «Нашлась живая душа в Убугуне, которой я оказалась полезной», — подумала она, кусая хлеб. Внезапно дремота сковала веки девушки, и, прижавшись виском к дверной притолоке, она уснула.

РАПОРТ ПОЧТАРЯ

«Начальнику конторы связи Присаянского района от заведующего почтовым отделением села Убугун.

Довожу да Вашего сведения, что 25 числа августа месяца 19... года почтовое отделение села Убугун было открыто с опозданием на 20 минут. Придя утром на работу за десять минут до открытия почты, я обнаружил следующее: на крыльце в сонном состоянии находился

человек юного возраста, охраняемый бродячим псом, кличка которого не установлена. При моей попытке взойти на крыльцо пес издал рычание и всем своим видом показал, что готов нанести мне телесное повреждение путем укуса. Рычание продолжалось до тех пор, пока неизвестная девица не проснулась, после чего оно обратилось в радостный собачий визг. Девица, личность которой была установлена при помощи подросшего по моему вызову участкового уполномоченного милиции младшего лейтенанта товарища Алешкина И. И., оказалась внучкой известного профессора геолога М. Х. Котова Любовью Котовой и незамедлительно потребовала указать ей местонахождение экспедиции, возглавляемой ее дедом, и предъявила телеграмму, посланную с нашего почтового отделения и подписанную, по мнению получателя, искаженной фамилией ее деда. Дежурная телефонистка разъяснила заявительнице, что телеграмму подавал вовсе не пожилой человек, а гражданин совершенно противоположного возраста, подписавшийся «Костя», а на подлинном бланке стояла его фамилия — Голубев.

Гражданке Котовой был сообщен адрес подателя телеграммы, по которому она и последовала в сопровождении участкового тов. Алешкина к месту жительства врача Ольги Архиповны Кухtareвой, приютившей вышеупомянутого К. Голубева.

Докладывая о вышеизложенном, прошу Вашего ходатайства перед районными организациями о принятии постановления об уничтожении бродячих собак, дабы почтовые учреждения могли обеспечить своевременное обслуживание клиентуры всеми средствами связи. Зав. п/о села Убугун (подпись)».

ЧЕРТЕЖ ПРАДЕДА

Дмитрий бережно нес темно-зеленую бутылку, прижимая ее обеими руками к груди. Таня еле поспевала за ним. Дмитрий почти бежал, не обращая внимания на гибкие березовые ветви, больно хлеставшие его по обнаженным рукам. У окопа бутылку вскрыть не удалось. Пробка была вдавлена вровень с горлышком, разбивать бутылку не хотелось.

— Бутылка — память о деде-партизани, — говорил Дмитрий. — Ей место в музее.

Форма бутылки, цвет, непонятные буквы на дне не оставляли сомнения в том, что ее возраст исчисляется десятками лет.

Темное стекло скрывало очертания предмета в бутылке. Скорее всего это было туго свернутое в трубочку письмо.

Дмитрий торопливо отворил калитку дома Кухтаревых.

— Танюшка, штопор, — попросил он, как только они переступили порог кухни.

Затвердевшая пробка никак не поддавалась штопору, годы сцементировали ее, словно припаяли к тесному горлышку. И только после сильного нагрева на огне пробка неожиданно съежилась и провалилась на дно бутылки. В тот же миг Дмитрий вытряхнул таинственный предмет.

Осторожно разрезав нитки, Дмитрий и Таня увидели, как сверток, освобожденный от пут, развернулся, словно пружина, раздался в ширину.

— Кусок сыромятины. Ого! Что-то интересное, — воскликнула Таня.

— Не спеши, — одернул ее снова Дмитрий, разворачивая и разглаживая на столе спрессованный временем кусок кожи. Он мелкими гвоздиками приколол кожу к сиденью табуретки, ровно натянул углы так, чтобы можно было рассмотреть изображение, нанесенное какой-то несмываемой краской на гладкой стороне сыромяти. Таня своими неуклюжими попытками помочь только мешала Дмитрию, и он отослал ее в другую комнату.

— Таня, — громким шепотом позвал он девушку. — Подай мне полевую сумку.

Таня как будто ждала этой команды.

Минуту-другую Дмитрий сличал схему с картой.

— Совпадает! — закричал он и закрутил Таню в диком танце.

— Что совпадает?

— Все, все, буквально все!

И Дмитрий совершенно разумно и толково разъяснил:

— Смотри, Танюша, это Крутая, а это ее приток Шулак... Здесь они сливаются. Справа отроги Саян, ниже Тургинская долина. Тут броды и переходы. Один из крестиков или зимовье, или золотая жила. Все это надо проверить на месте... — Дмитрий захлебывался, не догова-

ривал слова, терял связность мысли. Таня стояла перед ним, беспомощно опустив руки. — Ясно, Танюша, что к нам попал чертеж нашего прадеда Дмитрия Дремова. Это ключ к кладовой золота, это путь к богатству...

До сознания Тани, правда смутно, стали доходить слова Дмитрия. «Неужели легенда о золотом водопаде прадеда не вымысел? Ольга, например, в нее не верила. Все может быть. Ну а что же дальше?»

Увлеченные занятием молодые люди не заметили, как на кухню вышла бабушка Авдотья.

Старуха стояла неподвижно, не сводя подслеповатых глаз с темно-зеленой бутылки, отставленной в сторону.

— Она, та самая, Митенька, — беззвучно, почти не разжимаясь, шептали ее губы. — А там что? — обратила она внимание на кусок сыромяти, растянутый на табуретке. Старуха раздвинула плечи внуков, сухонькой рукой сперва осторожно прикоснулась, а потом ласково провела по гладкой коже, и в ее слезящихся глазах блеснули живые искорки.

— Нашли? — просто спросила она. — Нынче все потери находятся. Теперь, дай бог, и золото от вас никуда не уйдет.

Другого подтверждения для Дмитрия не требовалось.

Что делать дальше, он решил самостоятельно. В тот же день в областной центр пошла срочная телеграмма, содержание которой читателю уже известно, так же как известно и то, что получатель ее Люба Котова не замедлила откликнуться на зов и немедленно приехала в Убугун.

И еще один сюрприз порадовал Дмитрия. Под вечер пришел почтальон и вручил ему пакет с пятью сургучными печатями на обороте. Дмитрий взглянул на обратный адрес, прочитал фамилию отправителя: «Глухих Р. Г.».

Глухих сообщал, что он вспомнил об одном вещественном доказательстве, изъятом в иркутской тюрьме у Ивана Дремова, и разыскал его. Это была тоненькая ученическая тетрадь в косую линейку, вся исписанная детским почерком. Среди многих записей одна привлекла внимание следствия. Она гласила:

«Нужно подняться по Шулаку десять верст и здесь

от затеси на сухом листвяке повернуть вправо и перевалить водораздельный хребет между Шулаком и Крутой. Пройдя еще десять верст в этом же направлении, нужно спуститься с гольца, местами почти отвесного, в верховьях одного из притоков Крутой, в глубокий замкнутый ледниковый котлован, где за болотом, пересекающим русло старицы, должна находиться у склона высокой скалы выемка. Здесь и предполагается под водопадом золотоносная жила».

«Записи в тетради, — сообщает Глухих, — были сделаны, очевидно, кем-то из младших родственников Дремовых, так как братья грамотой не владели. Свои наблюдения они попросили записать, не надеясь на память. Это могло случиться, когда Дремовы вернулись из тайги, окрыленные успехом поиска, надеясь весной закончить его. Арест помешал им осуществить свой замысел.

По этим приметам, — дополнял далее свое сообщение старый юрист, — не раз снаряжали экспедиции: в конце двадцатых годов следы клада искал профессор Зверев, в тридцатых годах геологи Селифанов и другие, но все безуспешно. Только после окончания Великой Отечественной войны, в начале шестидесятых годов, в долине Крутой было разведано богатое месторождение золота — прииск Комсомольский. Однако это месторождение находится километрах в ста двадцати в стороне от тех мест, куда ходила экспедиция Голикова и Шмидта и где, по преданию, нашел золото Дремов.

А может, никакого дремовского месторождения не было и в помине? — высказывал в письме сомнение Роман Гордеевич Глухих. — Может быть, это была одна только небольшая жила, один только золотоносный «всплеск», как говорят геологи. Жила, которую Дмитрий Дремов выкачал до песчинки. Буду весьма рад, если мои сведения хотя бы на вершок приблизят поиск к благополучному исходу», — заканчивал письмо Глухих.

Дмитрий сличил приметы, сообщенные Романом Гордеевичем в письме, со схемой, найденной в партизанском окопе.

«Вроде бы совпадает, — неуверенно решил он. — А может быть, мне хочется, чтобы совпало, и посему я соглашаюсь с обоими документами? А сомнение Романа Гордеевича, высказанное в конце письма, я катего-

рически отметаю. Нет, «дремовский клад» существует», — запавшими в память словами профессора Котова закончил Дмитрий свои размышления.

«ВОЛЯ ВАША, ДЕТКИ»

Просыпаясь ночами, Дмитрий каждый раз видел сидящую у его кровати мать. Анна Григорьевна, чудом нашедшая своего сына, не хотела расставаться с ним ни на минуту.

— Иди, иди, отдыхай, — ласково говорил Митя, гладя ей руку.

— Иду, Митенька, — поднималась мать, но стоило Дмитрию снова заснуть, как она возвращалась и просиживала у изголовья сына до самого рассвета, слушая ровное дыхание.

— Не больной же я, чтобы дежурить у моей койки ночами, — робко возмущался Дмитрий, видя утром бодрствующую мать. — Я тебе запрещаю...

— Не гневись, сынок.

Когда Дмитрий удачно разыскал прадедову схему Турги и начал деятельно готовиться в поход за кладом, Анна Григорьевна не на шутку обеспокоилась.

— Куда тебе, горожанину, в тайгу? Не таким Турга голову свернула.

Опасность усилилась, когда участковый Алешкин привел в дом Кухtareвых бойкую светловолосую девчонку.

Дмитрия не было дома. Люба познакомилась с Анной Григорьевной и недоверчиво посмотрела на нее, когда она назвалась матерью того, кого Люба знала как Костю Голубева.

— Никакой он не Костя, а сынок мой, Митенька. Ты уж не невеста ли его?

Люба ответила, что «не невеста».

— Ну и слава богу. Молод он еще жениться.

Анна Григорьевна не заметила ни смущения, ни легкой обиды девушки.

Пришли Дмитрий с Таней. Анна Григорьевна ревниво смотрела, как восторженно приветствовал заезжую гостью Митя, знакомил ее с Таней, расхваливал свою милую сестренку, поил Любу парным молоком.

Материнское чутье подсказывало ей, что найденный ею сын может быть снова потерян, снова похищен. И,

как всегда, материнский протест сменился неизбежным смирением. «Воля ваша, детки. Были бы вы счастливы!»

А молодежь в это время была далеко от мыслей о сватовстве и женитьбе. Люба не отводила восхищенных глаз от Димы, она как-то быстро привыкла к новому имени друга, хотя называла его то Костей, то Димкой, в сотый раз рассматривала дремовский чертеж и нетерпеливо подскакивала на месте, досадуя на то, что не может сию же минуту отправиться на помощь деду.

Вошла Ольга. Она так торопилась, что даже не заметила в доме гости.

— Тетя, — попросила она Анну Григорьевну, — соберите что-нибудь поесть в дорогу. Через пятнадцать минут я лечу на вертолете в Тургу, там умирает профессор Котов.

Люба тихонько вскрикнула и вскочила с места. Дмитрий схватил ее за руку.

ЧЕТВЕРО НА ВЕРТОЛЕТЕ

Как Дмитрию, скромному, застенчивому парню, удалось доказать пилоту, что ему крайне необходимо лететь в расположение лагеря экспедиции профессора Котова, он после и сам дивился.

Летчик с трудом дал согласие взять на борт вертолета Любу, заявившую о своих родственных правах лететь на спасение деда.

— Мое появление исцелит его лучше уколов и кислородных подушек, — доказывала она. — Ведь говорила я, что деда без меня нельзя отпускать ни на шаг. Что, не права я? — с ожесточением нападала она на присутствующих.

Вдруг ее голос становился умоляющим, в глазах появлялись слезы.

— Ну миленький, ну родненький, — просила она летчика, бывалого авиатора, не раз видевшего и горе и смерть. — Нельзя ли поскорей, дед умира-а-ет...

И летчик сжалился.

— Запрыгивай, коза! — скомандовал он Любе, и та, схватив за руку Дмитрия, бросилась к вертолету.

— А этот куда?

— Как куда? — удивилась Люба. — Он со мной!

— Нет, чижики. Вертолет не трамвай.

Дмитрий отвел летчика в сторону.

— Можно с вами поговорить по-мужски? — мрачно спросил он, доставая из-за пазухи кусок сыромятной кожи.

Мужской разговор состоялся и оказался убедительным. Ольга Кухтарева, устроившаяся на заднем сиденье, видела, как Митя и неизвестно откуда появившаяся в Убугуне светловолосая девушка бросились наперегонки к вертолету. И столько искренней радости выражали лица молодых людей, что Ольга невольно позавидовала чужому счастью и подумала: «И с чего я тогда решила, что этот парень — моя судьба? Кокетничала с ним, а не откройся его родословная, пожалуй, закружила бы ему голову да и женила бы на себе. Ох, ничего бы я ему не закружила, давно он уже закружен. Никому-то я не нужна!»

Вихрь, поднятый винтами вертолета, нарушил ход мыслей Ольги. Серебряная стрекоза вертикально взмыла вверх, неподвижно повисела в воздухе и, выбрав направление, пошла к загадочному Саянскому хребту. Зубчатая каменная стена высилась над темной тайгой, над зелеными долами, расцвеченными голубыми лентами рек, в каком-то суровом средоточии, в глубокомысленном вековом безмолвии.

ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Первым, кого увидели пассажиры вертолета, опустившегося на просторный цветочный луг, был профессор Котов. Старик стоял высокий, прямой, как буддийское каменное изваяние, недоуменно поглядывал на неожиданно свалившихся прямо на голову гостей.

Семен оказался прав. К вечеру Максиму Харитоновичу стало лучше, а на другой день он поднялся на ноги и, хотя сам не мог принять участия в поисках, всех членов экспедиции расставил по местам, приказал продолжать начатое. «Пока я жив...» — твердо сказал он.

Несколько раз к лагерю прибегал Сашко, бравший с Головиным пробы в одном из ответвлений ручья. Каждый раз он находил какое-нибудь заделье, на самом же деле на него было возложено негласное наблюдение за профессором. Скоро его маневр был разгадан, и Максим

Харитонович предупредил Сашку, что если он еще раз беспричинно появится в лагере, то будет наказан за нарушение трудовой дисциплины. Пришлось Сашку наблюдать за профессором исподтишка, выбрав удобную позицию в кустах. Профессор вел себя спокойно. Сидя у костра, разбирал какие-то бумаги, разглядывал записи. Это привело в благодушное настроение Сашку, и он решил полакомиться ягодами. Спустившись в глубокую логовину, Сашко сел на корточки прямо на брусничный ковер и без труда отправлял в рот горстки красных ягод. Неожиданно он услышал шум мотора, доносившийся сверху. Вскочив на ноги, Сашко не поверил своим глазам: прямо на деревья опускался вертолет. Сашко бросился к лагерю. Пока он выбрался из ложбины, прошло добрых полчаса. На поляне стоял вертолет, из кабины которого вылезали незнакомые люди: длиннорукый парень в пестрой ковбойке и девушка, на ходу надевающая белоснежный халат. А к профессору бежала светловолосая девчонка с раскрытыми для объятий руками. Вот она бросилась на грудь Максиму Харитоновичу, повисла на его длинной жилистой шее. Сашко закрыл глаза, ущипнул себя за ухо и снова открыл их. Нет, это не сон, видение не исчезло: профессор крепко прижимал к груди налетевшего на него бесенка.

«Да ведь это Люба, внучка профессора», — наконец узнал ее Сашко. Скрываться в кустах дальше было незачем, и он, перепрыгивая через кочки, выскочил на поляну.

А Любка, торжествующая Любка, видя деда живым и невредимым, отплясывала немислимый танец и пела, кружилась возле деда, дерзко заглядывая ему в лицо.

Ее восторженный пыл умерила Ольга Кухтарева.

— Больной, приготовьтесь к осмотру, — властно сказала она, указывая на палатку. — А вы, девушка, в сторонку...

Максим Харитонович покорно разделся до пояса и безропотно подставлял голую грудь и спину под холодный раструб стетоскопа. По приказу Ольги он послушно поднимал и опускал руки, сдерживал дыхание или, наоборот, делал глубокие вдохи и выдохи. Сохраняя полную серьезность, Ольга исследовала профессора, как она привыкла говорить, «по швам».

— Больше воздуха, абсолютный покой и никаких

волнений, — словно читая рецепт, проговорила она, когда профессор натягивал на плечи рубаху.

Сашко удивился: Семен-то, оказывается, что твой доктор, правильный установил режим профессору.

Люба опустила на корточки возле деда, сидевшего на пне, обхватила его согнутые в коленях ноги тонкими руками и, склонив голову набок, открыто любуясь, смотрела в его вдруг помолодевшие глаза.

— Доктор, мне немедленно нужно переговорить с профессором, — не отходя от Ольги ни на шаг, доказывал ей Дмитрий.

— Я же сказала — никаких волнений.

Чего-чего, а этого Дмитрий не ожидал. Да как она смеет оскорблять его! Решительность и смелость всегда приходили к Дмитрию в момент ярости. «К дьяволу сантименты, интересы государства для меня дороже всего».

— Я позволю вам переговорить с профессором, — заговорила Ольга.

Не дослушав ее наставлений, Дмитрий бросился к Максиму Харитоновичу. Тот, кое-как вырвавшись из объятий внучки, уже сам спешил к нему навстречу.

— Конспиратор! Интриган! — загредел его голос, опускаясь до низких басовых нот. В этом грозном восклицании чувствовалась веселая наигранность. — Выкладывай все, что у тебя есть, у этой свиристелки я ничего не понял.

Дмитрий выхватил из кармана кусок сыromяти.

— Вот документ, подтверждающий торжество истории над геологией! — с вызовом произнес он, подавая профессору свою находку.

— Постой, постой. Какое торжество? Нет уж, раз зарядил, так выстрели.

Никогда, наверное, даже у профессора Котова на лекциях, славящихся своей занимательностью, не было таких увлеченных слушателей. Дмитрий рассказывал обо всем, что с ним произошло со дня отъезда отряда в экспедицию до сегодняшней встречи, не забыв упомянуть и о письме, полученном от юриста Глухих. Особенно профессора взволновала история неожиданного превращения Кости Голубева в Дмитрия Дремова, а карта прадеда привела его в восхищение. И хотя Дмитрий обращался только к Максиму Харитоновичу, из его поля зрения не ускользнуло внимание, с каким слушала Лю-

ба, сидевшая рядом с дедом и нежно обнимавшая его за плечи. Задумчивый взгляд Ольги, казалось, говорил: «Видно, ошиблась я в этом парне; кто ж думал, что в нем настоящая дремовская закваска». Сашко бурно реагировал на каждое открытие, рассказ Дмитрия расшевелил даже этого увальня. Летчик, которого трудно было чем-либо удивить, и тот подавал голос в самые острые моменты рассказа. Подошел Головин, холодный, безучастный. Немного послушав Дмитрия, он раздраженно махнул рукой, отвел летчика в сторону, перекинулся с ним несколькими фразами и поспешил в палатку. Пришла очередь говорить и Максиму Харитоновичу. Он подозвал летчика, указал на карту Дремова.

— Ну как, воздушный бог, найдем мы по этим ориентирам дремовские отметки?

— Надо подняться в воздух, — подумав немного, ответил летчик. — Сверху виднее.

— Так за чем же дело стало?

— Горючего в обрез. Только-только добраться до дому.

— Вертолет прибыл по моему вызову, — слышался голос Головина. — Я получил распоряжение геологоуправления лететь в Иркутск. Беру с собой больного профессора и врача. За остальными членами экспедиции вертолет придет вторым рейсом.

Слова Головина произвели на всех эффект разорвавшейся бомбы.

— Провокация, предательство! — расшумелся профессор, острыми кулаками размахивая перед носом невозмутимого Головина. Дмитрий обалдело глядел, не понимая, откуда взялся этот неприятный человек и с какой стати он берет на себя право решать судьбу многолетних поисков. Люба, сдерживая разбушевавшегося деда, сама кричала Головину обидные слова. В немом недоумении застыли Ольга и Сашко.

А Головин, передавая летчику листок с радиограммой, четко выговорил:

— Вот приказ, потрудитесь выполнять.

Тут не выдержал и летчик, старый дисциплинированный авиатор:

— Извините... но здравый смысл мне подсказывает...

— Этот здравый смысл приведет вас на скамью подсудимых, — угрожающе проговорил Головин. — Немед-

ленно свяжитесь по рации со своим подразделением, вам подтвердят приказ.

— Моя рация неисправна...

— Как же вы могли лететь в тайгу? Нарушили инструкцию.

— Человек в опасности, нет другого вертолета, мы пошли на риск...

— Понятно. Сейчас свяжемся по нашей рации, — Головин направился в палатку.

— Решено, — твердо сказал Максим Харитонович. — В разведку летим мы с Костей, то есть Димой, лагерь остается на месте.

— Доктор, вы отвечаете за жизнь профессора, — закричал от палатки Головин. — С миокардом и в воздух? Неслыханно...

Что было делать бедной Ольге? Вмешаться — еще больше растравить старика, тогда инфаркт неизбежен. Она вопреки всем медицинским правилам рискнула:

— Профессор вполне здоров. Вылет в разведку разрешаю.

Пилот поспешно натягивал шлем, застегивал комбинезон. Дмитрий и Максим Харитонович, вооружившись биноклями, двинулись к вертолету.

— И я с вами, — бросилась за ними Люба.

— В другой раз, — уговорил ее дед, и она безропотно отошла от вертолета.

Заработал мотор, взревели винты. Дмитрий, торжествующий, с высоты смотрел на худенькую сторбленную фигурку любимой девушки. Вдруг Люба встрепенулась, замахала рукой и крикнула звонким голосом:

— Костя!.. Ах, нет, Дима! Береги деда!..

ИСЧЕЗНУВШИЙ РУЧЕЙ

— Ну, паря, и наострился ты ходить по тайге, удержи нет, — обратился к Игорю Семен Сумкин.

— Спешить надо, — отозвался тот.

Путь искателей лежал через гари и буреломы, по обмелевшим ручьям, сквозь колючие заросли, среди редких пустошей, усыпанных лысыми гольцами, торчащими из земли, словно противотанковые надолбы. Шли без привалов, на ходу разжевывали сладкие сухари, прихлебывая из термосов горячее какао. Профессор распорядился сделать дальнюю трех-четырёхдневную разведку,

пройти по безымянному ручью до первого притока, спуститься по нему на плоту километров на тридцать-сорок и выбрать место для переноски лагеря в район, где еще не было поисковых партий.

Где же тот приток, о котором говорил профессор? На карте он обозначен точно, а вот впадает ли в него наш ручей — неизвестно. Игорь с сомнением покачал цыганской головой, сдвинув на затылок широкополую войлочную шляпу, приобретенную еще прошлым летом в Крыму. Вьющиеся волосы выбились из-под шляпы на вспотевший лоб и, как сосульки, повисли у висков.

Ручей служил прекрасным ориентиром. Километрах в пятнадцати от лагеря путники вновь натолкнулись на заброшенные разработки, однако и здесь, кроме отвалов пустой породы, обнаружить ничего не удалось.

— Зачем же здесь заявочные столбы, — удивился Игорь, — какому безумцу пришла эта вздорная затея столбить пустопорожний участок?

— Тут, видно, схитрил кто-то, — предположил Семен. — Были раньше такие мужички-старатели. Намоев удачно золотишка с полпуда, а место надо затаить. Вот он и переносит металл на пустое место, подсыплет, где надо, а потом и продает фартовый участок подвернувшемуся с деньгой купчишке, а для блезиру несколько проб при нем возьмет, золотишком подразнит. У купца глаза разгорятся, а мужичок цену набивает. Сторгуются, магарыч разопьют. Купчик породу моев, а мужичок-золотишник живет в городе, слоняется из кабака в кабак. Просадит с дружками да с бабами всю выручку — и сызнова в тайгу.

Слушая рассказ Семена, Игорь остановился.

— Пойдем скорее, — хватился он, когда Семен умолк. — Время к полудню, а мы все еще петляем позаячи вместе с паршивым ручейком.

— Ты, паря, в тайге не хули ничего, не то боком обернется твоя ругачка.

Игорь засмеялся:

— Ох уж эти таежные приметы, непробиваемое суеверие. Интересно, что может с нами сделать этот безобидный ручей?

А ручей словно и не обращал внимания на своего обидчика, с холодным равнодушием продолжал негромкую песню, начатую тихо в далеких истоках, да так и не поднятую до высокого звучания.

Угадывая очередную петлю, Игорь спрямил дорогу, сокращая расстояние. Там, за тальниковой изгородью, они с Семеном уже в который раз пересекут узкое русло, нацелятся на новый путевой ориентир. Раздвинув упругие прутья, Игорь остановился. «Что такое?» Давно высохшее русло ручья поросло высокой травой, каменные плиты, побелевшие на солнце, казались мозаичными вкраплениями в зеленое поле, купол муравейника шевелился от бесконечной суеты живых существ.

— Где же вода? Куда ушла вода? — набросился Игорь на Семена, как будто это по его магической воле безнадежно пересохло русло ручья.

— Вот и ищи теперь, куда он схоронился.

Пришлось вернуться по следам, оставленным водой в давние годы.

Нет, ручей не свернул в другую сторону, не нашел себе другого русла, обходя каменные преграды. Он исчез как по мановению волшебной палочки.

— Ушла вода под землю, — показывая на узкую расщелину в скале, сказал Семен. — И давно ушла.

— Что же дальше? — растерянно спросил Игорь.

— Пойдем дальше по староречью.

Скоро пропали следы и старого русла. Оно вывело искателей на гладкую каменную площадку, лишенную растительности, серую, безмолвную, загадочную даже для такого следопыта, как Семен Сумкин.

Игорь растерялся окончательно. Опять неудача, новое огорчение для профессора.

— Однако, надо идти прямо, — уверенно проговорил Семен, предварительно выкурив несколькими глубокими затяжками маленькую трубку. — Как птицы летают.

И хотя Игорю это предложение показалось сомнительным: впереди, до самого горизонта, гладкая каменная поверхность без единого кустика, он покорно побрел за Семеном. Показать сейчас на глаза Максиму Харитоновичу ему было еще страшней.

РАЦИЯ ОТКАЗАЛА

Вертолет вернулся только к вечеру. Радостные и возбужденные, Максим Харитонович и Дмитрий вышли из кабины и сразу были встречены вопросительными взглядами Любы и Ольги.

— А где мужики? — весело спросил профессор. — Есть для них дело.

Люба виновато опустила глаза.

— Оскандалились, деда, мы тут без тебя, проштрафились.

— Что такое?.. Где Головин, где Сашко? — в голосе профессора послышались тревожные нотки.

— Рация отказала, — чтобы больше не мучить деда, выпалила Люба. — В палатке Сашко, копается в передатчике.

— А радиограмму успели передать?

— В том-то и дело, что нет, — выходя из палатки и не глядя в глаза профессору, проговорил Сашко. — Только стал настраиваться, тут что-то щелкнуло в передатчике, и все стихло.

— А что Головин?

— Григорий Петрович все время был рядом. Сейчас пытается восстановить рацию.

— Я рассчитывал, что по моей радиограмме нам подбросят горючего для продолжения воздушной разведки на вертолете. А теперь нам и отсюда не выбраться.

Казалось, никогда профессор не был так растерян. Ведь они уже почти у цели. Сегодняшний полет дал ощутимые результаты: по отметке на карте Дремова разыскали старое зимовье, где он прожил несколько лет. Жилье беглого каторжника сохранилось на удивление, крепкие лиственничные бревна выглядели так, словно срублены всего десяток лет назад. Дмитрий с летчиком разобрали щелеватый пол из старых дранин, нагребли слежавшуюся под полом землю и промыли ее на лотке. Обнаружилось несколько крупинок золота, неосторожно оброненных Дремовым в зимовье и провалившихся в половые щели. За все эти годы в избушке Дремова никто не бывал: добраться до нее можно было только по знакомым тропам. Сверху ее надежно прикрывала густая зелень тайги. И если бы не дремовская карта, можно было бы ходить вокруг да около зимовья целые годы и не обнаружить его.

«Вопистину, как много надо пережить и сделать, чтобы «дремовский клад» из мифа стал действительностью, — глубоко задумался Дмитрий. — Если бы не удалось обнаружить в партизанском окопе бутылку с картой, ни в жизнь бы не найти зимовья прадеда. И Голи-

ков, и Шмидт ни за что ни про что сложили головы. И дедов моих Степана и Ивана ввели в искушение, толкнули на преступный путь».

Профессор решил перенести лагерь к дремовскому зимовью и от него продолжать поиски золотого водопада. Задача облегчалась тем, что район поисков суживался, а с помощью воздушной разведки обследование его можно было бы ускорить. И вот новая неудача: горючего почти нет, радиосвязь с областным центром прервана. Максим Харитонович раскрыл спичечный коробок, на дне которого лежали тяжелые желтые крупинки.

— Смотрите, Ольга Архиповна, и ты, Люба, вот он, первый подарок удачливого золотишника.

Старый ученый на какое-то мгновение забыл обо всех тяготах похода и горьких неудачах. Он стоял закинув голову, и острая бородка, усыпанная серебряными нитями, была нацелена туда, где дремало забытое зимовье.

Из палатки вышел Головин. К группе геологов подошел летчик. Все были в сборе, за исключением Игоря и Семена, ушедших в дальний поиск. Все ждали решения профессора. А он, внимательно вглядываясь в озабоченные лица своих спутников, ждал, что скажут они.

Первым нарушил молчание летчик.

— Еще два-три часа полета — и машину можно сдавать в металлолом.

— Хорошо, — услышал он одобрительный возглас профессора.

— Что хорошо? — не понял летчик.

— Хорошо, что у нас есть еще два-три часа. Из тайги нам уже за такое время не выбраться, а для разведки хватит.

— В самом деле, — неожиданно заговорил Головин. Удача профессора и в него вселила уверенность, что время в экспедиции потрачено не зря, успех близок. — Дремов не мог охотиться вдалеке от зимовья, зверей достаточно и поблизости. И еще водопад говорит сам за себя: вода скатывается с отвесной каменной скалы. Надо разыскать скалистую гряду в районе зимовья и обследовать ее подножие.

— Предложение хотя и не новое, но дельное, — резюмировал Максим Харитонович. — Как только вернутся Семен с Игорем, переносим лагерь к дремовскому зимовью. Оттуда и разведку вести ближе.

Когда профессор закончил распоряжения и все члены экспедиции занялись своими делами, Ольга подошла к Максиму Харитоновичу.

— А что прикажете делать мне, вашей случайной пленнице?

— Помогайте варить щи!

Предложение было сделано таким тоном, что на него нельзя было обидеться.

— Разрешите выполнять? — по-военному отчеканила Ольга.

— Выполняйте.

Ольга сняла халат, схватила ведро и побежала к ручью за водой.

— Минуточку, — остановил ее Сашко. — Дрова и вода — обязанности кухонного мужика. А в этой роли до сих пор выступал я.

Ольга впервые внимательно поглядела на Сашка. Неуклюжий парень, провожаемый ее теплым взглядом, внезапно преобразился. Откуда взялась прыть у медлительного, неповоротливого хлопца.

Горел костер, кипела вода. Ольга и Сашко, весело переговариваясь, готовили ужин.

БЕЗ ПАНИКИ, КРОШКА!..

В контору правления колхоза «Заря» вбежала девушка. Она остановилась посреди комнаты, большими округлыми глазами разыскивая председателя.

— Савва Елизарьевич! — воскликнула она, увидев его в окружении колхозников. — Ни Ольги, ни вертолета нет третий день, а вы спокойно сидите в своем председательском кресле. Будто египетский фараон!

Всякую критику слышал в свой адрес Каинов за двадцать лет председательской власти, но до «фараона» не доходило.

— Цыц, малявка! — крикнул он на Таню. — Я сам третий день не сплю, не ем. И область и район покою не дают. Пропали где-то наши послы. И с экспедицией никакой связи нет.

— Извините меня, Савва Елизарьевич, погорячилась я. Но ведь Ольга единственная моя сестра, — готовая зареветь, взмолилась Таня. — Соедините меня с первым секретарем обкома.

— Ого! Ишь ты какая!.. Он звонил мне и говорил,

что на розыски послан вертолет, вот-вот должен к нам подрулить.

Таня выскочила на улицу. Она должна немедленно лететь — спасти Ольгу и Диму!

Каинов не обманул, скоро над селом повисла неуклюжая стрекоза с длинным обвисшим хвостом, она нацелилась на площадь перед правлением колхоза и мягко приземлилась, взвихрив винтом осевшую на землю пыль и распугав многочисленные стаи домашней птицы. Счастливо избегнув столкновения с метнувшимся под ноги визжащим от испуга кабанчиком, Таня подскочила к вертолету.

— Вы полетели спасти Ольгу? — вытянула она худенькую руку. — Я знаю, где она, знаю, где Дима!..

В эту минуту Тане казалось, что, кроме нее, никто не укажет курса спасательным машинам. Заведомо говоря неправду, она верила самой себе по какой-то внутренней интуиции, что знает, где сейчас Оля и Дмитрий.

— Без паники, крошка!.. — обнажив белозубую улыбку, уgomонил Таню молоденький пилот. — Чутьку терпения, уточним координаты.

— Я все знаю, возьмите меня с собой.

— Вот сейчас с председателем согласуем... — ответил парень, подавая подоспевшему Каинову пакет. — Вы, папаша, держите связь с нашим подразделением, может, потребуется дополнительная помощь. А эта крошка действительно знает, куда мне лететь?

Савва Елизарьевич досадливо махнул рукой. Таня нырнула в темный люк кабины и уже через минуту почувствовала, что вертолет в воздухе.

ВЕДУТСЯ РОЗЫСКИ

Напрасно в лагере геологов ждали Игоря и Семена. Они не пришли на вторые сутки, не появились и на третьи. Сниматься с места было нельзя, разбивать отряд на две группы нецелесообразно, оставлять в старом лагере одних женщин опасно. Тяжело бездельничать, чувствовать себя связанным по рукам и ногам, когда ноги пужны для того, чтобы шагать к цели, а руки — чтобы взять ими сокровища.

Максим Харитонович отозвал Дмитрия в сторону:

— Слетаем еще разок к зимовью.

— Профессор, надо искать пропавших товарищей.

— Направление, взятое ими, мне известно, оно совпадает с нашим курсом. Сейчас утро. Семен с Игорем кипятят чай на костре, вот мы их и обнаружим по дыму... Григорий Петрович, вы остаетесь в лагере за старшего. Продолжайте доискиваться неисправности в рации. Люба вам поможет, дома она здорово шаманит над приемником. Любава, не скучай! — поцеловал он в лоб внуку. — Мы летим искать наших следопытов.

Молодые люди обменялись прощальными взглядами.

Головин долго стоял у костра, провожая беспокойным взглядом взлетевший вертолет, пока он не скрылся за пирамидальными вершинами сосен. Вдруг его настроженный слух привлекло хаотическое нагромождение звуков, донесшихся из палатки, куда ушла Люба. Обычно так беспокойно потрескивают короткие волны радиоприемника во время его настройки. И словно над самым ухом кто-то совершенно отчетливо проговорил: «...ведутся розыски отряда профессора Котова и исчезнувшего вертолета». Дальше что-то щелкнуло, как раздавленный щипцами грецкий орех, и опять все смолкло.

Люба выскочила из палатки:

— Вот досада, всего полминуты поговорил, и снова онемел, — со слезами в голосе обратилась она к Головину.

— Но ведь нас ищут... ищут! — радостно воскликнул геолог. — Сашко, Ольга Архиповна, больше огня, выше костры. Нас ищут!

— Да мы, собственно, и не терялись, — насмешливо проговорил Сашко, — а только растерялись.

Но Головин не слышал каламбура Сашка. Хватая длинные сушины, заготовленные для костра, он бросал их в жаркое пламя, поднимая фейерверки искр, а те трассирующими строчками прошивали неподвижный голубой воздух, разноцветными ракетами взымали ввысь, приглашая воздушную машину на посадку.

И она появилась, словно ждала приглашения, покружилась над поляной с высокими кострами, привлеченная светом пламени, и медленно опустилась у опушки леса, подобрав винты, как бы опасаясь подпалить их на жарком огне.

Наступила всеобщая суматоха. Таня обнимала и целовала Ольгу, не давая ей опомниться и сказать хотя бы

два слова. Головин наседа на вертолетчика, требуя немедленной эвакуации лагеря и переброски его в Иркутск. Люба торопила пилота отправляться в погоню за дедом, который улетел в тартарары, и неизвестно, как кончится эта его новая затея, а Сашко безучастно смотрел на своих друзей, а потом решил, что теперь самая пора обедать, и отошел к костру, где в котле поспевал отличный суп, запавленный бараньей тушенкой.

ДЫМ НА СКАЛЕ

Первым тонкую струйку дыма, поднимавшуюся над гладкой поверхностью скалы, увидел Дмитрий.

— Дым, — сказал он всего одно слово, и этого слова было достаточно, чтобы насторожить профессора и пилота.

Дым в безлюдной местности, на голой скале, где не уживается растительность, откуда бежит зверь и птица, появился неспроста.

А струйка дыма приближалась, из прозрачной она становилась темной и густой. Пилот уже различал силуэт человека, сидящего на корточках и поддерживавшего свой сигнальный костерок.

— На посадку, — скомандовал Максим Харитонович, — это наш человек. — В сгорбленной фигуре у костра профессор безошибочно узнал проводника экспедиции Семена Сумкина.

— Где Игорь? — первым сошел с вертолета Максим Харитонович.

— Там... — неопределенно указывая куда-то вниз, ответил Семен.

Профессор и Дмитрий подошли к краю обрыва. Отвесная круча, казалось, не имела подножия. Острые уступы, седловины, замысловатые арки, головоломные карнизы, кончающиеся скальными отрогками, каменные зубы чудовищ, обнаженные как бы для острастки пришельцев, черные, желтые, серые, бесформенные глыбы, нагроможденные друг на друга, как после землетрясения, и где-то там, среди этого хаоса, Игорь Колосовский.

Профессор нахмурился.

— Как там? — подходя вплотную к Семену и беря его за грудь, взревел Максим Харитонович. — Кто позволил? Я спрашиваю, кто позволил?

Семен как стоял на коленях, так и остался стоять, словно винясь перед руководителем экспедиции за то, что отпустил Игоря одного. Рукой он все еще машинально отрывал от полы пиджака длинные лоскуты материи и подбрасывал их в костер, где уже сгорел его вещевой мешок, сапоги и любимый картуз.

Сдерживая нетерпение слушателей, Семен рассказал, что они шли по ручью, затем по высохшему руслу, а уже потом по следам, оставленным на камне. Игорь никак не хотел возвращаться к профессору, не выполнив задания. Вчера под вечер они пришли сюда и у самого обрыва устроили ночевку. «Отсюда, наверное, низвергался золотой водопад, — заявил Игорь. — Завтра все узнаем».

Утром, когда Семен проснулся, Игоря на месте уже не было, он ушел вниз по головокружительному спуску. Семен решил было идти следом за ним, но куда там, даже взглянуть вниз страшно, не то что оторваться от края скалы.

До этого они с Игорем видели в воздухе вертолет, вот Семен и решил сегодня ждать его появления, чтобы на машине спуститься в бездну на розыски Игоря. С самого утра он палит в костре свою лопатину, чтоб привлечь внимание пилота.

— Парнишка бойкий, не пропадет, — успокоительно закончил Семен.

— А теперь вниз, — распорядился профессор, выслушав рассказ Семена.

Пилот послушно включил мотор, вертолет, лениво перешагнув каменный барьер, стал медленно опускаться в глубокую котловину.

— Это какая-то мышеловка... Горючего последние капли, — ворчал пилот, осторожно снижая машину почти по отвесу, едва не задевая за клыки и бивни, выставленные скалой на его пути.

Никто не отозвался на его слова. Все три пассажира вглядывались в расщелины, уступы и впадины, стараясь обнаружить следы спускавшегося здесь Игоря. Максиму Харитоновичу показалось, что на неровной поверхности белеет клоч рубахи Игоря, еще ниже — следы крови, у самого подножия — войлочная шляпа. Нет, все это плод обостренного воображения, меняющиеся расцветки камня, известняковые отложения, багровые прожилки. Дмитрий тронул профессора за плечо:

— Взгляните, Максим Харитонович, какая красота.

Вертолет опустился до половины скалы, и взору кладоискателей открылось живописное полотно Тургинской долины. Ранее скрытые за каменной грядой второго яруса, Тургинские Альпы на время заставили забыть пассажиров о цели их полета, о трудных поисках. Зеленый океан, переливающийся всеми оттенками от нежно-изумрудного, ласкающего взор своей чистотой и ясностью, до темного, малахитового, притягивающего к себе строгостью и величием. Озера овальной формы в глубоких горных впадинах, сонные, застывшие, словно скованные голубым панцирем. Многоярусные амфитеатры с подходящими к ним длинными террасами, нависшими над светлыми, безлесными, цветастыми долами. Река, стремительная, словно прыжок горного козла, со вспененной гривой, развевающейся на ветру, шумная, говорливая, как первые нестройные грозовые раскаты весеннего грома.

— Красотища неповторимая, — восхищенно воскликнул Максим Харитонович. — А знаете, Митя, ваш предок был великим эстетом, он не столько хранил секрет золотого клада, сколько оберегал природу, ее первозданность от нашествия проходимцев-золотопромышленников.

— Спасибо, профессор, за содержательную лекцию, как говорят студенты, — с едва скрываемым смешком сказал Дмитрий, — но вы отвлекаетесь от основной темы. Вон смотрите, не ваш ли юноша сидит внизу на карнизе?

— Он, он самый! — профессор приподнялся на сиденье и уставился в иллюминатор.

— Игорь! — закричал Семен, увидев в здравии и благополучии друга.

Вертолет сделал посадку.

— Кто вам разрешил рисковать жизнью? — строго спросил профессор, выходя из кабины. — Потрудитесь объясниться! — Максим Харитонович хотел пригрозить Игорю отстранением от участия в поисках, но, видя горящие глаза студента и угадывая слова, готовые сорваться с пересохших губ, сжалился. — Безобразие, всю экспедицию ставите под удар!..

— Профессор, — устало сказал Игорь, — обернитесь, за вашей спиной золотой водопад...

Все невольно глянули туда, куда вытянутой рукой указывал Игорь. Один Максим Харитонович, сохраняя олимпийское спокойствие, снисходительно взглянул на юношу и недоверчиво возразил:

— Не только золотого, но и обычного водопада не вижу...

— Он там, — пересиливая усталость, упрямо повторил Игорь. — Я спустился с самого верха, прощупал каждый камень, каждую неровность. Стена хранит на себе следы водопада.

— Позвольте, — насторожился профессор. — Позвольте...

Он восстановил в памяти слова Семена, который рассказывал, что ручей, по которому они шли, исчез, ушел в расщелину. Совершенно ясно, смещение земной коры от сильного подземного толчка изменило направление водного потока. Вездесущая вода нашла себе новое русло, слилась с подземными водяными жилами, вышла на волю где-то совсем в другом месте.

— Дайте-ка еще дремовскую карту! — Кусок сыромятной кожи перешел из Митиных рук в руки профессора. — Интересно. Представьте, уважаемые коллеги, что до зимовья Дремова отсюда буквально подать рукой. Ну что ж, поздравляю вас, нарушитель дисциплины Семен Сумкин, вы правы... Но разрешите вас разочаровать: диабаз никогда не содержал золотоносных жил и не был даже спутником золота. На экзаменах вы бы сегодня схватили двойку. Так что в золотом водопаде пока золота нет...

ЗАГОВОРИЛИ ГОРЫ

Отдаленный гул, возникнув справа и немедленно повторенный слева, приближался к группе людей, стоящих у подножия скалы. Сначала он казался эхом пролетевшего на большой скорости реактивного самолета. Затем звук стал дробиться, постукивая неровными ударами морского прибоя о каменистый берег. Приливы нестройного гула сменялись отливами. Казалось, кто-то неумело музицировал на одних басовых нотах, которые то звучали громко, то затихали.

— Что-то мне эта музыка не нравится, — проворчал профессор. — Не пора ли восвояси? — обратился он к пилоту.

— За один рейс всех не увезти, — сказал тот.

— А если попытаться?

— Извините, профессор, но вертолет не бабочка, которая может спланировать на каждый цветок. Один кто-то должен остаться. Можно и двоих... А подбросят горючего, тогда все сюда перебазировемся.

— Хорошо. Остаюсь я и Дмитрий, — сказал профессор, — а Семен с Игорем полетят. Завтра вы приведете сюда пешком остальных.

— Головин нас не слушается, Максим Харитонович, — возразил Игорь. — Лучше вам самому лететь.

Обескураженный неудачей юноша готов был до последнего дыхания продолжать поиски водопада. Да и не хотелось встречаться с Сашком, с этим неутомимым пересмешником, который теперь и шагу ему не даст шагнуть без того, чтобы не напомнить об ошибке.

— Пожалуй, вы правы, — неожиданно согласился профессор. — Остаются Игорь и Костя. То есть Дима! Максимум осторожности. Ждите нас завтра-послезавтра. Семен, оставь ребятам весь харч и порох.

ЧЕЛОВЕК В БЕДЕ

Неподвижный, одинокий, беспомощный, лежит человек, уткнувшись головой в зыбкие мхи. На его обнаженной спине кровоподтеки. Ссадины и царапины расписали плечи и руки, голова обмотана обрывком рубахи со следами запекшейся крови. Тело в неестественном положении, словно шел солдат в атаку да грохнулся наземь, скошенный автоматной очередью, вытянув вперед руки со скрюченными пальцами, готовыми вцепиться в горло противника.

А кругом тайга, суровая, беспомощная к слабым и ласковая, покорная перед сильными. И нет на сотни километров ни жилья, ни живого человека. Кто же придет на помощь человеку, которого подстерегла беда в таежной глухомани?

Может быть, ты, кедровка, разнесешь по всей тайге сигнал бедствия? Привыкла ты шуметь в кедрачах, отпугивая резким до противного криком других обитателей тайги от лакомых кедровых орехов. Прокричи же сейчас тревожно, позови из-за синих гор и голубых озер народ на помощь.

Нет, не слышно тревоги в голосе кедровки. Никто не мешает ей цепким клювом подсекать под самый корешок шишки, спускать их с кедра на землю, следить, чтобы пожива не затерялась во мшанике.

Может быть, ты, бурундучок, свистнешь на помощь мелкое зверье, чтобы оно по эстафете передало от одного к другому печальную весть, донесло ее до человеческого жилья?

Нет. Не до человека тебе, полосатый зверушка. Изредка поглядываешь ты на незнакомое существо, что согнувшись лежит на звериной тропе у самого ручья, и пугливо оббегаешь его стороной, опасаясь широко открытых глаз, в которых еще теплятся живые искорки.

Может быть, ты, хариус, по извилистым ручьям подплывешь к реке голубой и, минуя пороги и перекаты, вырвешься на широкий плес, на светлой поверхности которого отражается прибрежная улица, ее дома и дворы, яркая одежда жителей? Вырвись из речной струи, вынырни на мгновение, пусть поймут люди, что гибнет в далекой тайге их товарищ.

Нет, напрасно. Рыбы немы и говорить человеческим голосом могут только в сказках.

Лежит человек, одинокий, беспомощный, уткнувшись головой в зыбкие мхи, и только черные зрачки широко открытых глаз подают признаки жизни...

Это Дмитрий... Ведь бывает же так нелепо в жизни, что остались в тайге двое — Игорь и Дмитрий, чтобы один из них потерялся. Едва улетел вертолет с профессором, Дмитрий и Игорь заинтересовались дальним гулом, который доносился из-за сопки. Оба не сразу поняли, что происходит в горах, и тогда Дмитрий сказал товарищу, что хочет посмотреть, что же там происходит. Еще было светло, и, казалось, ничего не предвещало опасности. Дмитрий отошел от стоянки не более двухсот метров, когда почувствовал, что земля дрожит под ногами. А земля дрожала как в лихорадке, ровные места стали бугриться, отвесная скала потемнела и, на глазах переламываясь, на тысячи оттенков, распалась на увесистые обломки. И тут неведомо откуда появившиеся струи воды окатили Дмитрия, он кинулся бежать, но они догоняли его и хлестали, как из мощных пожарных брандспойтов.

Он бежал от этих ударов, но вдруг ноги его подкошились, он упал и сразу потерял сознание.

Игорь слышал грохот, до него докатились отголоски шумящего потока и толчки землетрясения, но он не сразу понял, что Дмитрий попал в опасность, поэтому не спешил на помощь товарищу. Потом, когда уже совсем стемнело, он стал звать Дмитрия. Чтобы не заблудиться самому, он не удалялся от места, куда завтра должен был прилететь вертолет.

Утром Дмитрий не вышел из-за сопки. Игорь вынужден был все-таки поискать его. Он боялся, что прилетевший профессор обвинит его в непорядочности: отпустил товарища одного и не пошел его искать. Обойдя отвесную скалу, Игорь увидел ручей и рядом с ним вросшее в землю охотничье убежище. Это же зимовье! Может быть, Дмитрий остался там и заночевал? Но в обвалившейся избушке никого не было. Игорь решил вернуться к костру, ждать вертолет, не отлучаясь далеко от стоянки.

Вертолет с профессором прибыл вскоре после полудня. Игорь сидел у слабого костра растерянный. Труднее всего было объяснить профессору, что за одну ночь он потерял где-то товарища.

— Что ж, — с тяжелым вздохом промолвил профессор. — Поиски золота временно прекращаем, будем искать человека. Прямо-таки одно событие за другим...

С вертолета сошли Люба и Семен. Они не могли поверить, что за одну ночь Дима потерялся.

СЛАБЫХ ТАЙГА НЕ ТЕРПИТ

Природа не только создает, но и беспощадно разрушает свои творения. Еще вчера здесь были отвесные скалы, до глянца отполированные временем и ветрами. Сегодня перед нами хаотическое нагромождение каменных обломков, на сотни метров искалеченный лес, ручьи, запруженные осыпями и завалами.

Рука Максима Харитоновича описала широкий полукруг и застыла с вытянутым указательным пальцем.

— Там зимовье Дремова, — профессор опустил руку. — Здесь мы вчера оставили его правнука. Ведите нас, Игорь. Мы не можем медлить ни минуты. Покажите, куда ушел Дмитрий.

Игорь вышел вперед. На каменистом подножии скалы редкая растительность, никаких следов. В низких

ложбинках тонкая березовая поросль, прутьики осинника и те побиты камнепадом. Люба торопливо шагает рядом с Игорем. Она молчит: прежняя непринужденность и веселость отступили перед надвинувшейся бедой. «Милый неуклюжий энтузиаст, дорогой мой человек, только бы найти тебя живым». Мысли наплывают одна на другую. Собственно, других мыслей и нет, в сознании только одна-единственная тревога: где ты, отзовись?

— Ди-ма! — крикнула она, и только эхо отозвалось на ее зов.

Игорь неуверенно оглядывается кругом: никаких примет. Не мог же Дмитрий уйти слишком далеко, а если он погиб от какого-либо зверя, то останутся следы... Вот ручей, поваленная осина, разбитая каменной глыбой.

— Вот здесь он перепрыгнул ручей и скрылся в ольшанике, — сказал Игорь.

— Ну, в ольшанике-то он от нас никуда не денется, — ободрился Семен и первым бросился туда, куда указывал Игорь. Теперь Люба не отставала ни на шаг уже от Семена.

Опытному таежнику найти человека там, где давно не ступала человеческая нога, не очень-то уж и трудно. Они шли, и Семен увидел на травянистом грунте, засыпанном камнями, на тонких стволах и ветвях ольхи следы.

— Был обвал, — сказал Семен, — может быть, его зашибло камнем?

Семен шел первым, а Игорь замыкал шествие, придерживаясь шага профессора.

— Парень пер напролом, что твой сохатый, — отметил Семен, разглядывая следы. — Тут он был здоров и невредим.

— Только где он? — забежая вперед, воскликнула Люба.

Семен уже и сам видел пестрый лоскут, словно выпел развевающийся на ветке ольхи. И странное дело, густой ольшаник в этом месте словно подрезало одним широким взмахом гигантской косы. Последним подземным толчком взбурило каменистую площадку, будто при извержении вулкана взмыла в высоту многотонная масса земли и камня, рассыпалась на сотни метров и обрушилась на землю тяжелым градом.

— Обвал тут, верно, не поздоровилось, бедняге, —

печально сказал Семен. — Порвал рубаху, перевязал раны и пошел дальше... Значит, был жив...

Все четверо двинулись дальше.

И снова Люба первой заметила какие-то знаки:

— Семен, смотрите! Ужас!

Все отклонились на несколько шагов в сторону от следа. Рядом с истлевшей колодой лежал череп и кости. Трава проросла через впалые глазницы, проглядывает сквозь обнаженные ребра, прикрывает густой зеленью очертания скелета.

— Это старые кости, — сказал Семен.

Сколько раз зеленела трава, сколько раз выпадал и снова таял снег, сколько раз дожди поливали кости покойного, свершая над ним человеческий обряд обмывания? Кто это — случайная жертва властной и беспощадной тайги? Охотник-соболятник, соблазнившийся легкой добычей дорогого зверька там, где до него никто не промышлял, и потерявший обратную дорогу? Или неудачник золотоискатель, не рассчитавший своих сил и сложивший голову в бесплодных поисках «дремовского клада»? Или беглый каторжник, которому неведомая тайга стала злей мачехи?

Бессильным оказался он бороться с суровым нравом тайги. Согнула, смяла она его своими цепкими лапами, придавила к сырой земле, чтобы больше не отпустить.

Слабых тайга не терпит.

Геологи быстро собрали останки неизвестного в одну кучу, придавили каменным плитняком, молча постояли около могильного холмика и опять пошли дальше. Мертвым помощь не нужна, она нужна живому,

— Тяжело ему. — Семен читает Любе следы. — Смотрите, он шел, уже не разбирая дороги, видать, не в памяти, заблудился или сильно ранен. Крови потерял много... Здесь ягоду брал, да все на четвереньках ползал, стало быть, голова раненая, наклоняться трудно... Отдыхал... Что это? Дальше полз. Сбил с пути. Вот он здесь лежал. Всю ночь лежал... Он где-то близко!

И в ответ на отрывистый зов ее невдалеке раздается тоже крик. Все четверо настороженно остановились, ожидая, какую еще злую шутку сыграет с ними тайга.

...Ни кедровка, ни бурундук, ни хариус не помогли Дмитрию Дремову избавиться от беды, не привели ему на помощь людей. Хотя и мягкие подушка с периной — зыбкие пружинистые мхи, да недолго улежишь на них, когда солнце греет и без того горячую голову, а мощь кара разъедает обнаженные свежие раны. Тяжело поднялся Дмитрий на ноги, освежился ледяной водой из таежного ручья, плеснул воду на голову, на грудь, а когда успокоилась вода в прибрежном заплеске, долго смотрел на свое отражение в глубине ручья, не узнавая обезображенного лица с рассеченными бровью и подбородком, синими подтеками под глазами, лохматыми волосами и густой щетиной на щеках. И все это на фоне прозрачного неба и береговой растительности, перевернутых вверх ногами, отраженных в водяном зеркале.

«Сейчас я, наверное, здорово похож на своего прадеда в худшие времена его скитаний, — подумал Дмитрий. — Да и положение у меня сходное с ним: один в тайге... И в какой стороне Игорь, не знаю. У прадеда были и ружье, и таежная сноровка, а я вечный горожанин, да еще с пустыми руками. Проверим-ка, что осталось в карманах. Ровным счетом ни шиша. Даже сухой корочки нет. Постой, а это что?.. Да! Схема «дремовского клада»! Она совсем ни к чему. Какой тут клад в глуши? И с чего это я взял, что я одинок? Это прадед был одинок, а у меня друзья: профессор, Люба... Они скоро прилетят и станут меня искать. Как болит нога! Если бы не нога, то я бы сам отыскал дорогу. По ручью к подножию скалы, а потом вдоль нее вправо до места катастрофы, там остался Игорь. Что же с ним? Он, наверное, ищет меня. И как это меня нелегкая толкнула прямо под каменный ливень? Прадеду в сто раз было труднее, и то выдюжил. Крепись, Димка, если ты дремовского рода, крепись и не уходи далеко, а то не найдут...»

Каждый шаг давался Дмитрию с огромным трудом. Кажется, пройдено много верст, а оглянешься — видишь, что за спиной остались лишь сотни метров.

До сумасшествия болит нога, и пить хочется смертельно. Дмитрий снова увидел свое отражение в воде. Та же варнацкая морда, лихорадочный блеск в глазах. Да нет же, это не блеск в глазах, это на дне ручья живыми искорками сверкают маленькие камушки, едва заметные песчинки. Дмитрий протянул руку к загадочному

камушку. От резкого движения с берега осыпалась земля, вода помутнела, видение исчезло.

«Что за фокусы? — удивился Дмитрий. — Сроду не видел такого. Может быть, это золотые самородки? Наверное, они. Собственно, ради чего вы, аспирант Голубев, ныне кладонскатель Дремов, оставили академическую тишь ученых кабинетов и очертя голову бросились в поиски? Вам не дает покоя зов предков! Но ведь зов предков — инстинктивное влечение, свойственное животным, а не разумному существу, каким являетесь вы. В общем, кончай, Дремов, разводить философскую антимонию, вода отстоялась, и золотые зрачки со дна ручья смотрят на тебя с укоризной, как только смотрят на законченных дураков».

Дмитрий медленно опустил руку в воду и осторожно, словно подкрадывался к чуткой золотой рыбке, протянул пальцы к камушку. Только выдернув руку из воды, сразу почувствовал в ней необычную тяжесть. И неожиданно для самого себя заорал во все горло: на ладони лежал небольшой золотой самородок...

Первой опомнилась Люба. Она бегом бросилась на голос.

— Стой, бесшабашная! — закричал ей вдогонку Максим Харитонович, но вернуть Любу было невозможно, как невозможно остановить порыв души, перед которым рушатся любые преграды.

Профессор, Игорь и Семен поспешили вслед за девушкой. Через двести-триста шагов они стали свидетелями трогательной сцены: совершенно неузнаваемый, обалдевший от счастья Дмитрий сидел на траве и глупо моргал глазами. А Любка, эта святая скромница, сидела рядом, прижавшись щекой к его плечу, и обнимала его обеими руками. При этом она повторяла какие-то бессвязные слова, которые произносят в подобных ситуациях все влюбленные мира.

Дмитрий при виде приближающейся к ним группы людей с трудом высвободился из объятий Любы.

— Профессор, — торжественно произнес он, разжимая кулак, — по-моему, это чистое золото!

— Ты жив! — обрадовался Максим Харитонович, наскоса поглядывая на внуку. Он приблизился к Дмитрию и, приняв из его руки кусочек самородного золота, проговорил: — Пожалуй, наши мнения не расходятся, это золото...

Ручей звенел золотым звоном. Или, быть может, эти звуки рождала возбужденная фантазия?

Неглубокий, порожистый светлый ручей бороздил ершистыми струями неровное зеленоватое дно, набрасываясь на остробокие валуны, расплетался на десятки косичек, проскакивая через частокол каменной преграды. Поток не журчал, а звенел, точно это были не струи тихой воды, а золотая лавина, мелодично звенящая при каждом ударе о препятствие.

Дмитрий, опираясь на Любину руку, шел впереди всех. Камни ударили его в плечо и в голову, но он чувствовал в себе достаточно сил, чтобы идти. Он слышал гул водопада, там берет начало романтической мелодия о горестях и скитаниях беглого каторжника, о трудных поисках его потомков. От нарастающего шума гудело в ушах, но Дмитрий не останавливался.

Водопад уже близко. Лавина воды, минуя горные уступы, переваливаясь через острые карнизы, разливаясь по широким террасам, с шумом обрушивается вниз. Кажется, бор сосновый шумит в непогоду или бьет в отвесный берег штормовая волна.

Все остановились. Не выпуская из своей руку Любину, Дмитрий свободной рукой указал вверх.

— Вот он, золотой водопад...

Подоспел профессор со своими спутниками. Вся группа застыла, пораженная величественной красотой, открывшейся их взорам.

Из расщелины, промытой веками на самой вершине скалы, словно из гигантского лотка, вырывался могучий поток, разливаясь по неровному отвесному склону. Вода играла всеми ощутимыми для человеческого глаза красками, повторяя необычные оттенки скального покрова, при солнечном свете сверкая цветами радуги, отраженными в струях, брызгах, каплях. Чем ниже опускался поток, тем больше он бурлил, разбрасывая по сторонам клочья белой пены. И как только пена оседала на каменный уступ, она теряла первоначальный молочный цвет и казалась связкой маленьких ярких воздушных шариков.

К подножию вода сбегала отвесно, многочисленными тяжелыми струями, висющими как кисти огромной тюлевой шторы. Кисти шевелились, переплетаясь меж-

ду собой, раздвигались, неожиданно открывая наблюдшим то, что считалось многолетней тайной. И тогда в тяжелой массе спрессованного окаменевшего грунта из-за приоткрытой завесы осторожно, украдкой проглядывали желтые зрачки: один... другой... третий... Они то исчезали, то появлялись снова, вспыхивали справа, слева, выше, быстрыми перебежками менялись местами, перемигивались между собой, прятались за кистями шторы. И тогда бесцветные кисти вспыхивали золотыми искорками. А когда солнце из зенита перебросило через вершины сосен вездесущие лучи в бушующую у подножия скалы купель, почудилось — не золотая лавина катится с гор, а льется расплавленное солнце.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ШЕСТЕРО БЕГЛЫХ

Одиночество	7
Есть силенка	12
Расчет вчистую	15
Колдунья	18
В центре	21
В избушке на околице	26
Побег	27
Бурятская юрта	31
На плоту	33
Расправа	36
Рыбачья лодка	38
В Саяны	39
Бел-горюч камень	43
Дальше в горы	45
Выстрел в спину	48
Задумки старосты	51
Держись, варначина!	52
Через пороги	55
Разлука с сыном	57

Каменный остров	60
Закон тайги	62
Негаданная встреча	63
Шестопалиха	66
Варварин день	67
Приход весны	70
Гибель Ивана	71
Золотой водопад	73

Часть вторая. БРАТЬЯ

Завещание	79
Дунюшка	83
Сватовство	86
Трое не один	88
Ожидание	90
Тяжкие испытания	92
На помощь	96
Преграда	97
Выкуп	100
Возрождение легенды	102
Еще одна экспедиция	105
На подступах к сокровищам	106
У безымянного озера	109
В дожди	111
Первые самородки	114
Вдоль старицы	116
Трагедия у болота	117

Часть третья. ПОИСКИ

«Дремовский клад» существует	123
Аспирант Голубев	127
Дело братьев Дремовых	130
Огорчение Любы	132
Первые дни	133
Сашко и медведь	137
В путь	140
Дорожное знакомство	141
Во сне и наяву	146
Первая размолвка	148
Дом с «царскими воротами»	152
Обманчивая находка	154
«Чалдонская шутка»	157
Партизанская весточка	160
Забытый принск	163
Правнук золотоискателя	165
«Смерть за смерть»	168
Странное дело...	173
Загадочные буквы	177
Алая кровь сараны	180
Профессор болен	181
Новая загадка	184
Рапорт почтара	186
Чертеж прадеда	187
«Воля ваша, детки»	191
Четверо на вертолете	192

Поиск продолжается	193
Исчезнувший ручей	197
Рацья отказала	199
Без паники, крошка!..	202
Ведутся розыски	203
Дым на скале	205
Заговорили горы	209
Человек в беде	209
Слабых тайга не терпит	211
Золотой звон	217

Киселев В. В.

- К44 Золотой водопад: Приключенческая повесть. —
2-е изд., доп. — М.: Мол. гвардия, 1979. — 222 с.,
В пер.: 85 к. 100 000 экз.

Еще до Великой Октябрьской социалистической революции охотник нашел в тайге водопад, вымывающий золотые самородки. Легенды об этом водопаде помогли геологам через многие годы открыть месторождение золота.

и 70302—080 242—78. 4702010200
078(02)—79

P2

85 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ